

Татьяна Смирнова Александр Тестов
Покойники в доле

Большой Приз – 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571605
«Тестов А., Смирнова Т. Покойники в доле»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0640-9

Аннотация

Мужчина и женщина. Оба из XXI века. Разными путями и в разное время оказались в кипящем котле XVII века – Карибском море. Они не знали о существовании друг друга... до поры.

Одна цель свела их вместе – Большой Приз. Клад – несметные сокровища, спрятанные на затерянном острове посреди Карибского моря. Беда только в том, что о кладе знает слишком много людей...

Александр Тестов, Татьяна Смирнова
Покойники в доле

*Будем живы. Когда-то закончится время потерь.
Будет ветер попутный твоим каравеллам до самого Рая.
Только, знаешь ведь, счастье возможно лишь здесь и теперь.
Только об руку с болью. И только у самого края.
Ни в грядущем, ни в минувшем – нет там алмазных небес.
Если только в Раю... Но вот нас там не очень-то ждут.
Мы живем ожиданьем удачи, любви и чудес.
Но уходят года. И когда-нибудь вовсе уйдут.
Будем живы. Когда-то закончится время потерь.
В Райской гавани встанем на якорь в назначенный час.
А пока будем живы и веселы здесь и теперь.
А алмазы в Раю пусть подольше сияют без нас.*

Пролог

Лондон, Британская Империя, апрель 1685 год

(за год до описанных событий в первой книге)

Она ровным счетом ничего не понимала, кроме того, что происходит что-то странное, что не укладывалось ни в какие рамки логики и здравого смысла. В очередной раз открыв глаза, и обнаружив над собой все тот же низко нависающий потолок в пятнах сажи, а рядом, на одном тюфяке, под одним одеялом в ужасных пятнах все ту же старуху с педикулезом... кстати, пятно от рвоты так и не застирали... Она в очередной раз зажмурилась в ожидании, что сейчас блаженное беспмятство уберет этот кошмар. Но сознание уже крепко знало дорогу в ее совершенно здоровое тело (за исключением большой шишки на голове), и обморока не получилось. Волей-неволей пришлось как-то осваиваться с действительностью. А что делать? Судьба, рок, фатум – сколько красивых названий, в сущности для одной большой ж... Она красноречиво выругалась, хотя это было и не положено актрисе. Хотя, что только не может актриса. Настоящая актриса может все! Она задумалась, но не надолго.

Мерзкий запах мочи, рвоты и немых тел, осадил полет фантазии и укоротил размах философии. Все это непотребство наводило на мысли о ночлежке, той, где коротают досуг бездомные бродяги. Но как она оказалась в ночлежке? Ушиб головы лишил ее сознания, но не памяти. Девушка отлично помнила, что не падала на улице, все произошло в театре, на репетиции. Не могли же коллеги по сцене выкинуть ее на тротуар?

Хорошо, допустим, они вызвали «скорую помощь» и та отвезла ее в больницу. В очень плохую больницу. Ту, где врачи пьют, зам по АХЧ ворует, а медсестрам на все плевать. Но даже в очень плохой больнице должна быть хотя бы одна электрическая лампочка на палату. Не может быть, чтобы в наше время помещения освещались... вот этим...

«Вот это» стояло на небольшом столике у входа и слегка напоминало керосиновую лампу «летучая мышь», которую девушка еще в детстве как-то обнаружила на чердаке бабушкиного старого деревенского дома. Только эта лампа была совсем новая, почищенная, и керосином от нее не пахло.

Дверь была деревянной, плохо струганной, очень низкой. Она напоминала подвальную, но над самой притолокой висела картина. Вернее, не картина. Икона. У мужика был нимб над головой. Самого святого, девушка, конечно, не узнала, с этой стороны в ее образовании был большой пробел.

Она сильно замерзла. Прижиматься к педикулезной старухе не было никакого желания, и девушка попыталась осторожно сесть и оглядеться, чтобы попробовать найти если не калорифер, так хотя бы дополнительное одеяло. Или кого-нибудь, у кого можно это одеяло попросить. А лучше сразу – свою одежду, и домой. Дома, конечно, тоже мало хорошего, но хоть тепло и вши по одеялам не ползают.

– Брр... – при упоминании этих мерзких тварей, она вздрогнула, и брезгливо скинула одеяло.

Ее движение заметили. Она поняла это, когда на нее уставились сразу две пары любопытных глаз. Одни принадлежали девчужке лет семи, а другие... мужчине.

– Простите, – сказала она, – вы не подскажете, как найти медсестру?

Любопытные глаза округлились.

– What? What is she mumbled about?¹

Давно и хорошо знакомый английский язык девушка не признала. Слова мужчины прозвучали как какая-то неведомая тарабарщина. Может, виной всему был его акцент? Или парочка выбитых зубов?

«...Откуда в такой ужасной больнице иностранец?»

– Эй! – громко позвала она, – кто-нибудь тут может мне ответить?

Старуха рядом завозилась и попыталась натянуть тонкое одеяло на себя.

– Why do you scream?² – спросил мужчина. На этот раз она его почти поняла.

– Я хочу пить, – ответила девушка, с некоторым трудом припоминая слова языка, которым не пользовалась уже почти год.

– Здесь все чего-нибудь хотят, – пожал плечами мужчина.

– А где я? Это больница?

– Больница... Больница святого Луки, прихода Уэрствуд, – пояснил мужчина, – плохое место. Вчера тут умерли трое. А позавчера вынесли сразу пятерых. Черная оспа. Плохое время для тех, у кого нет ни пенни.

– Подождите, – девушка помотала головой, – подождите, вы хотите сказать, что... Но ведь оспы давно нет!

– Давно не было, – согласно кивнул мужчина, – в последний раз она навещала эти места лет пятнадцать назад. Тогда тоже многие умерли. Целые улицы стояли пустые. Но что же тут поделать? Бультон – город торговый, все его богатство – корабли. Море приносит фунты и шиллинги, оно же приносит и оспу. Должно быть, какой-то больной моряк сошел на берег. А ты, наверное, счастливица. Давно здесь лежишь, а вперед ногами пока не вынесли. Значит, не берет тебя оспа?

– Мне же прививку сделали, – машинально ответила девушка, – когда мы собирались на гастроли по странам Азии. И от оспы, и от холеры, и от кучи других болезней, которых уже давно нет... Но, я не понимаю... при чем тут море?

– Странно ты говоришь, – покачал головой мужчина, – вроде по-нашему, но ничего не понять.

– Кто бы тут вообще что понял, – пробормотала девушка. Она уже совсем, было, решила поискать свои туфли, да попытаться выйти наружу, чтобы позвать хоть кого-нибудь из персонала этой странной больницы, когда открылась дверь с низкой притолокой, и в комнату, сильно пригибаясь, шагнул еще один мужчина. Молодой, с бледным, вытянутым лицом, в черном, наглухо застегнутом костюме, состоявшем из длинного приталенного пиджака и сильно зауженных брюк, заправленных в высокие сапоги. Весь его облик наводил на мысли о театре. Какой-нибудь статист из труппы? Тогда почему она до сих пор ни разу его не видела?

Увидев ее полусидящей, мужчина заторопился.

– Хорошо, что вы пришли в себя, – быстро проговорил он, подходя ее постели, – нам нужно как можно скорее покинуть это место.

Едва он открыл рот, девушка испытала второй шок, едва ли не сильнее первого. И этот тоже говорил по-английски! Правда, куда более правильно и понятно, чем ее недавний собеседник, но это было слабым утешением.

– Одевайтесь, – велел он. Только тут девушка заметила, что у него в руках какие-то

¹ Что? Что такое она бормочет? – *англ.*

² Что ты кричишь?

вещи. Мужчина бросил их на одеяло, выпрямился и чуть громче, чем следовало, добавил, – Поторопитесь, Элеонора. Нас ждет экипаж.

Элеонора?..

– Но я не...

– Вы справитесь сами, или прислать Малону, чтобы она вам помогла? – мужчина наклонился... и вдруг прошептал, почти не разжимая губ, в самое ухо, – Вам что, здесь нравится? Если хотите, то можете остаться. Но тогда ни я, ни кто другой и пальцем не шевельнут, чтобы вам помочь.

Что ж, определенная логика тут была. Не раздумывая больше о том, за кого ее приняли, и куда собираются везти (вряд ли там будет хуже, чем здесь), девушка принялась торопливо разбирать узел с вещами. Мужчина в черном деликатно отвернулся, а ее недавний собеседник и не подумал. Впрочем, ей было все равно. Актерам частенько приходится переодеваться очень быстро, на глазах друг у друга, когда сцены идут одна за другой, и нет времени искать укромный закуток.

Она торопливо разобрала принесенную одежду, стараясь, чтобы вещи как можно меньше соприкасались с грязным одеялом. Тут были длинные, очень теплые шерстяные чулки с подвязками, которые она натянула с огромным удовольствием, потому что сильно озябла. В том, как их закрепить на ногах, не было ничего хитрого – просто крепко завязать над коленями. Следующей оказалась, довольно неуклюжая и тяжелая, условно-белая, застиранная рубаша почти до икр, такая же длинная темно-коричневая юбка, корсаж, в который при желании можно было упаковать еще одну такую же субтильную девицу, и страшно неудобные туфли с лентами. Мало того, что они были размера на два больше нужного, так еще и оказались сильно стоптанными внутрь. Ну, да, небось, не свалятся, и не всю оставшуюся жизнь ей в них ходить. Больше всего ее обрадовал огромный, толстый шерстяной платок, в который она закуталась с носом, едва не мурлыча. Последним предметом гардероба оказался... чепчик. Живо представив себе, каким чучелом будет в нем выглядеть, девушка уже хотела гордо проигнорировать головной убор. Но вспомнила о педикулезе и быстро натянула страшный чепчик на зудящую голову. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь на улице увидел, как по ней вши ползают.

– Я готова, – сказала она. По тому, как удивленно вскинул брови обернувшийся мужчина, девушка сообразила, что сделала что-то не то. Но поправлять ее он не стал. Просто пожал плечами и бросив:

– Следуйте за мной, – пошел по проходу.

С невыразимым облегчением она поспешила за ним, покидая место, которое ей больше чем просто не понравилось.

Это и впрямь оказался подвал. Поднявшись по узкой деревянной лестнице вверх, они толкнули дверь. Колокольчик над ней не звякнул, а лишь глухо стукнул, так как шедший впереди мужчина придержал его ладонью. Скрипнула в петлях тяжелая дверь, выпуская их на узкую улочку, со всех сторон сдавленную глухими каменными стенами.

На улице стояла ночь. Тонкий серп луны застенчиво серебрился над крутыми крышами, едва не цепляясь за торчавшие трубы. Воздух был свеж и упоительно сладок.

– Где мы? – опешила девушка.

– В районе доков, – бросил мужчина, не вдаваясь в подробности. Видимо, решил, что ей и так все понятно. Но возражать она не стала. И не потому, что согласилась, а потому что едва не упала в обморок от изумления: их ждала самая настоящая карета с запряженной лошадью. Лошадь переступала с ноги на ногу и вела себя беспокойно. Возможно потому, что на козлах никого не было. Немногословный сопровождающий распахнул перед ней дверцу кареты и подал руку, помогая взобраться в высокий, и довольно-таки неудобный экипаж. Едва она разместилась на жестком сидении, он захлопнул дверцу и через мгновение стукнули копыта, карета дернулась и куда-то двинулась.

Ехали достаточно долго. Куда? Она не имела ни малейшего понятия. Окна в карете были занавешены плотными шторками. Пару раз она их отодвинула, чтобы хоть как-то

сориентироваться, но быстро опустила снова, и в полуобморочном состоянии откинулась на деревянную спинку. В неверном свете умирающего месяца она увидела аккуратный ряд приземистых зданий, каменных, с узкими окнами, закрытыми глухими ставнями, толстые решетки оград, круглые арки и тонкий шпиль какого-то культового сооружения, и низкий горбатый мостик через какую-то канаву. Ничего общего с ее родным городом.

Вдобавок, в карете укачивало.

* * *

– Ну и как?

– Блаженство, – промурлыкала она, медленно скользя ладонями по голым плечам. Вода была восхитительно горячей, замечательно мокрой и обалденно чистой.

– Подлить еще горячей?

– Да нет, хватит. Иначе я в вареную рыбку превращусь.

– В рыбку не надо, – улыбнулся Джаспер, – рыбки – существа молчаливые, а тебе говорить нужно.

– Говорить? Я плохо говорю?

– Хорошо говоришь. Только немного не так, как у нас. Так в Лондоне говорят. В Оксфорде. Здесь север. Ты должна говорить так, словно здесь родилась и всю жизнь прожила. И времени у нас мало.

– Мало – это сколько?

– Не знаю... Так что нужно торопиться.

Большую лохань, которую ученик доктора назвал ванной, он сам принес на второй этаж небольшого домика, сам нагрел воды. И выдал ей большую банку какой-то вонючей мази, от вшей. А еще целомудренно прикрыл ее вместе с лоханью большой простыней.

Они оказались ровесниками. Джаспер точно так же рано потерял отца, был вынужден пробиваться в жизни сам. Доктор Уиллмор взял его в ученики.

– Правда, учиться у него особо нечему, – делился Джаспер, – умеет только кровь пускать да клизмы ставить.

– Как же он лечит? – удивилась гостя.

– А так и лечит: если пациент выживет, принимает гонорар с улыбкой. А если умрет, то с выражением неизбывной скорби на благородном лице.

– А ты циничен, – заметила она.

– Как все лекари. Когда делаешь вскрытие и вынимаешь из распотрошенного тела шесть ярдов кишок, полных дерьма, довольно трудно продолжать верить, что человек создан по образу и подобию Господа.

– Ну, существует еще версия, что человек произошел от обезьяны путем эволюции, – неосторожно брякнула она.

К ее удивлению, Джаспер задумчиво покивал, скорее соглашаясь, чем возражая.

– Да, в этом определено, есть что-то правильное.

– Я думала, что за такие высказывания здесь казнят.

Джаспер снисходительно улыбнулся:

– В Англии вешают только убийц, воров и пиратов. Думать и говорить можно все что угодно. Главное – ничего не делать.

– Но как же ты собираешься выучиться на доктора, если твой учитель – полный профан?

– Профан. Но у него есть хорошие книги. И время от времени он дает мне их почитать.

Джаспер мечтал заработать денег и отправиться учиться в Германию, в самый лучший университет мира.

В камине потрескивали поленья, их красноватый, пляшущий свет разгонял предутренний мрак. Экономя деньги, которых было совсем немного, Джаспер не зажигал свечей. За единственным окном, узким, похожим на бойницу и сейчас закрытым плотными

ставнями, просыпался портовый город Бультон, Англия... семнадцатый век. Поверить в это было трудно. Но не верить собственным глазам, ушам и прочим органам чисто вымытого тела – еще труднее.

– Ты хоть что-нибудь помнишь из своего прошлого?

Девушка покачала головой:

– Почти ничего...

С молодым учеником лекаря было очень легко, почти как со старым приятелем, но девушка все же остереглась обрушивать на парня сногсшибательные сведения о том, что она – эмигрантка во времени. Сославшись на ушиб головы, она довольно убедительно разыграла сцену амнезии: ничего не помню, ничего не знаю, ах как кружится голова ... Джаспер внимательно осмотрел ее зрачки и поверил. Возможно потому, что голова и в самом деле кружилась, да и подташнивало. Видимо, сотрясение мозга все-таки имело место быть. Ну что ж, Слава сотрясению!

– Имя-то хоть свое помнишь?

– Имя?... Да, имя помню. Меня зовут...

– Ты уж лучше и его забудь, вместе со всем остальным, – посоветовал Джаспер, – зовут тебя Ирис. Ирис Нортон. Ты – самая богатая наследница севера Британии. Твой отец – Альфред Нортон, владеец нескольких торговых кораблей и мануфактур. После отмены налога на ситцы стал очень богатым человеком. Мать звали Энни. Она умерла пятнадцать лет назад от Черной оспы... все же удивительно, что оспа не тронула тебя. Может быть, ты когда-то переболела? Но следов нет... Подруг у тебя почти нет. Отец часто брал тебя с собой в плавания, так что здесь ты не успела ни с кем подружиться. Разве что с дочкой судьи Бэрта, кажется, Кэти. За прошлую неделю эта шустрая мисс раз тридцать спрашивала о твоём здоровье. Насколько я знаю, ты пока еще не помолвлена, так что в ближайшее время замужество тебе не грозит.

– И то – хлеб, – фыркнула девушка. Она старательно запоминала все, что говорил ей Джаспер, так, словно примеряла на себя новую роль, вживаясь в другого человека, в его особенности характера, привычки, прикладывала к себе чужую жизнь, соображая, как «сядет». Но душу все равно грыз червячок сомнения.

– А что же будет с ней? С настоящей Ирис Нортон?

– Она умрет. В ближайшие дни или даже часы, – Джаспер присел на стул рядом с лоханью, внимательно глядя в глаза своей гостье и сообщнице, – если бы можно было что-то сделать, я бы сделал. К сожалению, ей уже ничем не помочь. Но ведь это же не повод, чтобы не помочь тебе? Ну и себе тоже...

– Вот как?

– Именно так.

– Мне кажется, что я краду чужую жизнь.

– Ты дашь смысл жизни и счастье хорошему человеку, который все последние дни сходит с ума. У него будет дочь, у тебя – отец, дом и будущее. Что в этом плохого?

– Не люблю обманывать.

– А как же ложь во спасение?

Девушка опустила голову.

– Я замерзла, – сказала она.

Джаспер осторожно снял простынь, держа ее между собой и девушкой и, едва она выбралась, закутал ее по самый нос. Да так ловко, что даже не прикоснулся к ее телу.

– Иди к камину, грейся. И подумай вот о чем: у тебя ничего нет. Ни денег, ни друзей, ни дома. Чем ты будешь зарабатывать на жизнь? Может быть, конечно, тебе удастся устроиться в гувернантки. Ты знаешь французский язык?

– Нет... моим вторым был испанский.

– Ну, здесь это никому не нужно. На клавесине играть умеешь? Рисовать? Преподавать манеры, этикет?

– Шутишь?

– Ну вот видишь, – ее спаситель безнадежно развел руками, – ты ничего не умеешь...
– Я умею танцевать, – вдруг перебила его будущая Ирис. Ей от чего-то стало не по себе. Ну, как это она ничего не умеет – стыдно.
– Да, – протянул Джаспер, приподнимая брови. – Покажи.
– Ха. Щас, – она фыркнула, поудобнее подобрала широкую простыню и изобразила дискотечный денс.

Она так забавно прыгала и скакала, одной рукой прижимая грудь, а другой выводя волны, что Джаспер не смог удержаться от смеха.

– Хватит. Прошу тебя... ха-ха... это смешно... уф, и никуда не годиться.

Она оборвала музыку в своей голове и унца-унца остановилась.

– Что? Не очень? – девушка мотнула головой, откидывая мокрые волосы с лица.

– Интересно где тебя так научили... мм, кривляться?

– Чтобы ты понимал, – она резко крутанулась на пятках, демонстративно отворачиваясь от собеседника.

– Ну и куда ты пойдешь, с такими умениями? – Джаспер унял смех и вновь стал серьезным. – В уличный балаган? В дом мамыши Ренарс?

– Это кто еще такая?

– Тебе лучше не знать. Хотя если не хочешь быть Ирис, я могу тебе объяснить...

– Я поняла. Не надо.

– Еще можно на мануфактуру к тому же Нортону? Чтобы через пять лет умереть от чахотки в той же больнице для бедных, из которой я тебя вытащил? И какой смысл в этом подвиге?

Новоявленная Ирис Нортон, самая богатая наследница и прочее опустила голову. Смысла и впрямь не было.

– Пошли к огню, – Джаспер прервал свои нравоучения, заметив, как задрожали ее губы. – Иди, я принесу тебе одежду.

Девушка вскинула веки.

– Чистую одежду... – повторил он.

Она повиновалась и прошлепала еще мокрыми ногами к камину. Девушка умастилась на старом протертом кресле и зябко поджала ноги. От огня шло чертовски приятное тепло. Камин почти не дымил...

Джаспер вскоре вернулся. Он деликатно положил ей на колени платье.

– Не новое конечно... но вскоре у тебя будет наряд достойный наследницы Нортонов.

Она поблагодарила его кивком головы, и Джаспер, соблюдая приличия, вышел, давая ей возможность переодеться.

– Готово, – громко позвала девушка, закончив облачение.

Платье пришлось ей в пору. Совсем простое, наверное, именно такое носили тут простолюдинки. Так или примерно так подумалось новоявленной Ирис.

– Продолжим, – сказал неумолимый Джаспер. Он прошел к камину и устроился на табурете. – Ты побывала почти во всей Европе, в Италии даже жила, у вас там шикарная вилла на побережье. Была в Индии. У тебя много друзей среди моряков с отцовских кораблей, все они любят тебя, как собственную дочь.

– Постой, но как же... я ведь никого из них не знаю в лицо, – испугалась девушка.

– И не надо. Я предупрежу твоего отца, что сильная лихорадка, похоже, повлияла на твой мозг, и ты не узнаешь людей. Кстати, будешь надевать платок, так больше не завязывай.

– А как? – удивилась девушка.

– Я покажу.

* * *

К «родному» дому они подъехали в четыре часа утра. Осторожно, словно пробирались по территории, занятой врагом. Экипаж оставили у высокой ограды, довольно далеко от

самого дома. Джаспер нашел едва заметную в сумерках калитку и, к удивлению девушки, отпер ее своим ключом. Она решила не уточнять, откуда ключ у скромного ученика лекаря. Мало ли? Может быть, у него здесь невеста. Похоже, они оказались где-то на задах особняка Нортон. Из под ног, круто вверх уходила тропинка, обсаженная ровно постриженным боярышником и уже через несколько шагов разворачивалась широкой гравиевой террасой, первой из трех. Терраса была обнесена низеньким заборчиком, а по всему периметру в огромных вазонах, украшенных лепниной, темнели можжевельники, и еще какие-то голые кусты. Дом был выстроен на вершине холма, и, задрав голову вверх, девушка разглядела лишь крутую крышу с высоченной каминной трубой. Если судить по крыше, то дом был очень большим.

– Здесь раньше была монастырская ферма, – пояснил Джаспер, – но шестьдесят лет назад ее купил первый господин Нортон и перестроил под дом. Ваш отец родился уже здесь.

Они поднимались по лестнице, выложенной камнем, мимо ровных квадратов дерна, уложенных рядами и аккуратно разделенных гравиевыми дорожками с обелисками. Первую террасу сменила вторая, еще более просторная: здесь уже стояли низенькие скамеечки и небольшая итальянская беседка с круглой крышей. Отсюда открывался изумительный вид на многолетние луга. Они простирались сразу за оградой на много миль. Здесь росли дикie бледно-желтые нарциссы, лилии, пурпурный ятрышник и первоцвет, из которых издавна делают вино в английских деревнях. Впрочем, сейчас было не то время года, да и не то время суток, чтобы любоваться лугами. Горизонт слегка просветлел, но низину заволокло молочно-белым туманом, который быстро поднимался и уже скрыл первую террасу.

– Поторопимся, – бросил Джаспер, – иначе опрокинем здесь какой-нибудь псевдо-греческий горшок, шуму наделаем.

Внезапно в ладонь девушки ткнулось что-то мокрое и холодное. Она сдавленно вскрикнула и обернулась. Сзади, темной тенью, стоял огромный лохматый пес ярко-рыжего окраса, со стоячими ушами, вытянутой мордой, широкой грудью и пышным хвостом-метелкой. Этот хвост сейчас усиленно мотался из стороны в сторону, а внимательный взгляд карих глаз, казалось, излучал доброжелательное любопытство.

– Не бойся. Это Дафна. Она любит всех подряд, даже мальчишек, которые лазают в сад за ягодами. Нортон привез ее из Шотландии, надеялся сделать сторожевую собаку. Только из Дафны сторож как из соломы – гвоздь.

Джаспер потрепал собаку по загривку, и та немедленно плюхнулась на спину, подставляя живот на предмет – почесать.

– А что там? – спросила девушка, указывая на низкое вытянутое строение с покатой крышей.

– Конюшни, – ответил Джаспер спокойно, как о само собой разумеющемся.

– А... она... то есть я – умею ездить верхом?

– Конечно. Все умеют ездить верхом.

– Я не умею, – призналась девушка.

– Как это? – по-настоящему удивился Джаспер.

– Ну, как-то не случилось, – туманно ответила она.

– Хм... Ну, ладно. Пока от тебя все равно никто не потребует, чтобы ты садилась на лошадь. А потом что-нибудь придумаем. Можешь же ты после тяжелой болезни внезапно разлюбить верховую езду.

– Ох, чует мое сердце, завалю я этот спектакль, – пробормотала девушка.

– А вот это брось. Если у тебя такие мысли, то, конечно, ничего не получится. Думай о хорошем и ничего не бойся.

В сопровождении Дафны, радостно вилявшей хвостом, они достигли задней, каменной стены дома. Он и впрямь был огромен, или казался таким вблизи, от того что все остальные постройки были гораздо меньше, и лепились к нему, как цыплята к боку наседки. В дом «заговорщики» вошли черным крыльцом, через кухню, которая ничем не напоминала знакомые девушке кухни ее времени: никакого тебе дизайна, никакой красоты и уюта.

Подсобка – и подсобка. Очаг, несколько перевернутых горшочков, правда, чистых, посередине большой разделочный стол, а по стенам развешены сита, шумовки, половники и прочий нужный скарб. Пословицу: «кухня – сердце дома» явно еще не придумали.

В доме все спали, поэтому им беспрепятственно удалось подняться на второй этаж по узкой темной лестнице – девушка крепко держалась за руку Джаспера и больше всего опасалась споткнуться и упасть, перебудив весь дом. Хоть ее проводник и уверял, что никакой опасности нет, ей казалось, что он говорит это специально, чтобы ее подбодрить, а в глубине души и сам далеко не уверен в благополучном исходе их общего приключения.

Спальня была освещена единственной свечой, горевшей на низком столике рядом с монументальным сооружением из черного дерева, с колоннами, украшенными фигурной резьбой. Спинка напоминала невысокий забор, и девушка даже не сразу поняла что это – кровать.

– Не беспокойся, – сказал Джаспер, по-своему истолковав колебания девушки, – ее здесь нет. Я обо всем позаботился.

– А где она?

– Если есть рай, то она, безусловно, среди ангелов. Она была хорошей девушкой. Доброй. Все ее здесь любили.

– Когда она умерла?

– Сегодня. Во втором часу ночи. Даю слово, а если тебе мало, то могу поклясться, я сделал все что мог, чтобы она осталась с нами. Я ведь тоже ее любил. Хороших людей мало...

– А что стало с ее телом?

– Его сожгут сегодня на рассвете, как поступают со всеми, кто умер от оспы. Это правильно. Мы не должны давать болезни лишних шансов, их у нее и так слишком много.

– Как-то это несправедливо, – пробормотала девушка, – она должна лежать на семейном кладбище, чтобы родные и друзья смогли ее навещать.

– У родных и друзей будет живая Ирис, это куда лучше, чем могилка с цветочками, – отрезал Джаспер, – а мертвому телу все равно.

– Откуда ты знаешь? – вскинулась девушка.

– Как говорить, чтобы у тебя было столько фунтов, сколько мертвецов я видел и сам, лично, резал. И ни разу не нашел ничего, даже отдаленно похожего на душу. Значит, в момент смерти она в самом деле покидает тело. А кусок плоти чувствовать не может. Тем, кто думает иначе, стоит перестать есть бифштексы.

– Ты все-таки просто невероятно циничен, – пробормотала она и с любопытством огляделась.

Спальня располагалась под крышей, и потолок круто уходил вверх. Над головой нависали темные от времени потолочные балки. Стены были зашиты деревянными панелями с крупной резьбой: не только дань моде, но и, как сообразила девушка – вполне рациональное решение. Дерево лучше хранило тепло, это было важно в доме, где не могло быть центрального отопления. Высоко, почти у самого потолка, висели несколько картин, но что они изображали, девушка не разглядела. Напротив монументальной кровати, где вполне поместилась бы волейбольная команда (детская – даже с комфортом), стояло трюмо: большое зеркало в резной раме, столик – куча ящичков, гнутые ножки, два стула со светлой обивкой, небольшой, массивный комод, напоминающий симпатичного слоненка. Бельевого шкафа не наблюдалось. Должно быть, одежду тут в спальне не хранили. А где ее хранили? Ладно, разберемся. На полу лежал толстый ковер, но все равно снизу тянуло холодом.

– Она умерла прямо здесь? – спросила девушка.

– Не беспокойся, – повторил Джаспер, – мы уже выяснили, что к оспе ты невосприимчива. Но все белье я поменял, прежнее кривая Маргарита сожгла.

– Что... мне нужно делать?

– Сейчас – спать. Утром я сообщу отцу радостную весть, что кризис миновал. Спокойной ночи, мисс Нортон. И – со счастливым выздоровлением.

Бал в честь чудесного выздоровления самой богатой наследницы севера Британии решено было устроить в особняке Ченнефилд. То количество гостей, которое на радостях пригласил мистер Нортон, просто не поместилось бы ни в одном зале Бультона. Разве что в ратуше... Обнаружив это обстоятельство буквально накануне бала, Альфред растерялся, но Кэти Бэрт, которая в последнее время только что не ночевала в доме лучшей подруги, уверенно улыбнулась и сказала, что все уладит. Причем, и в самом деле – уладила. Причины особого расположения виконта к дочери судьи уходили еще в те времена, когда молодой юрист Бэрт отстаивал права молодого дворянина на титул и поместье. Впрочем, сейчас об этом уже мало кто помнил. Кэти была вхожа в избранный круг – и точка. Сейчас это обстоятельство оказалось как нельзя более кстати.

Альфред, который принес дочери радостную новость, был изрядно удивлен, увидев, как лицо ее залила бледность, а улыбка, появившаяся на нем мгновение спустя, показалась отцу несколько натянутой. Впрочем, странности он привычно списал на последствия тяжелой болезни. Их у дочери хватало, и эта была еще не самой большой. По сравнению с первыми днями после выздоровления, когда Ирис глядела широко открытыми и не узнающими глазами на людей, которые были рядом с ней с самого ее детства, путала имена и мучительно долго обдумывала ответ на простейший вопрос, внезапная бледность была пустяком. Альфред выбросил его из головы раньше, чем поднялся по лестнице на второй этаж.

А вот Ирис предстоящий бал добавил беспокойства. Она едва дождалась, пока широкая спина мистера Нортон не исчезнет за поворотом длинной витой лестницы, и опрометью кинулась наружу.

Она уже довольно хорошо знала дорогу через сад до задней калитки, потом через луга, опушкой леса к большому приземистому дому Бэртов.

– Кэти! – крикнула она, оказавшись во дворе судейского дома. В окне показалось удивленное лицо подруги. Удивляться было чему, они ведь расстались меньше часа назад. Через минуту подруга оказалась рядом.

– Что случилось?

– Бал! Он все же будет. А я так надеялась, что все сорвется...

– Надеялась? – Кэти с удивлением уставилась на девушку, – почему? Чем тебя не устраивает бал? Я думала, ты хочешь... Ты ведь должна была так соскучиться по танцам.

– В том то и дело, – вздохнула Ирис, – понимаешь... Я... В общем, я, кажется, разучилась танцевать.

– Но это невозможно, – ахнула Кэти, – как можно разучиться танцевать?

– Выходит, можно. Я немного помню движения менуэта, – глядя прямо в глаза подруге, честно соврала Ирис, – но это все.

Кэти покачало головой. К счастью, этой милой, искренней девушке и в голову не пришло ни в чем сомневаться.

Две недели назад, в первый раз увидев над своей кроватью ее лицо, на котором смешались радость и беспокойство, Ирис изрядно струхнула. Ее «подружка детства», девушка, с которой она вместе выросла, делилась самыми сокровенными тайнами... Кэти знала об Ирис Нортон больше, чем та – сама о себе. К ее невыразимому облегчению все обошлось. Видимо, ученик доктора был очень убедителен, расписывая, к каким последствиям для ее головы могла привести лихорадка. А Кэти так искренне радовалась ее «выздоровлению», так боялась, что болезнь вернется и так старалась помочь подруге поскорее «все вспомнить», что всего через пару дней Ирис с удивлением поняла, что и вправду привязалась к дочке судьи. И, оказавшись в затруднительном положении, она бросилась к ней.

– Да! Удивительное дело, – Кэти покачала головой, – Джаспер говорил, что болезнь

повлияла на голову, но я как-то никогда не думала, что для танцев нужна голова. Мне всегда казалось, что достаточно ног и рук. Выходит, я ошибалась.

– Поможешь? – с надеждой спросила Ирис.

– Разумеется. Не могу же я бросить тебя в такой беде, как твой собственный бал. Пойдем наверх, у нас никого нет, а зал достаточно просторный.

...Пожалуй, самой большой неприятностью ее новой жизни оказалась необходимость носить корсет на жестких пластинах из китового уса. Это орудие пытки, с которым не сравнится бы ни «испанский сапог», ни «четки боли», приходилось надевать с помощью горничной, ее звали Мэри.

В первый же день Ирис попробовала, было, словчить и, когда Мэри вышла, быстро, едва не выломав руки из суставов, расшнуровала платье и сбросила сооружение, в котором трудно было не то что ходить или, спаси господь, ездить верхом, а просто дышать. Натянув платье обратно, она попробовала снова зашнуровать его «как было»... и потерпела полнейшее фиаско. Платье оказалось настолько коварным, что просто не сошлось на спине, а уж о том, чтобы затянуть шнурки, и речи не было. Пришлось проглотить внутренний протест и снова позвать Мэри, солгав, что под корсет попали крошки от круассанов. В первую неделю она проклинала все на свете, потом только отвратительную деталь туалета, потом, к собственному изумлению, привыкла. Не то, чтобы совсем...

Но на балу корсет ее совсем не беспокоил. Платье ей сшили белое, по последней французской моде: с длинной и довольно тяжелой юбкой до полу, приталенное, закрытое, как и положено девушке не только незамужней, но даже не просватанной, но зато с несколько свободным лифом, не стягивающим естественные формы тела, рукавами, не стесняющими движений и чудесной вышивкой шелком, дополненной жемчугом и цветами из узких лент чуть темнее основного цвета платья. Невольно Ирис подумала, что там, у себя, в далеком уже двадцать первом веке смогла бы заработать недурные деньги, предложив эскиз этого платья солидному свадебному салону. Но эти мысли занимали ее недолго. Гораздо интереснее оказалось разглядывать прибывающих гостей, гадая, что привело их на бал в честь выздоровления дочки коммерсанта Нортон: общие деловые интересы с ее «отцом», желание своими глазами увидеть чудо – девушку, выжившую после оспы или же просто шанс появиться в доме виконта Ченнефилда.

К какой категории стоило отнести молодого, совсем молодого человека, который приближался к ней сейчас? Он был невысок, худощав, белокож. С характерно вытянутым лицом, из тех, что принято было называть «породистыми» (словно речь шла о лошадях или собаках), безус и безбород, но в сильно напудренном парике, высоко повязанном шейном платке с солитером, зауженном темно-красном камзоле, таких же панталонах, белых шелковых чулках и безупречно начищенных туфлях с большими пряжками. Ирис он напомнил героя из комедии Мольера или Бомарше...

– Молодой граф Эльсвик, – чуть слышно шепнула Кэти, исполнявшая на балу роль суфлера для Ирис, которая «все еще не могла вспомнить» большинство местных знаменитостей.

Ирис присела в реверансе, чуть менее глубоко, чем полагалось по этикету, приветствуя аристократа. От Джаспера она знала, что Эльсвики были так же знатны, как и бедны, и, вполне возможно, что на этот бал гордого британского графа привела возможность в кои-то веки поесть досыта. Мотив этот Ирис ничуть не считала постыдным, сама, бывало, проникала на банкеты и фуршеты с той же целью, да еще с подшитым к подкладке жакета потайным полиэтиленовым пакетом. Каждый выживает как умеет, не всем выпадает родиться с золотой ложкой во рту. Но и склоняться перед этим гостем в три погибели не имело смысла.

– Мисс Нортон, – проговорил юноша, слегка обозначая поцелуй на протянутой руке, – Ирис, я так рад что снова вижу вас в добром здравии. Я не знал, чем могу вам помочь, и просто молился.

– Благодарю вас, – ответила Ирис, – возможно, как раз этим вы мне и помогли, граф. Я

рада видеть вас на этом празднике.

– Могу я попросить вас, Ирис, оставить для меня танец? – спросил он и как-то робко, совсем по-щенячьи, заглянул ей в глаза.

«Ого, – быстро смекнула девушка, – да тут, похоже, нечто большее, чем просто соседская забота. Юный аристократ либо мечтает поправить свои дела за счет капиталов успешного негоцианта, либо попросту влюблен в симпатичную соседку. Прямо, театральные страсти».

– Третий, – вслух ответила она, улыбаясь, – первый я танцую с хозяином замка, а второй обещала человеку, которому обязана жизнью.

– Доктору Уиллмору? – удивился граф, – но он же никогда не танцует.

– При чем здесь доктор Уиллмор? – Ирис дернула плечом, – я имела в виду его ученика, Джаспера. Кстати, Кэти, ты не знаешь, почему его до сих пор нет?

Кэти покачала головой, а «породистое» лицо Эльсвика вдруг сделалось каким-то испуганным и виноватым.

– Так вы ничего не знаете? – вполголоса удивился он.

– О чем? – спросила Ирис.

– Ученик доктора... Господи, да это случилось почти две недели назад! Уиллмор послал его к жене викария. У нее ведь тоже была оспа. Хотя, зачем ей врач, вполне хватило бы и мужа, бедная женщина все равно уже умирала.

– Но Джаспер уже переболел оспой, он не мог заразиться! – помимо воли Ирис сказала это слишком громко и поймала на себе несколько удивленных, возмущенных и крайне заинтригованных взглядов. Впрочем, ей сейчас было не до них.

– Оспа здесь не при чем, – пояснил Эльсвик, – Хотя, эти парни хуже чумы... Джаспер возвращался довольно поздно, один. И стал жертвой грабителей. Вероятно, они позарились на его лекарскую сумку... или на башмаки.

– И он?.. – Ирис почувствовала, как ее заполняет ужас и еще какое-то чувство, которому она не могла дать название. Возможно, острое сожаление?

– Он погиб, – подтвердил граф, – у него ведь не было с собой никакого оружия, кроме ланцета. Если бы он был дворянином и носил шпагу...

Но Ирис его уже не слышала. Ее душили слезы, которым нельзя, просто никак нельзя было позволить пролиться здесь, среди всей этой толпы любопытных сплетников.

Сообразив, что девушка в шоке, Эльсвик отошел, бормоча извинения. Молодой граф оставил Ирис во власти двух совершенно противоположных чувств: жалости и... как это ни странно – облегчения. Единственный человек, знающий ее тайну, унес ее с собой, и ни шантаж, ни позорное разоблачение ей больше не грозили. Взглядом она нашла в толпе гостей невысокого толстячка с заметной лысиной, которую он не считал нужным прятать под париком. В ту ночь, когда Джаспер осторожно провел ее черным ходом в спальню молодой хозяйки, чтобы девушка заняла место покойницы, ей так и не удалось уснуть, ни на мгновение. Она лежала на широкой и довольно неудобной кровати, смотрела в перекрестье темных балок на потолке и гадала, что из всего этого может выйти. Страха не было. Может, потому, что уже отбоялась свое, еще там, в этой ужасной больнице.

А после появился он – этот колобок с добрым лицом пекаря но, как говорил Джаспер, волчьей хваткой успешного дельца. Он ничего не сказал, только смотрел, жадно смотрел на нее взглядом, полным надежды. А потом опустился на колени перед кроватью, робко протянул руку и стал гладить край одеяла. И так он стоял и гладил это несчастное одеяло чуть не до самого рассвета, а возможно, стоял бы и дольше, если бы девушка в странном, непонятном ей самой порыве, не выпростала руку и не сжала его ладонь. И коммерсант Нортон расплакался.

Девушка, капризом судьбы заброшенная так далеко от дома, там, в свое время, понятия не имела, кто ее отец. И не считала это большой потерей – многие росли без отцов. Но от ТАКОЙ любви отказаться трудно. Да и зачем?

Неделю спустя Нортон повез ее в порт. Он обещал сюрприз, из его туманных намеков девушка поняла, что речь идет о путешествии... Но особо радоваться не спешила. Конечно, морской круиз это очень здорово, но на какой-то деревянной лоханке, которая зависит от воли ветра и в любой момент может пойти ко дну, в каюте, где из удобств только ночной горшок и кувшин для умывания, а местный лекарь слыхом не слыхивал о таких вещах, как таблетки от укачивания?.. «Отец» искренне недоумевал, ведь настоящая Ирис обожала море и корабли едва ли не больше, чем лошадей и верховые прогулки. Наконец он списал ее настроение на недогадливость и, успокоившись, откинулся на подушки экипажа, предвкушая, как сейчас «дочка» сойдет с ума от восторга и с визгом повиснет у него на шее.

Гавань открылась ее взгляду внезапно. Только что тянулись унылой коричневой стеной однообразные доки, и вдруг словно развернулся старинный шелковый веер. Свинцовая вода с мелкой рябью золотых бликов, как огромная, протянутая к небу ладонь, держала на себе кажется пять или шесть парусников. Девушка мгновенно утратила дар речи и вцепилась взглядом в морских птиц, удивительные создания рук человеческих, порожденные легендой и порождающие легенды.

Парусники... Это была любовь с первого взгляда. Никогда, ни до, ни после этого, ей не случалось испытать такого сильного чувства. Оно жило в ней и теперь, не смотря на то, что корабли и вправду довольно часто тонули, а золото и свинец в самом деле оказались неразлучной парой: где одно, там и другое. Но общее несовершенство жизни никак не влияло на восторг, в который погружали девушку выгнутые ветром крылья кораблей.

Глава первая Измена

Карибское море. Необитаемый остров Фуатос. Июнь 1679 года

Упорство, настойчивость, немного знаний, хорошая память и испанское золото... да пусть даже серебро – вот залог стабильного процветания. А Джеймс Рик считал себя вполне процветающим бизнесменом. Странно, но ассоциации приходили именно такие.

– Господин Рик... – капитан «Фортуны», удобно устроившись на складном стуле, лениво созерцал полупустую палубу.

Бриг уже почти сутки стоял на якоре, в удобно и широкой бухте, в ожидании «Марианны», что должна была доставить ему из Англии два паровых молота, для его успешно развивающегося производства. Компания Бикфорда всегда держала слово и все, что он выписывал из метрополии, приходило точно по списку и всегда вовремя, ну почти вовремя...

Рик задумался, прищурил глаза, вспоминая, как полтора года назад заключил первый контракт с Адамом Бикфордом. Джеймс сдержанно улыбнулся лишь краешком губ.

Шутка ли за пару лет обзавестись всеми современными достижениями оружейного дела. Но в начале, конечно, пришлось попотеть. Подтянуть образование. Чего ему только стоил Роберт Вард с его «Критическими замечаниями о действиях боевых». И все это в оригинале! И если с разговорным английским Рик справлялся, то вот чтение трактата пришлось растянуть на долгий месяц. Да и капитан Крузо подкинул идею со своим пистолетом в 18 дюймов, с калибром 20 пуль на 1 фунт свинца. Вообще вся эта мерная система выводила Рика из себя. Ничего более дурацкого он еще не встречал. А посему когда он пригласил к себе Роджера Багги, тут же стал переводить все в более привычную систему. Сантиметры и миллиметры как-то больше грели душу и были понятны с детства. Правда пришлось повозиться и объяснить мастеру что к чему – линейку сделать. Но Роджер был оружейником от Бога и вскоре все пошло как надо. Собственная мастерская на Ямайке и отличный, просто превосходный гонорар за каждое изделие приковали Багга к месту. Еще бы – бронзовый барабан с 6 камерами, с собственной огневой полкой, механизм для

поворота барабана при взводе курка! Это ли была не удача! Правда вес – 3 килограмма и длинна 55 сантиметров, но лиха беда начало.

Роджер работал, щедро одаренный золотом и серебром. И мастерская вскоре разрослась до небольшого заводика. Для тихой деревеньки Палаймос это стало подарком свыше. Почти все население, так или иначе, трудилось на благо капитана Джеймса Рика.

– Вижу парус, – раздался бодрый окрик с марса.

Рик задрал голову. Марсовый склонился через ограждения и вытянул руку.

– Парус!

– Наконец-то, – Джеймс встал и резким движением разложил подозрную трубу.

Созерцать приближающийся силуэт пришлось довольно долго. Только через полчаса стало совершенно очевидно, что это и есть флейт «Марианна».

«Купец» порядком осевший, тяжело тащил свое тело к месту randevu.

– Готовьтесь парни, – возвестил Рик. – Будем принимать. Денни!

Помощник явился на зов и не заставил себя повторять дважды. Денни Расвен живо растолкал дремавшего у бизань-мачты боцмана, и вскоре пропела его дудка, возвещая аврал. «Фортуна» ожила. Матросы, как обезьяны, ловко облепили реи и вскоре бриг, расправив крылья, двинулся навстречу «Марианне».

Спустя полчаса бронзовый бриг Рика, покинул гостеприимную бухту. В подозрную трубу уже были видны маленькие фигурки на палубе «купца». А Джеймсу даже показалось, что он видит обоих сыновей Адама Бикфорда, как тут марсовый вновь известил сверху.

– Они поворачивают.

Убранная было труба, вновь вернулась на место.

– Что за черт! – Рик уже и сам видел, что «купец» поворачивал.

– Судно по левому борту!

– Откуда? – спросил помощник и глянул на левый борт. – Кэп, это же...

– Капер, – закончил за него Рик. – Вижу.

Капитан приложился к трубе и несколько минут разглядывал незнакомца.

– Француз, – себе под нос пробурчал Джеймс, узрев на стеньге флаг с лилиями.

– Так с французами же мир, – немного успокоившись ответил Денни. – Не будут же они... у нас и у «Марианны» Святой Георгий. Он что не видит?

Меж тем, «француз» встал круто к ветру и пошел прямоком на «торговца». Рик сжал кулаки. Ветер способствовал незнакомому каперу, и вероятность того, что он доберется до «Марианны» раньше, чем она была очень велика.

– Денни, ставь все и живо!

– Кэп, ты думаешь...

– Живо, я сказал! Черт бы побрал этого лягушатника. Откуда он тут взялся?!

Две мачты «Фортуны», с добавочными парусами легко рванули судно вперед. И все же Рик видел, что не успевал. Французский капер опережал его. Оставалось надеяться на опытность капитана «Марианны», что он сумеет маневром и орудиями продержаться до прихода подмоги.

– Сучья шнява, – под себе выругался Рик по-русски и вновь приложился к трубе.

Он сумел насчитать семь открытых портов на одном борту шнявы.

– Минимум одно носовое и одно кормовое... – Джеймс продолжал делать подсчеты, – итого шестнадцать. Не велика птичка. Денни! Лево на борт!

И тут Рик увидел дымок над бушпритов француза. Едва различимый звук орудийного выстрела оповестил о начале. Джеймс в подозрную трубу отчетливо видел как капитан флейта добавил парусов и пытается уйти от противника. «Купец» постоянно менял галсы, дабы не подставить свой борт под вражеский залп. Однако и капер не спешил разнести «Марианну» в щепки.

Французы сделали еще два выстрела из носового орудия под бушприт флейту. Англичане ответили одним из кормового.

– Денни! Медленно, Денни, медленно! – Рик с шумом захлопнул подозрную трубу.

– Все что возможно, сэр, – отозвался помощник и еще раз оглядел мачты. – Это все, кэп.

– Право на борт!

Увеличительные линзы были уже не нужны. Джеймс уже и так мог созерцать картину погони. Как ни старался капитан флейта, но все же французский капер уличил момент и произвел бортовой залп. Рик видел, как вражеские кнепиля рванули паруса флейта.

– Денни! Правый борт к бою! – Джеймс счел, что дистанция для его железных ядер вполне подходящая. И он вознамерился отогнать наглого капера.

Несколько минут нервного ожидания...

– Правый борт готов! – помощник застыл с поднятой рукой на батарейной палубе.

Рик вбежал по трапу, поднялся на ют, дабы лучше обозреть поле боя. В это время раздался залп. Сердце капитана сжалось. Он оперся о фальшборт и глянул на флейт. Вражеские ядра вгрызлись в борт «Марианны» и буквально смели часть команды со шканцев. Капер тут же пошел в разворот и подставил Рику свою корму. Джеймс отчетливо видел надпись.

– Приор, – прочел он по буквам.

– Капитан! – нервно прокричал Денни, призывая того к действиям.

– Залп! – отозвался Джеймс.

– Залп!

Из семи ядер, цели достигли четыре, разворотив вражескую корму.

– Лево на борт!

Штурвальный так резко дал обороты, что бриг чуть не лег на воду. Команда едва удержалась на ногах. Джеймс ухватился за поручни трапа и когда бриг завершил маневр, пулей метнулся к противоположному борту.

«Француз» тоже успел завершить разворот и теперь находился еще ближе к флейту.

– Он его потопит... – процедил Рик в сердцах сквозь зубы. – Денни! Левый борт!

– Готов!

Два залпа прозвучали почти одновременно, слившись в один протяжных раскат. Палубу заволокло дымом.

– Заряжай! – сквозь пороховой туман послышалась команда помощника. – Живее!

Ветер отогнал дымку и Рик узрел, как флейт забирает круто вправо, а капер вновь пошел на разворот, огибая «купца». Джеймс резко вскинул подзорную трубу и навел на цель.

– Кажется есть! – он заметил в борту шнявы две большие пробоины.

Железные ядра сделали свое дело.

Француз добавил парусов и стал забегать вперед «купца». Как не стремилась «Фортуна» на перехват, но не успела. Массивный корпус флейта закрыл шняву от орудий брига.

– Куда он смотрит?! – Джеймс врезал кулаком по фальшборту. Его вопрос был адресован капитану «Марианны», который так неловко и так не вовремя совершил очередной поворот. Конечно, он хотел скорее оторваться от капера, отойти поближе к своему бригу, дабы избежать очередного разрушительного залпа с близкого расстояния. Но Рику это вышло боком. «Фортуна» не могла открыть огонь.

– Лево на борт! – скомандовал Рик. – Быстрее!

Минуты текли чудовищно долго. Джеймс нервничал и было от чего. Раздался залп и Рик скорчил недовольную рожу. Почти на его глазах погибал «купец», а он бессилён. Все ядра капера достигли цели, почти в упор смели все со шканцев. Людей, орудия... треснул грот, и мачта наклонилась еще удерживаемая вантами.

– Денни! Круче! Дав... – Рик споткнулся на полуслове.

Только сейчас он заметил, чуть в стороне от «Марианны» шлюпку – четыре гребца и еще один...

Джеймс поднес трубу к глазам.

– Что за франт? Тьфу!

Бриг разминулся с флейтом и пошел прямо на «француза». Дистанция была предельно мала и Рик скомандовал:

– Пли!

Палуба под ногами дрогнула, и вновь все окуталось пороховым туманом. В ответ со шнявы раздался одинокий выстрел, и наступила тишина... почти. Когда стал виден результат залпа Рик довольно хмыкнул.

– Заряжай, – раздалась команда помощника и канониры тут же взялись за дело.

Капер сбавил скорость. Его фок-мачта завалилась на грот-мачту, фальш-борт превратился в щепки.

– Денни, добавь ему еще разок! – «француз» Рика больше не занимал. Дело было решенным. Теперь с куда большим интересом он уставился на шлюпку, что отошла от флейта.

– Это кто же там такой шустрый? – Джеймс навел оптику на цель. Нет, человека стоящего в шлюпке, почти в полный рост, в ярко васильковом мундире он не знал.

Он разглядывал незнакомца не больше минуты, а затем перевел трубу на «Марианну». Флейт выглядел не лучшим образом. Рик прекрасно видел, как на поврежденной палубе сутились матросы, убирая обломки и тела павших товарищей.

Джеймс дернулся от раздавшегося залпа и неудачно заехал себе в глаз.

– Денни! Е... – его голос потонул в орудийном эхе.

Стальные ядра впились аккуратно у ватерлинии французского капера и Рик мог не сомневаться, что хотя бы парочка из них прошла судно насквозь. Капер был обречен.

– Сэр, они выкинули белый флаг! – сложив руки рупором, прокричал Денни со шканцев, – Сдаются.

Джеймс обернулся – так и есть, почти белая тряпка, трепыхалась за место королевских лилий.

– Денни, идем к «Марианне», надо глянуть что у них.

– А французы?

– Да черт с этими лягушатниками – подождут.

* * *

На флейте видя развязку боя, зарифили все паруса и судно легло в дрейф. Бриг подошел вплотную к поврежденному «купцу» и тоже убрал паруса.

Первым кого увидел Рик был его старый знакомый боцман Том Хаггард. Именно тот самый Том, который одним из первых принял его в этом безумном прошлом. Джеймс помнил этот момент, такое разве забудешь?

– Том! Что у вас?

Боцман выглядел удрученным. Закопченное лицо изодранная рубаха и нелепо съехавшие вниз штаны.

– Артур... Генри... – боцман уныло опустил голову.

Рик проследил за его взглядом и узрел у ног Тома тела молодых людей. О том, что они были молоды, сейчас можно было только догадываться. Тела были изуродованы, лица посечены осколками. Вот только волосы, у обоих длинные до плеч, казалось сияли в лучах солнца, переливаясь рыжим оттенком. Джеймс никогда раньше не видел сыновей Адама Бикфорда. Никогда живыми...

– Эх, что же вы... – Рик покачал головой и приложил боцмана отборным русским матом.

Стоявший рядом Денни Расвен недоуменно покосился на капитана и аж присвистнул от услышанного.

– Что капитан? – спросил Рик. Когда многоэтажность ругательств достигла предела.

– Убит, – утерев лицо рукавом, ответил Том Хаггард, – убит...

– А кто в шлюпке?

– Сэр Ричмонд Кларк?

– Кто такой?

– Зять мистера Адама.

Джеймс кивнул. Как же он мог забыть – Ричмонд муж Эдит.

– Да-да... – он пристально посмотрел в сторону шлюпки, где видимо уже решили, что опасность миновала и теперь матросы усиленно гребли назад. Джеймс задрал голову вверх и глубоко вздохнул.

– Денни, это французское корыто на дно! – зло на выдохе выплюнул капитан «Фортуны» и резко развернулся на каблуках.

– Есть, сэр! Поднять паруса! Право на борт! Обе батареи к бою!

Матросы привычно взялись за дело.

Не прошло и полчаса, как «Фортуна» легла на нужный галс и легко нагнала медленно удаляющуюся шняву.

Поначалу французы не верили своему счастью. Они вывесили белый флаг, зарифили часть парусов, но противник не спешил брать их в плен. Напротив англичане, как будто забыли о трофее, бросили. И обратили свое внимание на «купца». Посему на шняве даже не позаботились зарифить полностью грот-мачту.

Но радость была преждевременной. Бронзовый бриг вернулся и англичане дали им всего десять минут на сборы. Шесть шлюпок быстро заполнились галдящими французами, после чего их отпустили. Шлюпки успели отойти метров на триста и «Фортуна» дала залп с правого борта. Крутой бейдевинд и новый залп с левого. Этого оказалось достаточно. С близкого расстояния железные ядра пробивали шняву насквозь, играючи, словно судно было сделано из картона.

Французы перестали ворочать веслами, а все как один уставились на свой погибающий корабль. Ему оставалось не долго.

– Денни! А ну-ка поддай этим лягушатникам из носового, для ускорения!

– Есть, сэр, – помощник понимающе кивнул и заспешил к носовому орудью.

Шнява «Приор», уже наполовину скрылась в волнах, когда носовое орудие англичан послало чугунный подарок французам. Ядро пущенное умелой рукой канонира, зарылось в воду посреди скопления шлюпок, вызвал высокий фонтан. Французам тут же вернулось самообладание и они с проклятиями в адрес победителей живо уселись по местам и взялись за весла. Их усердию можно было только дивиться. Весла мелькали с такой быстротой, что порой казалось, что это крылья огромной стрекозы.

– Так-то лучше, – буркнул Рик, – а то расслабились...

Капитан отвлекся от шлюпочных гонок и посмотрел на оставленную в стороне «Марианну». Вновь вернулась боль. Что он скажет старику Адаму? Что его двух сыновей больше нет? Вот так – оп! – Джеймс в задумчивости нервно щелкнул пальцами. – И нет. Обоих сразу.

– Откуда взялись эти французы?

Глава вторая

Черти в табакерке

Англия, Британская Империя, Август 1680 года

– Рад вас видеть в добром здравии, мой друг, – Адам Бикфорд пожал протянутую руку капитана. Рукопожатие его все еще было крепким, хотя сам он со времени их последней встречи на Ямайке сильно постарел, осунулся, на лице пролегли несколько новых, довольно глубоких морщин. Трудно сказать, в какой мере эти перемены были вызваны возрастом. Скорее, виной тут была глубокая скорбь по сыновьям... Да и переезд из «тропического рая» в сырую и холодную Англию тоже должен был сказаться на Адаме не лучшим образом.

Так или иначе, а одет он был с той же безупречной аккуратностью, взгляд был по-прежнему внимательным, а улыбка – сердечной.

Поместье Бикфордов располагалась неподалеку от городка Сент-Джерманс и было одной из главных диковин здешних мест. Прежде чем стать собственностью Бикфордов, дом был монастырем, и поэтому в нем было с избытком темных, мрачных залов и длинных коридоров, которые вели куда угодно, но только не туда, куда нужно. По заказу хозяйки дома, часть его была перестроена и выглядела вполне жилой: во всяком случае холл с традиционной «белой» лестницей, коридор и «курительная» не вызывали у Рика навязчивых ассоциаций с мрачными романами Вальтера Скотта. Но, похоже, после смерти жены, Адам потерял интерес к переустройству дома, и основная его часть так и осталась живой иллюстрацией довольно темного периода в жизни Англии. Столовая, например, оказалась сильно вытянутой и плохо освещенной комнатой. Узкие окна, похожие на бойницы, не добавляли уюта. В одной из стен Рик разглядел ниши для исповедальных кабин.

Большую часть комнаты занимал длинный стол из темного дерева, за которым без труда разместилось бы человек пятнадцать. Но накрыт он был лишь на четверых.

— К обеду я жду дочь с зятем, — пояснил Бикфорд, — надеюсь, вы не против? — при слове «зять» Адам едва заметно поморщился. Если бы Рик специально не следил за его лицом, то, пожалуй, и не уловил бы этого. Похоже, старый знакомый был совсем не в восторге от своего родственника. Что ж, Рик у этого было только на руку.

— Напротив, я с удовольствием снова встречу с мисс Бикфорд, я ведь не видел ее много лет, — улыбнулся он, — а что касается ее супруга... Сказать правду, это одна из причин, по которой я приехал.

— Из-за Ричмонда? — брови Адама встали «домиком».

— Именно, — кивнул капитан, — но для начала я хотел бы знать, простите мою прямоту, имею ли я право и основания вмешиваться в дела вашей семьи.

— Что вы имеете в виду? — Бикфорд выглядел не столько оскорбленным, сколько озадаченным.

— Мы с вами давние деловые партнеры, и это партнерство принесло выгоду нам обоим.

— Да, безусловно, — кинул Бикфорд.

— И важная часть нашего партнерства — взаимное доверие, — произнес Рик, внимательно глядя на пожилого джентльмена.

— Но... это очевидно. К чему вы клоните?

— Если очень коротко и без церемоний... Господин Кларк ваш наследник и доверенное лицо? Или нет? Это важный вопрос, потому что у меня есть основания не доверять этому господину. И если в дальнейшем мне придется вести дела с ним, то я предпочту разорвать наши соглашения.

Слово было сказано, и Рик перевел дух. Обижать своего давнего друга и спасителя ему не хотелось. Но и подставляться, чтобы однажды разделить судьбу сыновей Бикфорда, не было никакого желания.

К его тайной радости, Адам не стал швыряться предметами и даже с вызовом на поединок, похоже, не торопился. Он долго смотрел в пол, что-то напряженно обдумывая.

— Эти основания, — наконец произнес он, — как-то связаны с тем, что последняя поставка до вас дошла не полностью?

— Напрямую, — подтвердил Рик.

— И... с гибелью Артура и Генри? Но, в таком случае... вы поделитесь со мной тем, что вам известно? Я понимаю, что с моей стороны просить об этом несколько...

— Я за этим и приехал, — серьезно проговорил Рик, — я расскажу вам все, чему сам был свидетелем, и что рассказали люди, которым я полностью доверяю. А потом вы примете решение.

Их разговор прервал лакей. Он широко отворил дверь и громко произнес:

— Мистер и миссис Кларк.

— Продолжим разговор после обеда, — понизив голос, изрек Адам и развернулся к входящей паре.

Поднял глаза и Рик.

Эдит Бикфорд он не видел с Ямайки. Он помнил дочь Бикфорда довольно милой девушкой, живой и непосредственной. Не красавицей, но не лишенной своеобразного очарования. В их последнюю встречу девушка пыталась флиртовать, довольно неумело. Рик обещал привезти ей в подарок «испанскую собаку», насколько он понял, обычного спаниэля... Обстоятельства не позволили ему вернуться и выполнить обещание. А узнав о ее замужестве, Рик решил, что в скором времени ребенок с успехом заменит Эдит всех спаниэлей мира, а заодно котят, кроликов и добрую часть мужчин, и выбросил «испанскую собаку» из головы.

В первую минуту Рик ее даже не узнал. Повзрослела? Похорошела?... Замерзла – именно это слово пришло ему в голову. Словно живую девушку, не лишенную недостатков, но именно ими и берущую за душу, каким-то злым колдовством обратили в безупречную ледяную статую. Снежная кожа светилась над вырезом атласного черного платья, белокурые волосы были уложены в строгую прическу, в ушах поблескивали небольшие изящные серьги. И таким же стылым, холодным блеском посверкивали ее некогда смешливые глаза. Похоже, смерть Артура и Генри ударила по ней куда сильнее, чем по отцу.

За обедом, по неписанной, но неукоснительно соблюдаемой традиции о делах не говорили. О, если не было бы погоды, то в приличном обществе и поговорить было бы не о чем. И в этот раз, все было как всегда. Поначалу разговор вертелся вокруг погоды – лето выдалось на редкость мрачным и дождливым, отчего многих знакомых Бикфордов одолевал сплин. К слову о соседях или светских новостях... Вскользь коснулись темы помолвки младшей дочери ближайших соседей Бикфордов, фамилию и титул невесты Рик пропустил мимо ушей. И под конец, куда же без нее, о политике – отменит ли парламент налог на ситцы? И не очень ли в последнее время стали задаваться испанские сеньоры.

Суп сменился салатом, затем – горячим. Слуги неслышно скользили вдоль длинного стола, разливая, подавая, убирая. Работы им хватало: традиционный столовый сервиз состоял из тридцати наименований: бульонных чаш со специальными подставками, салатников, квадратных и круглых, корзиночек под хлеб и тосты, обязательно накрытых салфетками, «баранчиков» с крышками – посуды для порционных блюд из рыбы.... Да еще судки для специй, наборы для соли, салфетницы, тарелочки для масла, заранее нарезанного кубиками, ложки, ножи и вилки нескольких видов.

Для Рика весь этот церемониал давно перестал быть китайской грамотой, он уже не путал нож для мясных блюд с ножом для масла, привык не лазить «своей» ложечкой в соль и перец, знал, как поступать с лавровым листом в бульоне, куда класть использованную салфетку, и для чего предназначена двузубая вилка. Забавно, но эти «бесценные» знания он приобрел, в основном, благодаря общению с Бикфордами. В кабачках Кайоны они были без надобности. Для рома и сильно перченного мяса там использовался только один универсальный столовый прибор: деревянная доска, бутылка, собственные руки и горло, а обязанности слуг сводились к тому, чтобы пустые емкости вовремя сменялись полными.

Рик почти не принимал участия в светском разговоре, ограничиваясь короткими репликами. Фраза «вы безусловно правы, сэр», как он знал по опыту, могла с успехом заменить диплом Оксфорда, сказанная и к месту, и не к месту, она всегда служила хорошей службой, позволяя прослыть человеком умным и сведущим в любой области, не прилагая к этому ни малейшего труда.

Стараясь не показывать вида, Рик внимательно следил за своими сотрапезниками, пытаясь понять, как угораздило таких порядочных и, в общем, далеко не глупых людей, связаться с мерзавцем чистой воды, которому Яша Рикович не доверил бы билет в трамвае прокомпозировать. Неужели Эдит могла настолько потерять голову?!

Молодая женщина слегка повернула голову к супругу, ровно настолько, чтобы не погрешить против этикета, и, аккуратно положив нож кончиком на специальную подставку, коротко ответила на его вопрос... При этом лицо ее даже чуть-чуть не оживилось. Может быть, конечно, причиной было глубокое горе. Но, воля ваша, на женщину, сходящую с ума от страсти, она совсем не походила. Да и Ричмонд, сказать прямо, не лучился супружеским

счастьем.

Наконец подали десерт: стол заполнили чайник для заварки, чайник для кипятка, молочник, две сахарницы и тарелочки с тонко нарезанным лимоном, чайные чашки, корзиночки с пирожками, блюдо с сыром и целая стайка симпатичных розеток и креманок. Слуги удалились, и обязанности хозяйки по разливу чая приняла на себя Эдит.

Вынужденное воздержание закончилось, и первым этим воспользовался Ричмонд.

– Итак, насколько я понимаю, Джеймс прибыл, чтобы договориться о новых поставках?

Рука Эдит невольно дрогнула, и лишь благодаря ее самообладанию сливки не оказались на скатерти. Заметив это, Адам поморщился.

– Может быть, отложим разговор о делах до того, как пройдем в курительную?

– Можно отложить все что угодно хоть до страшного суда, – пожал плечами Ричмонд, – но стоит ли? Заказ готов, подходящий корабль свободен для фрахта, мы ожидали лишь подтверждения и аванса. Надеюсь, с финансами проблем нет?

– С финансами – нет, – кивнул Рик.

– Значит – все в порядке. Завтра с утра вы переведете деньги на счет компании, и, как только я получу подтверждение платежа, распоряжусь начинать отгрузку. Думаю, к полудню среды ваш заказ будет доставлен и размещен в трюме.

– Не так быстро, Кларк, – Рик покачал головой и отложил нож, которым собирался намазать масло и джем на пирожок. Хотя охотнее приставил бы его к горлу Ричмонда... если бы не опасался шокировать Эдит. Но, похоже, способа избавить ее от неприятного разговора не было, проходимец ни в какую не желал понимать намеков, и как-то очень навязчиво демонстрировал, что теперь, после смерти основных наследников, делами компании распоряжается он. Придется поставить его на место.

– Я сказал, что проблем нет с финансами, – повторил капитан, – но это не значит, что их нет вообще.

– И в чем же сложность? – Кларк удивился, или сделал вид, что удивлен.

– В вас, – бросил Рик.

– Объяснитесь, – потребовал тот, мельком глянув на тестя. Но Адам, похоже, вмешиваться не собирался. Он лишь с тревогой посмотрел на дочь, прикидывая, не стоит ли попросить ее что-нибудь принести с кухни. Но Эдит, отставив чайник, уселась за стол с таким видом, что стало ясно – сдвинуть с места ее не сможет и пара волос.

– Все просто, – сказал Рик, – груз, который вы обязались доставить на острова, был абсолютно секретным.

– Как всегда, на протяжении последних лет, – добавил Адам.

– О месте randevу никто не знал, кроме нас. И вот в безлюдной бухте, где нет даже питьевой воды и черепях для засолки, вдруг, в то самое время, когда ваша «Марианна» спешит навстречу, появляется совершенно французский капер и с ходу начинает военные действия. Не находите странным? Чем это можно объяснить?

– Мир полон случайных совпадений, – возразил тот, – бывает и не такое.

– Случайные совпадения? Я не верю в такие случайности, Кларк, и не поверю никогда. Мне с превеликим трудом удалось уговорить французов и отстоять свой груз!

– Все бывает, – Ричмонд пожал плечами, с таким видом, будто речь идет о пустяшной безделице.

– Бывает... Но есть еще одна небольшая деталь, которая мне очень не нравится. Вы заметили, куда стрелял этот капер?

– Куда... Странный вопрос. Шел бой. Он стрелял туда, где мог принести самый большой ущерб противнику. И куда мог попасть.

– Куда угодно, только не по «Фортуне». Вам и это не кажется странным? Ведь по логике он должен был напасть на меня. Потопить, или вывести их игры, а уж потом заняться «купцом».

– Вовсе нет. «Фортуна» выглядела более устрашающе, вот французы и не взялись за Вас.

– Бред, – хмыкнул Рик. – И это говорит человек, служивший в королевском флоте?! Капер атаковал ваш флейт и тем самым дал мне возможность почти безнаказанно пустить его на дно. Абсурд. Французы не достигли своей цели и это чистое безумие. А я лично не склонен считать лягушатников идиотами. Даже если бог был бы в тот день на их стороне, им ни за что было не взять флейт. Так в чем же был тайный умысел господин Кларк?

Ричмонд чуть заметно побледнел.

– Вы в чем-то обвиняете меня? – он картинно поднял левую бровь.

– Не в «чем-то», а в конкретном действии. Во-первых: в разглашении конфиденциальности торговых операций, – отчеканил Рик, глядя прямо в наглые глаза Кларка, – капер очень хорошо знал, о месте randevu. Его кто-то навел. Адам правильно заметил, мы делаем дела уже несколько лет. И всегда все было в порядке. За исключением последнего раза, когда доставка была поручена именно вам, Кларк.

– Серьезное обвинение, – пробурчал Адам.

– И второе, – продолжил Рик перебив Ричмонда, которых хотел было открыть рот, – и второе. Самое главное. Цель капера заключалась в устранении Артура и Генри.

– Это более чем серьезное обвинение, – руки старшего Бикфорда до боли сжали подлокотники стула.

– Очень серьезное. И надо заметить – совершенно голословное, – подхватил его зять, – тайну знал не я один. Артур и Генри ее тоже знали. И они могли проболтаться в любом портовом кабачке, они же были совсем мальчишки, а ром развязывает языки и не таким!

– Не могли, – уверенно качнул головой Рик.

– Почему вы в этом так уверены?

– Они были Бикфорды.

– По-вашему, этого достаточно? – вскинулся Кларк.

– Вполне, – заверил Рик. И поймал горячий, полный благодарности взгляд Эдит. Первый «живой» взгляд женщины за весь этот тягостный обед.

– Хм. За такие слова полагается отвечать со шпагой в руке, – с едва заметной угрозой в голосе проговорил Ричмонд.

– Полагается – отвечу, – Рик пожал плечами и переключился на прекрасную выпечку. С момента, когда ледяная леди ожила, напомнив прежнюю Эдит, его настроение резко пошло в гору.

* * *

Ближе к вечеру Рик вышел прогуляться перед сном, и, первым делом, направился к пруду в центре парка. Путь его пролегал по довольно широкой и прямой аллее мимо больших мохнатых шаров: искусно обрезанных кустов самшита. Время от времени встречались каменные скамьи и небольшие беседки. Один раз в небольшом углублении меж сплетенных ветвей густых акаций Рик расслышал шум фонтана и даже разглядел серебряный отблеск падающей воды. Прекрасный парк был любимым детищем покойной миссис Бикфорд, она следила за ходом работ от разработки проекта до посадки цветов. Несколько раз она меняла уже готовые решения, стараясь совместить несовместимое: строгую геометрию жестко упорядоченной природы, так называемый «французский» вариант и простую, но изысканную прелесть природы дикой, которую предпочитали англичане. Она хотела создать чудо. После ее смерти здесь уже никто ничего не менял. Старший садовник и его помощники лишь поддерживали парк в том состоянии, в котором его оставила создательница, именно этого требовал хозяин и именно за это он платил им довольно хорошее жалование. В парке как будто еще витал незримый дух хозяйки.

Рик как раз думал об этом, спускаясь к пруду, когда из темноты вдруг выступил и поплыл ему навстречу тонкий, почти невидимый, но изящный силуэт, окутанный туманом. При всей своей храбрости капитан вздрогнул. Он не чувствовал в себе готовности к встрече с потусторонним.

К счастью, это оказался не призрак. Хотя вблизи сходство с миссис Бикфорд, чей парадный портрет висел в холле над лестницей, сделалось несомненным. К Рикю подошла Эдит, одетая в темное платье, и до самого подбородка закутанная в плотную шаль: в парке было свежо.

– Добрый вечер, – мягко сказала она, наклонив голову.

– Добрый, – слегка растерялся Рик, – я не ожидал вас тут встретить.

– Я часто здесь гуляю. Это мое любимое место.

– Да, но... Ваш экипаж отбыл. Я думал, что вы уехали домой.

– Я решила переночевать у отца. Муж не возражал, напротив. Он никогда не возражает... Говорит, что у него много дел в городе, – в тихом голосе Эдит послышались резкие нотки.

– Эти дела... вы считаете, что у Ричмонда есть любовница? – спросил Рик с прямою человека иного времени, привыкшего к тому, что женщины так же самостоятельны и умны, как и мужчины, и обладают такими же правами.

Эдит если и удивилась, то ничем не показала этого. Она тоже была не слишком примерной дочерью старой доброй Англии. Пансион ей заменили Антильские острова, поэтому при слове, которое порядочной женщине даже знать не полагалось, она не стала падать в обморок, а лишь пожала плечами:

– Точно я этого знать не могу. Но не вижу причин, почему бы моему мужу не содержать любовницу. Ко мне он привязан слабо, а святость семейных уз не страдает. В конце концов, он не собирается требовать развода, хотя... иногда я жалею об этом.

– Вы не слишком счастливы в браке, – Рик не спрашивал, а утверждал.

– Любой брак – это, прежде всего, сделка, – с циничной прямою произнесла Эдит, – счастье не входит в контракт. Иногда оно приходит потом. Но далеко не всегда. Я... не хочу говорить об этом. Тем более что уже ничего не изменишь, – она вдруг вскинула голову и, глядя в лицо капитану, быстро и горячо проговорила, – я благодарна вам, Рик, за то, что вы сказали за обедом. За то, КАК вы это сказали. Я люблю отца, но... он сомневался! Ричмонд может быть очень убедительным, если захочет. Одно время я боялась, что отец поверит ему.

– Поверит, что ваши братья виноваты в том, что произошло в колониях? – осторожно уточнил Рик.

– Этого не могло быть! Ни один Бикфорд никогда...

– Ни один Бикфорд, никогда... – эхом повторил Рик, – это очевидно, Эдит. По крайней мере, для меня. Кто бы не выдал нас французам, это были не Артур и Генри.

– Значит, это был он, – спокойно сказала женщина. Если она и волновалась, то это выразилось лишь в том, что Эдит поглубже запахнула шаль.

– Вы сами сказали, точно мы этого знать не можем, – возразил Рик.

– Ваши возможности больше моих... – бросила она, глядя в сторону. Рик понял ее. И даже не стал делать вид, что не уловил намека.

– Конечно, я могу провести расследование. Собственно, я для этого и приехал.

– И вы поделитесь результатами? Со мной?

– Вы уверены, что хотите этого? – мягко спросил Рик, – правда может ранить очень больно.

– Ничего, потерплю. Эти раны обычно заживают, – усмехнулась Эдит, – а вот ложь – это яд. От него можно умереть куда вернее.

С минуту они молчали, слушая, как шумит в акациях вечерний ветер.

– Хорошо, – сказал, наконец, Рик, – вы узнаете правду. Какой бы она ни была.

– Слово?

– Слово.

Неожиданно женщина улыбнулась, остро напомнив ту непосредственную девушку, которую Рик узнал на Ямайке.

– Можно ли верить вашему слову, капитан? Ведь вы не Бикфорд. Для нас сдержать слово – вопрос чести, а вы... Вы ведь кое-что обещали мне в нашу прошлую встречу. И где

же моя испанская собака?

Рик невольно улыбнулся в ответ.

– Простите, Эдит. Просто она мне не встретила на жизненном пути... – он беспомощно развел руками и молодые люди рассмеялись. На берегу пруда, в сгущающихся сумерках и все быстрее наползающем тумане смех этот прозвучал странно. Пожалуй, стороннему наблюдателю они могли бы показаться парочкой неуместно жизнерадостных привидений. К счастью, поблизости никого не было.

– Я прощу вас, капитан Рик, – кивнула Эдит, – но только в том случае, если это слово вы сдержите.

– Я сержу его как Бикфорд, – искренне поклялся Рик.

– Будьте осторожны. Слова Ричмонда о поединке – не пустая угроза, – добавила Эдит, – он и в самом деле может вас вызвать. У него уже было пять или шесть дуэлей, и все они закончились плохо для его противников. Он учился фехтованию у самого Торсона.

Рик кивнул, но тотчас выбросил ее предостережение из головы. Угроза дуэли сейчас беспокоила его меньше всего. Когда Рикович только появился здесь, шпага в его руке была лишь немногим опаснее кочерги... но с тех пор он успел это исправить, и, не без оснований считал себя неплохим фехтовальщиком. А то, что «неплохого фехтовальщика» и настоящего мастера разделяет пропасть, ему еще только предстояло узнать, заплатив за самоуверенность изрядной порцией собственной крови.

* * *

Первый завтрак в доме Бикфордов подавали в восемь, прямо в спальню. Как правило, это был чай с молоком, гренки и яйцо. К ланчу, состоявшему из овсянки, иногда – бекона и пирога, следовало спускаться в столовую, правда, хвала Господу, это можно было сделать в удобной домашней одежде и мягких тапочках. Рик так и поступил.

В столовой он обнаружил лишь хозяина. Стол был накрыт на двоих.

– Эдит не присоединиться к нам? – удивился Рик.

– Эдит уехала рано утром.

– Мне показалось, она охотно гостит здесь.

– Это правда, – кивнул Адам, – здесь ей легче дышится, – в ответ на вопросительный взгляд капитана, старик неохотно добавил, – вы не слепой, Рик, и не глупец. Это один из многих не слишком удачных браков. Вероятно, я что-то упустил в воспитании дочери. Как не ко времени она лишилась матери! Если бы Эдит хватило женской мудрости делать вид, что она не замечает некоторых слабостей мужа, может быть со временем они бы и притерлись друг к другу. Или каждый зажил бы своей жизнью и нашел какой-то свой интерес. Для дочери это могли бы быть дети.

– А, может быть, имеет смысл просто хорошенько отделать эту сво... этого своеобразного, но достойного джентльмена, чтобы он оставил привычку шлаться налево и огорчать жену?

Адам грустно улыбнулся.

– Это могло бы иметь смысл, если бы господин Кларк был трусом. К сожалению, это не так. Он отважен и вполне решителен. Быстро думает и верно действует в сложных ситуациях. Это и было одной из причин, почему я в последний раз послал его с грузом. Мальчики... могли растеряться.

– Он играет в карты? Могут у него быть долги?

Адам ненадолго задумался.

– Вообще, Кларк – человек азартный, но карты – не думаю. Слишком мелко для него. Если он и играет, то по более высоким ставкам, чем несколько фунтов.

– Женщина? Понимаю, для вас это тяжело, но вы, кажется, не испытываете иллюзий?

– Женщина или женщины... Не думаю, что он тратит на них больше, чем зарабатывает у меня в компании. Если бы он содержал куртизанку, способную профукать такое

жалование, об этом бы знал весь Лондон. Подобные дамочки не довольствуются будуаром. Да их и заводят не для этого.

– Тогда остается только одно. Тщеславие. Ему могло не понравиться, что в компании он всего лишь второе лицо, а в перспективе – вообще никто. И если он действительно такой решительный господин, он мог попытаться это исправить.

Адам вскинул на Рика пронзительный взгляд.

– Вы хотите сказать, что гибель мальчиков была не случайной?

– Я допускаю такую возможность, – осторожно, но веско произнес Рик.

– Доказательства? – бросил пожилой джентльмен, и по тому, как побелели и вытянулись в ниточку его губы, Рик понял, что угодил прямо в больное место: наверное Адам и сам подозревал что-то подобное.

– К сожалению, у меня пока лишь подозрения, – признался Рик, – но с вашей помощью я надеюсь добыть факты.

– Мне кажется, вы предубеждены, друг мой.

– Если ваш зять окажется чист, я буду только рад, – заверил Рик.

Адам Бикфорд размышлял почти минуту. За это время Рик успел доесть пирог и проиграть в голове несколько вариантов убеждения, если старик вдруг заупрямится: от мягкого и вежливого до осады поместья с легкими пушками.

– Какая помощь вам нужна? – спросил он, наконец, и Рик перевел дух. Пушки не понадобились.

* * *

– Кажется, мы наконец напали на след, – бросил Рик в полголоса, не поворачивая головы. Сегодня он был с ног до головы джентльменом, выходил из респектабельного клуба и садился в личный экипаж, запряженный изумительной двойкой. И, конечно, такому господину не полагалось вести долгих бесед с кучером.

– Хорошо бы, – сидевший на козлах со скучающим видом Денни Расвен тронул поводья, – нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Куда, ваша милость?

– В Гринвич, – скомандовал Рик и скрылся в карете.

Помощь Адама Бикфорда оказалась поистине бесценной для двух молодых людей, совершенных новичков в столице. Он не только снабдил их огромным количеством необходимой информации, но и написал несколько записок, которые открыли Рику и Денни двери в такие места, куда не пустили бы не только двух моряков с сомнительной репутацией, но, пожалуй, и герцога Йоркского, вздумай он туда сунуться без подходящих рекомендаций. Ссылка на Бикфорда и друзей Бикфорда, осторожные расспросы и несколько банковских билетов, свернутых в трубочку сделали свое дело. К вечеру самозванные сыщики уже знали, что долгов у господина Кларка почти нет, по крайней мере таких, с которыми он бы не мог расплатиться, в карточном шулерстве либо чем-то еще его не подозревают, несколько поединков, хоть и считались преступлением, лишь добавили зятю Бикфорда популярности в определенных кругах. Ведь он же победил, а победителей не судят. А вот женщина, похоже, нашлась. В соответствии с известной поговоркой, она оказалась француженкой. В приватном разговоре, который стоил Рику пары фунтов, выплыло имя: Мишель Эктон и адрес – домик в довольно респектабельном предместье столицы.

Первоначальный план был прям, как ручка от лопаты: подъехать прямо к дому красотики, войти туда, если надо, преодолев сопротивление слуг и потребовать подробных сведений о любовнике. Если дама пойдет на сотрудничество добровольно – подарить пару камешков, если заартачится – пригрозить пистолетом. Просто и со вкусом. Но, уже подъезжая к небольшому домику в милом сельском стиле, где, по слухам, жила женщина, друзья неожиданно заметили въезжающий в ворота крытый экипаж. План пришлось менять на ходу. Проехав чуть дальше по улице, они остановились напротив глухой стены, так, чтобы не бросаться в глаза.

- Думаете, сэр, это он? – спросил Денни, пересаживаясь в карету.
- Без понятия... У такой дамочки может быть и не один покровитель, – ответил Рик.
- Но если он только что приехал, значит, останется до утра?
- Или они вместе поедут куда-нибудь «проветриться»...
- А потом вернутся и останутся до утра...

Денни и Рик переглянулись.

- И что, так и торчать тут под этим забором до самого рассвета?

– Если понадобится, будем торчать хоть до греческих календ, – буркнул Рик, без особого, впрочем, энтузиазма.

– Тогда, может быть, поищем местечко повеселее? Какой-нибудь трактир, – предложил смирившийся с судьбой штурман.

– Погоди. Есть идея получше. Ты поищешь местечко, где мы не будем бросаться в глаза. А я постараюсь заглянуть к этой красотке хотя бы в окно.

– Фу, капитан! – Денни изобразил на лице отвращение, – и охота вам ломать шею. Что такого они могут вам показать, о чем взрослый мужчина еще не знает?

– Ну, всегда есть шанс удивиться, – рассмеялся Рик, – по крайней мере, посмотрю, кто у нашей девушки. А потом по обстоятельствам.

– Отличный план, – «одобрил» Дэнни, – самое главное – всесторонне продуманный. Если бы вы так же тщательно разработали наш налет на Сантьяго-де-лос-Кавалерос, мы все уже получили бы в подарок от губернатора по симпатичному галстуку из высококачественной пеньки. Удачи вам, сэр. Я жду вас... – и тут его взгляд упал на приземистое строение, через дом от них. Вывеска, даже в наступающих сумерках, отчетливо запечатлелась красными буквами в мозгу Денни – «Золотая утка».

– Я жду Вас, сэр вон там, – штурман указал рукой на вывеску кабачка, – ровно час. Если не дождусь, действую по вашему же плану, то есть по обстоятельствам.

Рик кивнул и они разошлись...

На улице сумерки почти не ощущались, но здесь, в саду, под плотной сенью грабов, они были уже не смутным обещанием наступающей ночи, а свершившимся фактом. И этот факт был на руку Рику. Для того, чтобы, перемахнув через забор, больше красивый, чем серьезный, отыскать в полутьме тропинку и пробраться к стене из красно-коричневых камней, где горели спокойным желтым светом два незакрытых окна, ему понадобилось меньше получаса. Освещенная комната (или комнаты) находились на втором этаже, и не было никакой возможности заглянуть в окна, если только каким-то образом вскарабкаться по отвесной и почти гладкой стене... Рик остро пожалел об отсутствии монтерских «кошек», но тут уж ничего нельзя было поделать. Он прижался к стене, стараясь, насколько возможно, слиться с ней, и напряг слух, коль скоро зрение оказалось бесполезным. Неясные поначалу голоса вскоре обрели отчетливость: либо утих ветер, либо он сосредоточился. Либо просто собеседники заговорили громче.

– Он отказался. Прямо и недвусмысленно отказал мне! – голос принадлежал мужчине и показался знакомым. Спустя мгновение Рик опознал Кларка. Иногда слова коверкались, разбиваясь о стекло и до Джеймса долетали лишь короткие обрывки. По всему было видно, что он и она в порыве беседы мерили ногами комнату, то отходя, то приближаясь к окну.

– А ты ожидал чего-то иного? После того, как этот пират облил тебя грязью? – женский голос был резковат, интонации наводили на мысль о том, что его обладательница не чурается крепких напитков... а может даже и табака. Фу! Рик поморщился. Он не любил курящих женщин, еще с прошлой жизни, в далеком теперь двадцать первом веке. И слава Богу, что здесь ему еще встречались курящие дамы. Куртизанки и прочие из вертепов Нового Света не в счет.

Меж тем женский голос на миг отдалился, а потом зазвучал отчетливее. Впрочем, в нем не было ничего неприятного, скорее, его хрипотца была влекущей. И он тоже был знаком Рику!

- И что теперь прикажешь делать?

– А что делать? Я связан с этой замороженной рыбой со стеклянными глазами «на горе и на радость, пока смерть не разлучит», хм... а ее отец отказывается признать меня наследником и дать все права! – Ричмонд горячился все больше, теперь его голос доносил до Рика все слова.

– Ну и о чем ты так беспокоишься? – перебила женщина, – можно подумать, он в этих наследниках как в гнилых персиках роется, не знает, какого выбрать. Кроме тебя у него не осталось никого, старик это понимает. Подожди немного. Он подпишет завещание, ведь другого выхода у него нет.

– Он может все отписать на благотворительность.

– И пустить по миру свою единственную дочь? Не смей меня.

– Это не смешно, – послышался звук, словно пробку из бутылки вырвали с силой, может быть, даже, зубами. Через пару мгновений мужской голос, изрядно севший, спросил, – Что мне делать, Мишель?

– Ты просто выпускаешь пар, или тебе и впрямь нужен совет?

– Выпускаю пар, но и от хорошего совета я бы не отказался.

Короткая пауза. Рик скорее догадался, чем услышал, как два бокала чокнулись.

– Тогда слушай: прекращай таскаться за юбками, в том числе и за моей и постарайся поладить с женой. Что ты на меня смотришь, будто у меня вторая голова отросла? Эдит – все, что осталось у старика. Он ее любит и сделает все, что она попросит. Ублажай ее как следует, дари цветы, покупай шляпки. Запудри ей мозги, как ты умеешь. И вспомни, где находится супружеская постель! Для женщины нет более тяжкого оскорбления, чем то, что ты делаешь. Напрягись, милый, пусть она будет довольна. И ты сам не заметишь, как Эдит обработает старика, а ты получишь все что хочешь.

– Но если она забеременеет, Бикфорд объявит наследником внука.

Женщина пренебрежительно фыркнула.

– Можно подумать, ты все еще маленький мальчик, которому нужна няня. Ты не знаешь, как сделать так, чтобы женщина не понесла? Научить?

– Да нет, спасибо, я знаю, – слегка успокоился Ричмонд, – а ты уверена, что это сработает?

– Разве я когда-нибудь давала плохие советы? Поверь мне, и ты выиграешь эту партию.

– Мишель...

– Э, нет, милый. Оставь-ка сегодня свой пыл для жены, – за окнами завозились. Похоже, женщина пыталась освободиться от объятий. Впрочем, не слишком энергично.

– Ты прогоняешь меня?

– Прошу проявить благоразумие. На этот вечер, милый.

– Только на этот?

Звук долгого поцелуя – и хлопок закрывшихся дверей. Ричмонд покинул будуар любовницы.

Капитан все еще размышлял, стоит ли ему попытаться все-таки влезть в окно и порасспросить женщину, или же заняться мужчиной... Когда полуоткрытый ставень почти над его головой распахнулся на всю ширину и хриплый женский голос, который отчего-то казался ему знакомым, прозвучал отчетливо и довольно иронично:

– Вы там не замерзли, сэр? Может, поднимитесь ко мне и выпьете немного коньяка?

От неожиданности Рик слегка опешил, но быстро опомнился.

– Я думал, что вы хотите остаться одна.

– Правильно думал, – так же насмешливо подтвердила женщина, – я пригласила вас только выпить. За остальное мужчины мне, как правило, платят и платят дорого. Ну, поднимайтесь, его экипаж уже отъехал, парадная лестница свободна. Я вас встречу.

«Вот так вот! – покачал головой Джеймс. – У нее звериное чутье. Или я чем-то выдал себя?»

Все еще изумленно качая головой, капитан Рик обошел дом вокруг. Любопытство побуждало его принять это, более чем странное приглашение. Но перед тем, как толкнуть

массивную дубовую дверь, он проверил, на месте ли тонкий стилет, который он обычно носил под камзолом, на скрытой петле. Просто на всякий случай.

Неизвестно, что он ожидал увидеть. После ее слов о том, что мужчины платят, и платят дорого за ее благосклонность, Рик был готов к тому, что дверь ему откроет сногшибательная красавица, на которую нельзя смотреть в упор, как на солнце, без риска ослепнуть или потерять последний разум. И маленькое, сухощавое создание с копной темных растрепанных волос он вначале принял за служанку.

– Ну, проходите же, не стойте в дверях, – поторопила она, и заблуждение капитана рассеялось.

Мишель Эктон оказалась старше, чем он предполагал. Уже за тридцать, и если в его «родном» веке для женщины это было время расцвета, то здесь – начало увядания. И для нее, безусловно, это было так. Резкое, неправильное лицо чем-то неуловимо отличалось от всех виденных лиц, и скоро Рик сообразил – чем. Морщинками. Сеточкой мелких морщин вокруг глаз и более глубоких – у большого подвижного рта. Обозначились они и на лбу, высоко, может быть даже слишком. До сих пор все женщины, которых он видел, считали своим долгом маскировать даже легкие признаки возраста: крем, пудра, даже рыбий клей. В тяжелом случае – густая вуаль. Мишель явно считала такие уловки ненужными, лишними. И она была права. Рик и сам не заметил, как попал под обаяние больших темных глаз, смотревших на него в упор, пытливо, без малейшего смущения, настоящего или наигранного.

Ее маленькое, сухое тело было закутано в толстый халат так, что и не угадаешь, что там, под ним. Но порывистые, нервные движения невольно приковывали взгляд.

Что-то в ней, определенно, было.

Она ловко разлила коньяк: себе ту же порцию, что и гостю, и торопливо сжала бокал в ладонях, словно не грела его, как это положено, а сама хотела согреться.

– Как вы догадались, что я стою под окнами? – спросил Рик.

– Это было нетрудно, – она опустила в мягкое кресло перед небольшим комодиком, на котором и было сервировано угощение, – вы так неуклюже двигались через сад и так шумно дышали.

– У вас тонкий слух, – признал Рик. – И вы – смелая женщина. Вы ведь здесь совсем одна – слуг нет?

– Я их не держу, – она пригубила янтарный напиток, – слишком много слышат, слишком много видят, слишком много говорят. Я непривередлива и не ленива, так что вполне могу обслужить себя сама. Так гораздо меньше риска, что какому-нибудь сыну или брату, помешанному на семейной чести, придет в голову избавиться от меня с помощью стилета или не дай Бог пули.

Она сделала какое-то специфическое ударение на слове стилет. На мгновение Рик показалось, что она видит его насквозь. Читает его мысли. Капитан с трудом удержал себя, чтобы не потянуться к своему спрятанному оружию.

– Предпочитаете сталь?

– Уж лучше тонкое жало. Смерть быстра, и мало крови. А пуля – фи. Кругляш свинца и все платье в непотребном виде. А если в голову? – и она сдержанно засмеялась. Едва приоткрыв рот.

– Я вижу, Вы прекрасно осведомлены о современном оружии.

Мишель сделала еще один маленький глоток.

– Отчего Вы не пьете? Cognac из Пуату³ прекрасен. – Она произнесла слова коньяк с истинно французским прононсом. – А оружие... – она изящно махнула ручкой, – оставим на потом.

³ Пуату–Шаранта – традиционный коньячный регион во Франции. Напитки только из этой провинции гордо именуются Коньяк

– Не думал, что ваше занятие так опасно, – признал Рик, и тоже попробовал коньяк. Он на самом деле оказался превосходным.

– Гораздо опаснее, чем ваше, – сказала она. Мишель сидела в кресле, подобрав под себя ноги, и даже немного горбясь, но это ее ничуть не портило а, напротив, странным образом делало ближе и понятнее. Поэтому гость совсем не удивился, а лишь уточнил.

– И много вы знаете о моих занятиях?

– Вполне достаточно для поддержания светской беседы, капитан Рик. Капитан брига «Фортуна». Очень интересного брига. Во многом – уникального.

Если бы на него вдруг обрушилась крыша, удар был бы менее сокрушительным. Рик «устоял» фигурально выражаясь, лишь потому, что сидел. Но глоток коньяка, который он сделал, опустошил бокал.

Мишель это, разумеется, заметила, но ничем не выразила, лишь пододвинула пузатый бутыль и кивнула, призывая не стесняться. Рик так и поступил. Он чувствовал, что допинг необходим прямо сейчас.

Она взяла с ломтик лимона и грациозно мизинцем пододвинула блюдце к Рику.

– Прошу вас не стесняйтесь – угощайтесь.

– Благодарю.

Джеймс и не стеснялся. Он налил ей и себе.

– За встречу.

– За более чем странную, мадам.

Мишель провела языком по небу, смакуя напиток.

– О, не более странную, чем это может показаться. Все в этой жизни имеет свои закономерности.

– Мадам еще и философ.

– Шутить изволите? Хотя о ваших приключениях на Карибах, я с удовольствием бы пофилософствовала. – Она мягко улыбнулась... даже слишком мягко.

Рик налил еще.

– Видимо, в подробности моей биографии вас посвятил господин Кларк, – предположил он.

– Отчасти. Но, направляясь в Англию, я уже примерно знала, кого мне нужно отыскать.

Рик метнул в женщину острый, испытующий взгляд, но то ли промазал, то ли она обладала сверхпрочным щитом: взгляд отскочил от нее, как дротик от медной пластины.

– Я озадачен, – честно признал капитан.

– Чем? – Мишель по-настоящему удивилась, – рано или поздно это должно было случиться, и если вы умный человек, вы должны были это предвидеть. Неужели вы думали, что ваши игры со стальными ядрами никого не интересуют? А эти Ваши многозарядные ружья?

– На кого вы работаете? – прямо спросил Рик.

– На французскую корону. У меня поручение, подписанное месье Кольбером. Если интересуетесь, могу показать.

– Обязательно. Позже, – Рик отставил коньяк и с силой потер вдруг занывшие виски. Он и в самом деле об этом не подумал.

– Почему скромным капером без патента заинтересовался сам Кольбер?

Мишель пожала плечами.

– Станный вопрос, капитан. Вы владеете кораблем, настолько необычным, что он может нарушить хрупкое равновесие сил, которое сложилось между Англией, Францией, Испанией и Голландией. И нарушить не в пользу Франции.

Предупреждение, граничащее с обвинением, было более чем опасным. Насколько мог знать Рик, англо-голландские войны уже отгремели, и на них он не успел, волей случая его закинуло в семнадцатый век несколько позже. А вот война с французами еще только предстояла. Это Яшка Рикович знал наверняка. Однако точной даты не помнил, ибо имел за плечами школьный аттестат с твердой тройкой по истории.

– Кольбер всерьез опасается, что моя «Фортуна» может соперничать со стодесятипушечным «Солей Ройял»? – Рик покачал головой, – я польщен.

– Что вам может помешать создать целую флотилию? И потом Вы лукавите Джеймс. Стальные ядра пробивают дубовый массив до сорока дюймов.

– До сорока двух дюймов, – поправил ее Рик, чуть склонив голову вперед.

– Вот, – ее рука грациозно вспорхнула над столиком. – Вот видите целых сорок два...

Тут Рик отбросил деликатность и рассмеялся в голос.

– Сушая мелочь, мадемуазель Эктон. У меня денег несколько меньше, чем у французского короля. Эти игрушки, как вы их назвали, настолько дороги, что на «Фортуне» лишь пара пушек заряжается ими. Все остальные ядра на моем корабле – чугун. Опасными их делает точность канониров да репутация моего брига.

– Я всего лишь женщина и не разбираюсь в таких тонкостях, – проговорила Мишель, – мое задание заключалось в том, чтобы найти вас и предупредить – пока вежливо: стальные ядра должны остаться монополией французской короны. Если «Фортуна» продолжит их получать... вас устроят, капитан.

Больше изумленный, чем возмущенный, Рик оглядел маленькую женщину с ног до головы.

– Я буду очень внимателен и острожен, – сообщил он. – Во всяком случае я буду стараться.

– Наверное, так, – согласилась она, по-прежнему не проявляя никаких признаков страха или волнения, – но везти вам будет не всегда. Один раз вы опередите руку короны, второй... может быть даже пятый. Но людей много, в отличие от стальных ядер. В конце концов, одиннадцатый или же двадцать седьмой подосланный человек окажется быстрее или хитрее вас. Подумайте об этом. Ссорится с королями опасно и невыгодно, капитан Рик.

Свечи на столе затрещали от ветра, который проникал в приоткрытое окно.

– Если я скажу «нет»...

– Вы начнете войну, – подтвердила Мишель, – войну, которую вам не выиграть.

– Но я могу сопротивляться довольно долго. Насолько долго, что положение может измениться. Не в пользу французской короны. Или не в пользу месье Кольбера...

– Я всего лишь женщина, – повторила Мишель, – и мое задание заключалось лишь в том, чтобы найти вас и предупредить, что вы сильно рискуете. Решение за вами.

– Только предупредить – и все? – не поверил Рик, – Никакого яда в бокале? Никакого выстрела в спину?

– Не мое амплуа. Для этого есть другие люди. Пейте смело, это дорогой напиток, и я угощаю вас от всего сердца. Мне нравится ваша храбрость.

– Я начинаю понимать, за что мужчины платят вам деньги, – произнес капитан, задумчиво разглядывая стену позади нее, – искренность – это дорогой товар. Я не так богат, как Луи, но, пожалуй, я бы вам тоже заплатил, если сойдемся в цене. Скуп я не буду.

– Что за товар вас интересует? – подобралась Мишель, – предупреждаю сразу, против Франции я ничего делать не стану.

– Да, я помню... «ссорится с королями невыгодно». Нет, мадемуазель Эктон, мне нужно нечто совсем другое. Это не вопрос государственной политики, это семейное дело. Но оно для меня важно. Ричмонд Кларк выдал тайну нашего предприятия... вам?

– Да. И получил за это вексель французского национального банка на десять тысяч франков.

– А доказательства? Существуют?

– Его расписка, – кивнула Мишель.

– Я могу ее выкупить?

С минуту женщина сосредоточенно размышляла, взвешивая возможные выгоду и опасность. Рик старался ей не мешать.

– За тысячу фунтов один человек, за которого вы поручитесь, сможет на нее взглянуть. Здесь. При мне. Один день. Завтра, – решила Мишель и поднялась с кресла, давая понять,

что разговор окончен.

Уже выходя за ворота, Рик вдруг сообразил, что именно показалось ему в этой женщине таким странным и даже знакомым. Мишель Эктон была как две капли воды похожа на великую Эдит Пиаф. Даже голос... Особенно голос.

Глава третья

Враги

Англия, Британская Империя, август 1680 года

– Джентльмены, у вас есть последний шанс принести друг другу извинения и разойтись миром. Вы отказываетесь? Тогда я объявляю поединок до первой крови, – рослый, довольно флегматичный господин, секундант Кларка, взмахнул белым платком...

Со времен Елизаветы в Англии за дуэли вешали, но когда такая мелочь, как угроза петли, могла остановить молодых людей, желающих подраться?

После встречи с Мишель и прочтения (он сделал это раза четыре) подлинной расписки зятя, Адам Бикфорд почти утратил свое знаменитое хладнокровие. Он сидел в экипаже с видом человека, который не чувствует под ногами земли. Негоциант постарел лет на десять. И когда он, довольно резко и совсем не вежливо, выразил желание побыть в одиночестве, молодые люди, переглянувшись, покинули карету.

Ночь застала их напротив знаменитой таверны «Золотое руно» возле «Ковент-Гарден». Это заведение было популярным среди молодых аристократов, желающих скандальной известности. Веселые попойки и жестокие драки здесь, бывало, заканчивались смертью отпрысков благородных фамилий, поэтому кутить в «Руне» у юных идиотов Лондона считалось признаком отчаянной храбрости.

Рик и Денни толкнули двери, все еще удивляясь, что делают такие уважаемые пираты как они в таком месте, как здесь, где царил культ шейных платков, длинных генеалогий и глупой смерти. Но ужинать-то где-то надо, а в «Руне» готовили вкусно и, в отличие от клуба, рекомендательных писем и дворянских грамот не требовали: были бы посетители прилично одеты и платежеспособны.

В таверне было несколько комнат. Следуя наитию, моряки выбрали нижний общий зал, где, похоже, собиралась публика попроще. Час был довольно поздний, но, не смотря на это, народу хватало. Впрочем, свободные места тоже были, и друзья сочли это хорошим знаком. Заказав баранину (что ж еще заказывать в такой таверне?) они расположились за столом, и, согласно неписанным правилам этого заведения, выложили на стол свои шпаги, на треть вынув клинки из ножен. Это должно было послужить предупреждением любителям подраться: посетители – люди серьезные, пришли сюда по делу и отвлекаться не желают. Но в случае чего смогут постоять за себя.

Заказ принесли довольно быстро, видно, баранину здесь заказывали часто и повар постоянно держал на огне несколько аппетитных кусков, ему оставалось лишь полить их соусом и посыпать зеленью. Мясо оказалось превосходным, сочным и не жестким, а поданное к нему вино выше всяческих похвал, и уставшие за день, проголодавшиеся мужчины с удовольствием отдали честь здешней кухне.

Черти занесли их сюда в этот час! Во всяком случае, увидев еще одних припозднившихся посетителей, входящих в зал, и опознав в одном господина Кларка, Рик подумал о нечистой силе.

– Ну что нам стоило поужинать в другом месте, или хотя бы выбрать другой зал! – в сердцах бросил он, откладывая вилку. Проследив за его взглядом, Денни кивнул.

– Очень не вовремя.

– У меня пропал аппетит, – буркнул Рик.

– В таком случае, может быть, расплатимся и уйдем? – внес разумное предложение Денни Расвен, – не знаю как у вас, сэр, а у меня нет ни малейшего желания несколько ближайших месяцев провести в тюрьме. Говорят, условия там ужасные.

– Ну, герцогу Бэкингеми носили еду из ресторана и даже приглашали музыкантов, когда он сидел в Тауэре, – припомнил Рик кое что из истории.

– Нам с вами Тауэр не светит ни при каком ветре, – заметил Денни, – мы-то не герцоги. Это будет общая камера в Ньюгейте, без постельного белья, зато с крысами, размером с кокера. И разбирать наше дело будет не суд двадцати девяти пэров, а люди попроще, которые пудрят парики за жалование. И они быстро придут к доброму согласию, что с нами делать.

Рик уже хотел было согласиться с Денни, но благоразумие опоздало. Кларк их заметил и, что-то вполголоса сказав спутнику, направился прямо к морякам.

– Доброй ночи господа, – произнес он со своей обычной, чуть отстраненной улыбкой, – довольно странно встретить вас здесь.

– В «Руне» хорошо готовят, – дипломатично ответил Рик, и, не смотря на то, что у него пропал аппетит, потянулся к недоеденному мясу.

– О, да! – согласился Кларк, – готовят здесь хорошо, причем не только баранину, но и вещи более горячие. Например, внезапная и трагическая кончина барона Морли была приготовлена именно здесь, и с большим искусством.

Рик снова отложил прибор и ОЧЕНЬ внимательно посмотрел на Кларка.

– К чему этот экскурс в историю? Вы пытаетесь нас предупредить или запугать?

– Ни то, ни другое, – Ричмонд снова продемонстрировал свою «фирменную» улыбку не разжимая губ, – но, видимо, вы плохо знаете историю своей страны, капитан Рик. Иначе вы бы знали, что барон Морли под предлогом религиозных убеждений восемнадцать лет уклонялся от поединка с графом Нескотом. Пока случайно не забрел в «Золотое руно»...

– Восемнадцать лет? – Рик уважительно присвистнул, – Силен, мужик. У меня бы терпение лопнуло.

– Я рад, что на многие вещи мы смотрим одинаково. Итак, почему бы не сейчас?

– Прямо здесь? – удивился Денни.

– Ну, господа, не будьте такими неизлечимыми провинциалами, – Ричмонд снова раздвинул губы, эта его привычка начала порядком раздражать моряков, – мы ведь в Лондоне. Здесь отношения принято выяснять на Линкольн-Инн. По счастливому совпадению это в двух шагах отсюда. Надеюсь, ваш друг сможет быть вашим секундантом? Он не боится крови?

– Чтобы у тебя было столько фунтов, сколько свежих покойников я видел на своем веку, – фыркнул Денни, и на этом дело решилось.

Пройдя сквозь арку с Дюк-стрит на Линкольн-Инн, молодые люди вышли к церкви Темпла и довольно большому, забавному зданию из красного кирпича, похожему на пряник с глазурью. В этот час на площади никого не было, окна домов были плотно закрыты ставнями, а праздношатающиеся ночные сычи, должно быть, как раз укладывались спать.

Секунданты измерили шпаги и еще раз обговорили все детали поединка. Приятель Кларка взял на себя обязанность подать сигнал к началу дуэли, видно было, что эта роль ему привычна. Что ж. Денни так же привычно отступил на несколько шагов и обвел внимательным взглядом небольшую площадь, отмечая все входы и выходы и возможные пути отступления. А потом стал внимательно следить за переулками, не покажется ли в одном из них городской караул.

Рик, потянувшийся, было, к пуговицам камзола, чтобы сбросить его для свободы движения, заметил, что его соперник этого не сделал, а встал в позицию как был – полностью одетым и в башмаках. Пожалуй, в эту секунду, Рик впервые почувствовал легкое сомнение, уж больно уверенно держался Кларк. Но пути назад все равно не было, и он встал напротив, отсалютовав шпагой.

С первых же секунд Рик понял, что все соперники, с которыми он до сих пор имел дело, были лишь учениками в той школе, где Ричмонд мог бы преподавать. И, что хуже всего, Рик почувствовал, что и сам недалеко ушел от этих школьников. Кларк как будто не делал ничего особенного, лишь парировал удары, сам атаковать пока не спешил, но делал это

так расчетливо-небрежно и почти издевательски красиво, что даже законченный глупец сообразил бы, что с ним просто играют. Кончик шпаги мелькнул у его глаз, в такой опасной близости, что Рик, отпрянув, невольно выругался. Проклятье! Так дело не пойдет, иначе этот бретер его просто заколет, как рождественского гуся. Проблема была в том, что Рик решительно не видел возможности, как заставить дело пойти по-другому. Единственное, что могло его спасти – навыки борьбы без оружия, которые он принес из своего времени, и которые Ричмонд не знал, не мог знать! Но как их применить, если соперник все время держит его на расстоянии, пользуясь тем, что шпага длиннее руки. Ему не дотянуться до соперника ни рукой, ни ногой...

Ричмонд сделал обманное движение и выполнил классический длинный выпад. Только чудом и молитвами Денни Расвена, который следил за поединком прикусив нижнюю губу, Рiku удалось уйти с линии атаки. Он вовремя отставил левую ногу назад и в бок, сделав полуоборот. Ах, как же близко оказалась морда Кларка, но Джеймс сдержался от боксерского хука, ибо это в корне противоречило дуэльному кодексу. Будь это где-нибудь на Карибах, уж он бы не преминул. Но сейчас...

И все же противник превосходил Рика в мастерстве. Кларк со злой ухмылкой быстро исправил свою ошибку. Он резко взвинтил темп смертельной игры. Шпага в его руках жадно рассекала воздух.

Прошло всего пару минут с начала поединка, а Рик вспотел, как после сауны. Он вертелся, как юла, как ужаленный дикими пчелами. Он парировал, уходил, отбегал... «Все. Вот сейчас... Позор, – подлые мысли против его собственной воли лезли в голову». Ричмонд напирал. И Яшка Рикович решился! Решился несмотря на то, что сидящий внутри капитан Джеймс Рик был против. Ах, благородный мистер Рик.

В момент решающей атаки, когда шпага Ричмонда вот сейчас, неизбежно должна была пробить горло Рика, тот резко присел и рубанул наотмашь по ногам врага. Удар получился хлестким, и хоть его шпага и не была предназначена для рубящих ударов, эффект был достигнут. Ричмонд подпрыгнул, как ошпаренный.

– Ах ты ублюдок!

Секунданты было кинулись разнимать дуэлянтов, но!

– Крови нет! – во весь голос заявил Ричмонд. – Продолжим!

Секунданты отошли, а Рiku вновь пришлось занимать позицию. В голове зрел новый план. Кларк едва заметно захромал, Джеймс решил использовать этот шанс.

В следующее мгновение они одновременно начали движение вперед. Ричмонд почти вальсировал, а Рик пер напролом. Нервы секундантов напряглись, вытянувшись в тонкую струну, готовую вот-вот лопнуть. Как две шпаги миновали свои цели, одному Богу известно, но Яшка не удержался. Он плечом навалился на противника, намереваясь сбить его с ног. Кларк дернулся в сторону, попытался оттолкнуть Рика. Джеймс вскинул правую руку... шпага Ричмонда пошла снизу вверх... Кто-то из них споткнулся... Шпаги неуклюже порхали в руках. Ричмонд схватил своего оппонента за рукав, Рик вцепился в ворот рубашки Кларка и... они упали. Что хрустнуло, звякнуло...

– Сука! – чистый русский прозвучал впотьмах, как пушечный выстрел.

Ричмонд повторил тоже самое, только по-английски, но не менее выразительно.

– Ах, ты паразит недоделанный, чтоб тебя сволочь вши заели, – Рик бранился весьма виртуозно, при этом двумя руками зажимая правый бок. Рубашка быстро намокала...

Кларк стремительно вскинул оружие, но узрел лишь обломок.

– Ну ты у меня дождешься! – Рик, встал на колени, схватил шпагу и начал разворачиваться к противнику.

Ричмонд, все еще не выпуская испорченную шпагу, правой рукой прикрывал левое плечо. Он изумленно смотрел на Джеймса и искренне не понимал на каком языке тот браниться.

Какую-то секунду Джеймс замер, узрев в руке своего недруга обломок оружия. Как они при падении умудрились нанести друг другу раны, Рик искренне не понимал. Но ясно видел,

что обломок шпаги сыграл с ним злую шутку. Этим огрызком Ричмонд и пропорол ему бок. Обидно, досадно. Короткая мысль утешения сверкнула, как надежда – все же и он задел плечо Кларка. Пусть не сильно, не глубоко, но крови было достаточно. Рик заскрежетал зубами.

– Вы оба ранены. Господа – это ничья! – поспешил заверить секундант Кларка и бросился между дуэлянтами.

– Да иди ты Гарри... – Ричмонд с трудом поднялся.

– Стой упырь! Тьфу... Стой, говорю! – только тут, Рик перешел на понятный всем язык. – Стой!

– Караул, – в это время неожиданно крикнул Денни, – их четверо и они идут прямо к нам.

– Тьфу. Надо уходить, – Ричмонд смачно сплюнул себе под ноги. – И бросив последний взгляд на соперника, с сожалением произнес, – Повезло тебе, сопляк.

– Может, это тебе повезло? – процедил Рик, зажимая ладонью кровоточащий бок. Борясь с головокружением, вызванным большой потерей крови, он пытался встать, но ноги, ставшие вдруг словно тряпичными, отказывались слушаться.

– Капитан, нужно уходить. Быстро, – Денни, подхватив его под мышки, сделал попытку шагнуть в один из многочисленных переулков, но Рик застонал, вздрогнул всем телом и тяжело обвис на руках у штурмана. В отчаянии Денни покрутил головой, ища выход. Караул приближался, и, видно было, что их заметили: солдаты изменили первоначальный курс к церкви и теперь направлялись прямо к ним. Денни еще раз обернулся – Ричмонд с его секундантом уже успели исчезнуть и площадь была совершенно пуста. Понятно, какие выводы сделают власти: два человека дрались на шпагах. Один из них ранен. Поскольку секундантов нет – это был поединок без правил... Их обоих ждет петля!

Рик прибывал без сознания. Тащить его Денни не мог. Поэтому он сделал единственное, что оставалось – аккуратно положил друга на мостовую и, прошептав: «Простите, сэр, это вынужденная мера...», метнулся к пряничному зданию. Мгновение – и он зайцем перескочил через черную чугунную решетку. Сзади послышался топот и Денни припустил изо всех сил. Он должен был во что бы то ни стало добраться до Бикфорда раньше, чем королевское правосудие вынесет приговор его капитану. Теперь огромные связи старика были его единственной надеждой.

* * *

Рик пришел в себя от того, что на закрытые веки упал солнечный луч. Он пошевелился, пытаясь переменить положение, но тут же непроизвольно охнул: правый бок дернуло резкой болью. Почти тут же он понял, что лежит на чем-то довольно жестком, и ему неудобно. Но руки, судя по всему были не связаны, значит... Что это значит? Все, что угодно. С непривычной для себя осторожностью Рик открыл глаза. Над головой маячил серо-бурый каменный свод, вокруг стены «из того же материала», под самым потолком светлел маленький полукруг неба, забраный тяжелой решеткой. Совершенно непонятно, зачем: даже если бы и имелась возможность добраться до окошечка по гладкой стене, размер ее был таков, что пробраться сквозь него мог бы разве не крупный котенок. Если только веревку привязать... Прутья-то тут ничего, толстые. Выдержат даже министра, лорда Хэя или виконта Питта.

Эта не слишком позитивная мысль пришла к Рику под влиянием обстановки более чем скудной. Из всей мебели здесь была массивная дверь, похоже, из дуба, большой кувшин в углу (судя по запаху, определенно не для умывания), и лавка, покрытая клочковатым травяным матрацем, на которой лежал моряк. В комнате он был один.

Рик попробовал сесть и ощутил новый толчок боли и сильное головокружение: все симптомы сильной потери крови от колотой раны. Вчерашняя ночь припомнилась в мельчайших подробностях и эти подробности заставили Рика еще больше побледнеть от

злости... И, чего там скрывать, от себя-то – от стыда. Да! Зять Бикфорда отделал его знатно. И, что самое обидное, не прилагая к этому никаких усилий. А ведь Рик так гордился своими успехами в фехтовании, с таким достоинством носил шпагу, которая, наконец-то, перестала хлопать по ногам и раздражать при ходьбе, превратившись в естественную деталь его нового костюма.

Но что произошло? Кларку удалось его ранить – это понятно, и он тоже вроде достал его. А что потом?.. Куда делся Денни? Кажется, появился караул... Тогда понятно, штурман принял единственно верное решение, сбежал с места дуэли, оставив своего капитана на милость солдат. Он знал, что эти brave ребята не оставят человека на улице Лондона истекать кровью, а, оставшись на свободе, он мог скорее помочь другу.

На свободе... А Рик где? Судя по обстановке, все-таки это Тауэр. Большая честь! Незаслуженно большая... Видно, подобрав раненого на месте, где обычно дерутся отпрыски столичной знати, солдаты приняли Рика за одного из них. Стоит ли оставить здешние власти в заблуждении?

Рик попытался поменять положение. Боль в боку немного поутихла – спасибо хоть перевязали. Рана не была опасной, но причиняла сильное беспокойство – двигаться было крайне неудобно. Да, что там, просто затруднительно. Это было плохо. Рик осторожно ослабил узел. Импровизированные бинты, за ночь напитались кровью, но слава богу, рана больше не кровоточила. Отогнув край повязки Рик попытался сам осмотреть рану. Запекшаяся сгустками кровь... рваные края, но главное гноя не было.

– Вот зараза, – процедил он сквозь зубы и тут же сплюнул три раза через левое плечо, – тьфу, тьфу, тьфу... еще этого не хватало.

К ране не было приложено ничего кроме тряпицы, которая приняла на себя всю кровь. Ни мази, ни трав.

Голова немного закружилась, и он чуть было не потерял сознание. Он начал делать глубокие вдохи. Вдох – выдох. Справиться с дурнотой ему вскоре удалось и он принялся размышлять, что со здешним уровнем медицины, не ровен час...

Вариантов не было. Вряд ли сторожа озаботятся его здоровьем. Хотя как знать.

– На Бога надейся... – Джеймс осторожно встал, чтобы не вспугнуть притихшую боль и принялся изучать пространство на предмет емкости. Отхожее место, как и полагалось находилось в углу и представляло из себя большую деревянную лохань с крышкой. Он решил использовать старинный бабушкин метод – моча лучшее средство от паразитов. Криво улыбнувшись своей идее, Рик оторвал рукав рубахи. Он был не слишком чистым, но все же лучше, чем та тряпица, что сейчас держалась на ране. Джеймс обильно намочил оторванный рукав, сжал зубы и оторвал старый тампон. В боку кольнуло, и кровь, словно прорвавшая плотину река вырвалась на свободу.

– Ах ты! – Рик отжал рукав, обильно полив мочой рану. Зажгло, но терпимо.

Когда дезинфекция была окончена, он сложил оторванный рукав правильным квадратом и прикрыл рану. Дальше оставалось перевязаться...

– Вот ведь угораздило, – Рик разговаривал сам собой по-русски, совершенно не опасаясь, что его может кто-то услышать.

Мысли упрямо не отпускали сознание, возвращая его на место поединка. Уж больно обидно было Яшке Риковичу, что Ричмонд отделался легко, а он...

Размышления его прервали шаги в коридоре. Шли двое: тяжелая, шаркающая походка почти полностью перекрывала звук едва шелестящих шагов. Замерли они у его двери. Лязгнул засов. К неопишуемому изумлению Рика, седенький старичок со связкой ключей почтительно посторонился, и в камеру шагнул Адам Бикфорд собственной персоной. Рик только что закончив перевязку от удивления аж присел на скамью. Хотя чему было удивляться. Рик искренне надеялся, что Денни сделает все правильно. И Денни сделал – Адам Бикфорд тут.

Властным жестом Бикфорд отослал тюремного смотрителя и опустился на неудобную скамью рядом. Некоторое время они молчали. Первым молчание нарушил Рик.

– Повесят, – сказал он, – вопрос лишь в том – когда.

– По-твоему, я пришел сюда попрощаться, – хмыкнул Адам.

– А разве нет?

– Торговля, сынок, вещь иногда гораздо более жесткая, чем война, – Бикфорд поджал губы, – сантиментов она не терпит. Если бы оставалось лишь попрощаться, я бы сделал это, но тогда, когда твое тело опускали в могилу. Мы – негоцианты. Преуспевающие негоцианты, и наше время слишком дорого, чтобы тратить его на бесполезные визиты.

– То есть у меня есть надежда оправдаться? – встрепнулся Рик.

– У тебя есть больше, чем надежда. Существует приказ о твоём освобождении, подписанный лично виконтом Каслри, секретарем министра внутренних дел.

Рик выпрямился. Глаза заблестели. Даже боль в боку почти перестала доставать.

– И? – поторопил он, – если это так, почему я все еще здесь? Меня все-таки приняли за какого-нибудь аристократа, или...

– Ты все еще здесь как раз потому, что мы не аристократы, – сказав это, Бикфорд замолчал, и потому, как он замолчал, Рик понял, что старик сказал все, что собирался. На данный момент. Чтобы разговор продолжился, он должен задать вопрос. Абсолютно правильный вопрос. И если он сообразит, что именно должен спросить, приказ об освобождении перестанет быть лишь листком бумаги, а обретет силу и власть.

– Я должен заплатить, – сообразил Рик, – и если вы, мой друг, так деликатны... То это может значить лишь одно – заплатить я должен не деньгами. Чем?

– Министру не нравится, что в столице действует агент французской короны, – произнес Бикфорд, все еще избегая взгляда своего младшего компаньона, – и где-то его можно понять. Мне бы это тоже не понравилось.

– Чтобы выйти отсюда, я должен сдать Мишель Эктон? – по форме это был вопрос, но, задавая его, Рик уже не сомневался – именно такой и была цена за спасение его жизни.

Мелкие морщинки вокруг глаз, слишком большой рот, всколоченная грива темных волос. Бесформенный халат до подбородка и хрипловатый голос, который казался ему таким знакомым. Эта женщина была ему, собственно говоря, никем: ни сестра, ни жена, ни любовница. Они и знакомы то были лишь «шапочно». И Рик сильно сомневался, что в другой ситуации она не заложила бы его с потрохами, чтобы заработать лишний фунт. С другой стороны, трудно было поспорить с Бикфордом: торговля – занятие жесткое. Не ты – так тебя.

Рик внимательно посмотрел в выцветшие, но такие пронизательные глаза старика. И, сам себе удивляясь, спокойно произнес:

– Простите, Адам.

– За что? – сухо вато спросил тот.

– За то, что мне, видимо, придется вас разочаровать. За ваши напрасные хлопоты. За наше дело, которого больше не будет.

– Хочешь сказать, что ты предпочитаешь виселицу? – уточнил Бикфорд, – сынок, эта женщина – враг Англии! Назови мне хоть одну разумную причину, почему ты должен спасти ее такой ценой, иначе я решу, что ты сошел с ума.

– У нее хороший коньяк, – вымолвив это, Рик откинулся на стену и с удовольствием закрыл глаза. Он чувствовал приятную расслабленность, не имеющую ничего общего с потерей крови, это было чувство, которое посещало его всегда, когда сомнения оставались позади, а трудное решение было принято.

– Мальчишка, – фыркнул Бикфорд, – благородный, но чертовски глупый. Я предвидел это, и принял решение за тебя. Люди Каслри отправились в Гринвич еще на рассвете, пока ты, сынок, изволил отдохнуть в обмороке.

– Что? – Рик немедленно отлип от стены, – Мишель схвачена?

– Ха... С этой женщиной я бы не отказался иметь дело. Если когда-нибудь Луи перестанет нуждаться в ее услугах, я попробую предложить ей место. Она исчезла из своего гнездышка, – пояснил он, – причем не оставила людям Каслри ничего, даже завязки от

пеньюара. Все, что не забрала с собой, сгорело в камине. Когда за ней приехали, пепел был еще теплым.

– А... приказ?

– Приказ, разумеется, со мной. Обратной силы он не имеет, если ты об этом. Ты свободен, сынок. Хотя по-прежнему глуп. Наверное, кому-то надо всерьез заняться твоим образованием, раз уж этого не сделали родители, – Бикфорд покачал головой, – Например – шпага. Если ты ее носишь, то должен хотя бы отличать эфес от лезвия. Думаю, первую тренировку мы с тобой назначим уже сегодня, перед обедом. Что ты на меня смотришь с таким удивлением? Неужели никто так и не удосужился тебя просветить, что в свое время твой престарелый партнер был первой шпагой Лондона? Думаю, за прошедшие годы я не так уж много забыл.

– Мда... – протянул Рик, – На Карибах мне как-то не приходилось применять шпагу. Там в чести оружие посерьезнее.

– Здесь Лондон, мой друг, а не Карибы. Здесь больше цениться изящество шпаги, чем брутальность эспадрона, – Адам загадочно улыбнулся. – Залечим твою рану, и я тебе покажу, на что еще годен старик Бикфорд.

Джеймс улыбнулся ему в ответ.

* * *

День, который изменил его жизнь, начался как обычно, с плотного завтрака в компании Адама. За последние дни они очень сблизились и Рик с удивлением понял, что получает удовольствие от общества старого джентльмена. Не говоря уже о том, что Бикфорд действительно оказался великим мастером шпаги, и несколько уроков, которые Рик получил, полностью изменили его представление об этом искусстве. Оказалось, что фехтуя, нужно работать не только рукой, плечом и коленями. Если при этом включаешь мозги, результат может оказаться поразительным! Серии обманных ударов и финтов, которые могли заставить противника раскрыться, можно было просто угадать, как в картах, когда изучишь манеру соперника, а можно – рассчитать, как в шахматах, с помощью логики.

– Меньше прыгай, больше думай, – добродушно командовал Бикфорд, в очередной раз отмечая «касание» на кожаном нагруднике своего молодого партнера, – и думай сначала об обороне, потом – о нападении. Первое – важнее. Что толку, если ты красивым выпадом уколешь противника в плечо, а потом с удивлением обнаружишь, что четыре фута стали торчит в твоём животе? Следи за стойкой! Ты все время должен быть повернут к сопернику боком, чтобы уменьшить площадь поражения. И с выпада уходи аккуратно, колоть и в грудь и в спину одинаково удобно. Но главное – внимание. Следи за противником, за его глазами и плечами, оттуда начинается удар. Хороший бой – это всего пара минут. Либо ты победитель, либо...

– Я понял.

Мужчины никого не ждали ни к обеду, ни, тем более, к завтраку, предвкушая приятный день в обществе друг друга. Эдит в последнее время визитами их не баловала, а когда приезжала, то всегда это было ненадолго. Лицо ее в такие моменты светилось робким пока счастьем. Адам радовался, что семейная жизнь дочери, похоже, пошла на лад. Рик помнил о совете, который дала Кларку очаровательная французская шпионка, и принимал «хорошие» новости скорее настороженно, но помалкивал. Его мнение о Ричмонде давно сложилось, и поколебать его не могло ничто.

Накануне дом посетил священник местного прихода, и сделал запись в церковной книге, согласно которой сирота Джеймс по всем правилам усыновлялся Адамом Бикфордом, получая имя Родерик Джеймс Адам Бикфорд. Со всеми вытекающими отсюда юридическими и имущественными правами. Следующим посетителем стал пожилой нотариус. Его Адам провел в кабинет и о чем-то долго совещался с ним, а когда вышел, глаза у него были какими-то уж чересчур лукавыми. Но Рик ни о чем не спросил старика.

День шел своим чередом. Адам занимался делами, Рик и Денни упражнялись в фехтовальном зале, потом перешли к более интеллектуальному занятию – бурбону и картам. Один раз штурману показалось, что возле ворот особняка остановился экипаж, но поскольку лакей не доложил о посетителе, оба согласно решили, что им почудилось.

Приятную во всех отношениях беседу двух джентльменов прервал шум в холле и тревожные голоса слуг. Они звучали как-то так, что оба моряка мгновенно поняли: случилось что-то действительно очень плохое.

– Что произошло? – спросил Рик у старого лакея, застывшего в дверях с растерянным видом.

– Сэр, там, в пруду, – пробормотал он, – садовник говорит... что-то белое, сэр.

– Что – белое? – удивился Денни, – простынь? Или какое-то животное?

– Ка... кажется, там человек, сэр.

Сердце Рика мгновенно ухнуло в пятки. Предчувствие беды было таким сильным, что молодой человек ощутил его как физическую боль. Не говоря ни слова, он бросился в сад. Денни последовал за ним.

Когда они подоспели, проломившись напрямик сквозь заросли акации, тайны уже не было. Двое садовых работников как раз выносили из воды тело, облепленное мокрым белым платьем и светлыми волосами. Было ясно без слов, что несчастье случилось несколько часов назад, и всякое искусственное дыхание или непрямой массаж сердца будут здесь полностью бесполезны.

Рик опустился на колени, в траву, сырую от вечерней росы, и осторожно отвел волосы с лица мертвой Эдит. Оно не было перекошенным от боли или страха. Но не было и безмятежным, словно землю покинул ангел. Глаза девушки были широко открыты и в них застыло выражение, которое Рiku было суждено запомнить на всю жизнь: «За что?»

– Всего лишь за то, что твой отец усыновил меня и сделал своим наследником, – понял Рик, – другой причины не было. Если б я знал...

– Вы о чем, капитан? – спросил Денни, опускаясь рядом.

– Он убил ее. Когда понял, что не получит наследства Бикфордов, он ее убил.

Денни был не из тех, кому надо было что-то объяснять дважды.

– Думаешь, это Ричмонд?

– А кто еще мог сотворить такое с ангелом? – Рик сжал ладонями голову Эдит, словно надеялся, что она проснется, – Он умрет за это, Денни. Клянусь жизнью, он за это умрет!

Шум достиг ушей Адама Бикфорда и он, широко размахивая руками, поспешил к пруду. С каждым шагом его лицо становилось все серьезнее... Отцовское сердце почувствовало неладное. Он не выдержал и на последних метрах почти перешел на бег.

– Эдит! – Адам увидел лицо дочери на руках Рика.

Колени старика подогнулись, и он рухнул рядом.

– Эдит... – жалобно простонал Бикфорд. – Эдит...

Адам до боли сжал кулаки и припал к бездыханной телу. Старик Адам рыдал. Даже при известии о гибели своих сыновей он держался. Но сейчас...

– Эдит...

Он резко отстранился от тела. Его глаза полные слез обратились на Рика.

– Это он! Джеймс, я знаю это он!

На скулах Рика играли желваки, он сам ели сдерживался, чтобы не проронить слезу.

– Да.

– Боже правый, за что? Артур, Генри... Эдит. Это он!

– Я знаю, – прошептал Рик, сквозь зубы. – Я знаю...

Глава четвертая

Пленники

Карибское море, корвет «Долорес», июль 1686 года

Обычно в это время года днем еще стоит удушливая жара, а вот ночи уже прохладны, и ветер неласков. Все чаще он несет с собой стылое дыхание будущего непогоды. Но до зимних штормов было еще далеко, и капитан корвета «Долорес» не слишком торопился на встречу с хозяином и не опасался шторма.

Джордж Эльсвик, британский аристократ, ведущий свой род от норманнских завоевателей, сильно загорел и отощал. Кожа его огрубела под солнцем и ветром, под ней обозначились ребра, а правильное, тонкое лицо обросло спутанной светлой бородой, скрыв узкий подбородок. Эльсвик льстил себя надеждой, что, несмотря на грязные отвратительные лохмотья, эту самую бороду и цепь, все еще остается джентльменом... Может, конечно, так оно и было. Он хотел в это верить.

Неволя оказывает на человека странное действие. Прошлое забывается быстро. Помнишь отдельные детали, лица, голоса... Но стерлось то главное, что связывало тебя с тем, кем ты был совсем недавно. Чувство сопричастности.

Кто был тот светловолосый юноша, который охотился забавы ради, мечтал и строил планы, спорил о живописи, музыке и любил прекрасную дочь коммерсанта Нортон. Знать бы...

Человек, сидящий на цепи, оскаливается. Еще бы... Как же... Не знаю и знать не хочу. Кем он был, щенок, что он видел. Как он смел, быть таким счастливым и беспечным, отмерив всего... целых два десятка лет.

Эта ночь была странной. Случилось что-то непредвиденное и, похоже, это не слишком понравилось капитану. И этому дрянному португальцу. Испанцы бегали, как растревоженные муравьи, ругались и божились, но в чем дело – граф не разобрал, да и не стремился.

А едва забрезжил рассвет, на палубе собралась толпа, и Эльсвик разглядел, как в круг шагнул тот самый долговязый тип, который когда-то объяснил ему, чем отличается граф от простого смертного. Спина. Спину аристократа, каким бы он ни был негодяем, никогда не украсит узор, прописанный плетью. И если ты приобрел такое украшение, то ты уже не аристократ, не ваша светлость, не джентльмен... Вообще никто.

Граф сел. Потом попытался встать, вытягивая шею. Но поскользнулся. Подвели отвыкшие от движения ноги.

Эльсвик потерял равновесие и рухнул, неловко взмахнув руками. В голове громыхнул пушечный заряд, что-то брызнуло в глаза, и день погас.

Он очнулся от осторожного прикосновения. Кто-то бережно поддерживал его голову, ставшую тяжелой. На борту «Долорес» Эльсвик отвык от такого обращения и, слегка удивленный, приоткрыл глаза. Первым, что он увидел, были огненно-рыжие, встрепанные волосы мистера Мак-Кента. Массивная челюсть шотландца шевельнулась, и губы чуть дрогнули, изображая улыбку.

– Добрый день, милорд. Рад видеть вашу светлость в добром здравии, – невнятно проговорил капитан, и только сейчас Эльсвик заметил, что широкое лицо Мак-Кента разбито в кровь.

– Будем соседями, – усмехнулся он и громыхнул тяжелой цепью.

Эльсвик сел. Машинально тронул затылок. Коснулся спутанных волос. Резкая боль отрезвила его. Он взглянул на соседа, отметил, что тот одет вполне прилично и, похоже, не голодал.

– Что здесь происходит, мистер Мак-Кент, кажется, так вас зовут? – холодно произнес Эльсвик. – Впали в немилость у новых хозяев?

– Новые хозяева? – широкое лицо, распухшее от ссадин и кровоподтеков, мгновенно вытянулось.

– Потрудитесь объясниться, милорд. Вы... оскорбили меня.

– Да? – язвительно спросил Эльсвик.

Он облокотился спиной о мачту, вытянул левую ногу, словно сидел в кресле, и еще раз демонстративно оглядел Мак-Кента, оценивая плотный, черный костюм испанского покроя.

– Я оскорбил вас, капитан Мак-Кент? Бывший капитан. Бывший Мак-Кент. Как вас теперь зовут? Сеньор Макента? Или, может быть, дон Макинтошио? А я-то считал, что большего оскорбления, чем эти испанские тряпки, для английского джентльмена нет. Впрочем, вы ведь не англичанин, капитан? И я бы, право, удивился, поступи вы по-другому.

Эльсвик отвернулся, демонстрируя пренебрежение, его светлые глаза остановились на матросе, который драил палубу неподалеку и не слишком старался.

Неожиданно сзади возникло какое-то движение, и вдруг, мелькнув перед глазами, толстая железная цепь больно ударила в ключицу и захлестнулась на горле смертельной петлей. Эльсвик упал, хватая воздух руками, что-то навалилось на него, придавив к палубе, и гневный шепот горячей струей ударил в затылок:

– Запомни, джентльмен, сто чертей тебе в... в... родословную! Ты можешь думать, что угодно про английских моряков вообще и про старого Мак-Кента в частности, но если ты... хоть одним словом посмеешь задеть Шотландию... От тебя мокрого места не останется. Ты понял, щенок? Ты понял... ваша светлость?!

Эльсвик, полузадушенный, попытался ударить Мак-Кента локтем и действительно ткнул им во что-то мягкое. Шотландец хрюкнул, слегка ослабил хватку, и граф немедленно выпростал руку, пытаясь ухватить его за торчащие лохмы.

Внезапно, среди солнечного дня, палубу «Долорес» накрыла волна, окатив двух мужчин с ног до головы. Фыркая и отплеываясь, они расползлись в разные стороны, озираясь шалыми глазами. Вода оказалась грязной и пахла мерзко.

Шагах в трех, так же грязно ухмыляясь, стоял жилистый, загорелый парень в одних парусинных штанах, босой, но с серьгой в ухе. Пустое ведро в его руках вполне прояснило ситуацию.

– Английский собака, – медленно, с явным удовольствием, выговорил он.

Граф не рассуждал. Не оскорбленная гордость, а нечто другое: чистый, первобытный гнев накрыл его горячей волной и заставил рвануться вперед. Он совершил такой стремительный бросок, что матрос не успел отпрянуть. Цепь загремела, рука ухватила тощую босую ногу испанца, и Эльсвик, что было силы, дернул ее на себя. Парень выронил ведро, вскрикнул, падая, и, не целясь, лягнул воздух. Следующий пинок попал графу в челюсть, и тот чуть не выпустил пленника, но шотландец держал свою цепь наготове и скрутил его испанца с не меньшей ловкостью, но, пожалуй, с большим удовольствием.

– Не нравится? – светским тоном спросил он, вжимая испанца коленом в жесткий палубный настил. – Вот мы тебя сейчас тоже окатим. Уж чем сможем. Тебе это еще меньше понравится, шутник.

Испанец бешено вращал глазами, извивался, что-то хрипел и вдруг лягушкой выскользнул из лап Мак-Кента, распластавшись по палубе, сбил головой звонко загремевшее ведро и, вскочив на ноги, принялся поливать пленников отборной кастильской руганью, грозя кулаком.

Мак-Кенту изысканная лексика матроса доставила истинное наслаждение. Как тонкий ценитель, он сощурился, прищелкнул квадратными пальцами и даже поцокал языком. Граф Эльсвик не понял ни слова.

– И что теперь будет? – спросил он, когда молодой испанец окончательно выдохся и скрылся со своим ведром.

– Высекут, – равнодушно ответил шотландец, почесывая грудь.

Эльсвик вздрогнул, но смолчал. Ему уже почудилось это чудовищное унижение аристократического прошлого... Он нервно повел плечами, словно хотел увернуться от летящей плети.

– Да не ерзай, ваша светлость, – шотландец искривился в улыбке, – на смерть не забьют. Мы – товар.

Однако пророчество Мак-Кента не сбылось. Происшествие осталось без каких-либо последствий. Видимо, испанец стыдился его, а остальные, те, кто видел свалку у грот-мачты, просто решили не вмешиваться. Шотландца, знакомого со здешними нравами не

понаслышке, это навело на некоторые забавные и полезные размышления. Он еще пытался свести их в одно целое, когда сосед сбил его с мысли, завозившись на цепи.

– В чем дело, сынок? – холодно спросил шотландец.

Эльсвик хотел задать вопрос, но, памятуя о недавней драке и ловкости, с которой шотландец превратил в оружие свою цепь, замялся, не зная, как его сформулировать. Ему было мучительно стыдно за то, что враг видел его свару с соотечественником. Пусть не совсем соотечественником, но в глазах этого испанца они оба были англичанами и вместо того, чтобы поддержать друг друга, сцепились, как бродячие псы из-за подачи. Он промолчал. А вот Мак-Кент был явно настроен поболтать.

– Ну, так что это за намеки на «дона Макинтосио»? Объяснитесь же, черт возьми вашу светлость!

– А как еще, по-вашему, я должен понимать этот испанский костюм и ваш цветущий вид? – спросил Эльсвик, снова наливаясь раздражением. – Похоже, вы не слишком страдали в плену? А что вы шуритесь, Мак-Кент? Правда глаза колет?

– Стоило бы тебе как следует врезать, щенок, чтоб мозги на место встали, – задумчиво произнес шотландец, разглядывая похудевшее, сожженное солнцем мальчишеское лицо с ранними морщинами у глаз. – Однако не могу. Наверно, внутреннее благородство мешает. Да и хозяйке это не понравится.

– Хозяйке? – переспросил Эльсвик.

– Мисс Нортон, – пояснил шотландец.

– Благодарение Всевышнему, Ирис не увидела этого позора. Она умерла.

– Да? – со странной интонацией переспросил капитан и развернулся к юноше. – Вы видели, как она умирала? Вы закрыли ей глаза, сложили руки на груди? Вы слышали, как священник прочел над ней молитву, вы стояли рядом, когда заколачивали гроб?

– Я... Как вы смеете, Мак-Кент, – возмутился Эльсвик, – испанцы на моих глазах привязали ее к доске и бросили в море.

– Живую? Или мертвую?

– Живую, но не хотите же вы сказать... Или... Мак-Кент, вы хотите сказать?..

Эльсвик метнулся вперед, вскочил, рухнул на колени, схватил капитана за плечо и так сдавил его, что шотландец крикнул.

– Потше, милорд. Вы меня растерзаете в порыве радости. Ничего не имею против, я тоже был чертовски рад, но...

– Бога ради, Мак-Кент, неужели ее спасли?

Молящий взгляд мальчишки тронул Мак-Кента.

– Ну, – протянул Харди, – когда я ее видел месяц назад, она выглядела очень даже неплохо для утопленницы. Эй, милорд... Эй, сынок, что с тобой?

С Эльсвиком и вправду творилось что-то невероятное. Весь мир, с его цветами, звуками и запахами обрушился на него, грозя раздавить.

– Харди, прошу вас, – пробормотал Эльсвик. – Если это шутка – то слишком жестокая, а если правда, то она слишком невероятна. Я... Господи, да что же вы молчите, Харди? Она жива? Она в Англии?

– Боюсь, что нет, – Мак-Кент вздохнул и вытянул ноги, щурясь на солнце. – Она исчезла в районе Испанского Мэйна. Мисс Нортон отправилась туда одна. На свой страх и риск. Сразу после нашей встречи на Санта-Катарине.

– На Испанских территориях? – опешил Эльсвик. – Клянусь честью, она безумна. После того, что она натворила на фрегате?! Если она до сих пор жива, то в тюрьме. Или в руках инквизиции. Она же протестантка. И тверда в вере, насколько я знаю. Господи, да о чем же она думала?

– А ты не догадываешься, сынок? – спросил Харди, не глядя на графа, в голосе его звучала горечь пополам с насмешливой жалостью. – Она искала тебя, Джордж. Так-то.

Матросы поставили дополнительные паруса и «Долорес» ощутимо прибавила хода. Капитан торопился.

Жаркий день сменила вечерняя прохлада. Постепенно жизнь на корвете замерла, лишь резкий звук корабельного колокола, отбивавшего склянки, да иногда отрывистая команда с мостика напоминали о том, что пленники, прикованные к мачте не одни на корабле. Графу не спалось.

— А что произошло этим утром? — спросил, наконец, Эльсвик.

Мак-Кент долго молчал, потом невесело усмехнулся.

— Дик Вольнер. Ты его помнишь? Он повторил твой подвиг, Джордж. Поджег трюм. Бедного парня высекли так, что он едва смог подняться, будь они прокляты. А потом эти мерзавцы решили, что вдвоем мы слишком опасны. Его увели куда-то на нос, но, судя по всему, не повесили. Видимо где-то держат. А со мной «сыграли в собачку».

Харди выразительно звякнул цепью и рассмеялся. Негромко и невесело.

— Расскажи мне все по порядку, — попросил граф. — От самого начала до сегодняшнего дня. И про Ирис. Какая она была, когда ты ее встретил?

— Красивая, — отозвался Мак-Кент в темноте. — Еще красивее, чем раньше. Ты не узнаешь ее, сынок. Она стала настоящим чертом в юбке. Послушай-ка, Джордж. Ты здесь вроде как старожил. Научи-ка старого морского волка, как тут спят.

— Где она может быть? — вслух подумал Эльсвик, — если не в Испанской тюрьме...

— Где-то на Эспаньоле, — отозвался Мак-Кент, устраиваясь на ночлег. — Во всяком случае, та шхуна, на которой она улизнула, направлялась сюда. А, может быть, и нет. Этот Джеймс Рик — толковый капитан. Уже после того, как мы сошли на берег, он кое-что припомнил. Кой-какие разговорчики этого Керби и его щенков. И назвал еще одно место: Золотой остров.

— Золотой остров? — встрепнулся Джордж. — Что это за остров такой? И причем тут, ради всего святого, Джеймс Рик?

— Золотой остров, — пробормотал Харди в полудреме и широко зевнул, — это, сынок, такой остров, где много-много золота. А может, и не так уж много. Может, там его и вовсе нет.

— А причем здесь Джеймс Рик? И почему его интересует Ирис? Харди?

Но Мак-Кент уже спал, привалившись к мачте широкой спиной, и даже похрапывал.

Дни, проведенные на цепи, не отличались разнообразием. Солнце с утра жгло грудь, а во второй половине дня пекло затылок. За бортом тихо звенела вода, рассекаемая острым форштевнем «Долорес», прямо над головой, закрывая полнеба, выгибался грот. Ветер давил в него с легким, чистым свистом и старая сосна отзывалась ему на своем языке. Они были давние знакомые — сосна и ветер. Она помнила еще родной бор, теплый летний полдень, запах нагретой хвои и сестер — ровных, прямых, высоких, словно на подбор. С одной из них она так и не рассталась. Та стояла чуть ближе к носу и гордо несла фок.

* * *

Бывший капитан стремительно оброс рыжей разбойничьей щетиной и на удивление быстро освоился. Он целыми днями травил матросские байки, и граф, почти против воли, стыдясь самого себя, краснел и покатывался со смеху. Во время завтрака (он же обед, полдник и ужин) Мак-Кент с видом заправского аристократа нюхал еду и, брезгливо фыркнув, учинял матросу разнос. Тот, не зная английского, понять ничего не мог, но в долгу не оставался никогда и отвечал шотландцу серией отборных испанских ругательств. Заканчивался диалог обычно обменом непристойными жестами, которые молодого Эльсвика и коробили, и веселили. Потом веселье как-то внезапно иссякало, и наваливалась дикая, почти неодолимая тоска, от которой хотелось быть волком и царапать палубный настил, сдирая ногти с белых от напряжения пальцев. В такие часы пленники не разговаривали и даже не глядели друг на друга.

Именно в таком настроении их и застал неожиданный сюрприз.

— Харди?

Голос послышался совсем рядом, и Мак-Кент, невольно вздрогнув, открыл глаза. И тут же сощурился.

Время было утреннее, и восходящее светило стегнуло по глазам не хуже хорошей плетки.

Вскинулся и Эльсвик. И тоже сощурился. Возникший внезапно женский силуэт показался ему черным. И мгновенно услужливая память подсунула ночь накануне отплытия. Граф подобрался, пытаясь вспомнить правила хорошего тона, но как раз именно в этом месте в памяти зиял провал.

– Мисс Франческа? – слегка растерянно спросил Харди. – Что вы делаете здесь. Ведь это, наверное, запрещено.

Эльсвик насторожился. Минувшие дни почти усыпили его подозрения, но, как оказалось, не полностью. Одной фразы оказалось достаточно, чтобы змей недоверия поднял все свои семь голов. Как ни верти, а испанский камзол был? Был, никуда от этого не денешься. А теперь оказывается, что капитан Мак-Кент... Очень подозрительный Мак-Кент... Тот самый Мак-Кент, который сразу не понравился графу... Теперь оказывается, он прекрасно знает гостей испанского капитана и, похоже, в дружеских отношениях с прекрасной сеньорой.

– Запрещено, – подтвердила женщина и, удивляя пленников, преспокойно опустила на палубу. На некотором расстоянии, конечно, но не так, чтобы очень далеко. На ней было светло-голубое муаровое платье. Мягкие густые локоны, собранные на затылке, лежали на плечах спокойной волной. Они были русыми, с легким рыжеватым оттенком. Неправильное, но приятное лицо казалось очень подвижным, хотя и не слишком юным. Большие, темно-карие глаза смотрели с любопытством, но не холодным, а участливым.

– Вы ведь Харди Мак-Кент, я не ошиблась? – спросила женщина.

Она говорила певуче, медленно, словно подбирая слова, и Эльсвик подумал, что Бог наделил ее голосом редкой красоты и силы. Капитан хмыкнул.

– Ради бога, мисс Франческа. Вы сделали мне честь, припомнив мое имя. А теперь окажите мне еще одну услугу. Забудьте его.

Женщина кивнула с понимающей улыбкой.

– Но, ради всего святого, зачем вы компрометируете себя? – Мак-Кент поерзал и подтянул ноги, чтобы случайно не испачкать ее платье.

– Когда-то вы были очень добры ко мне, Харди. – Мягко произнесла Франческа.

– Ерунда, – Харди качнул головой, – кто бы на моем месте поступил иначе, увидев в море шлюпку с двумя людьми, терпящими бедствие. По закону моря я должен был замедлить ход и спустить трап. Моя команда не поняла бы меня, если бы я поступил иначе. Кстати, вы так ни о чем и не рассказали мне...

– История с кораблекрушением вас не убедила? – улыбнулась Франческа.

– Судите сами: ваша шлюпка была крепкой и совершенно целой, платья и одеяла сухими и неподпорченными водой, запас продуктов тоже не пострадал. При всем уважении – жертвы кораблекрушения выглядят несколько иначе.

– А кто этот несчастный юноша? – спросила Франческа, переводя разговор.

Несчастный юноша нервно прокашлялся:

– Граф Эльсвик, сударыня... Просто Джордж, – и мучительно покраснел.

– Боже! – в ее глазах отразился неподдельный испуг. – Британский лорд на цепи, как зверь! Какая низость. Впрочем, я не удивлена. Этот дон Анхиле просто образец законченного тупого мерзавца.

– Он обижал вас? – вскинулся Мак-Кент.

Цепь грохнула, напомнив о том, в каком он положении.

– Харди, дорогой, одинокую женщину обидеть почти невозможно, – быстро улыбнулась Франческа. – Она слишком беззащитна и слаба, чтобы позволить себе роскошь быть обидчивой.

– Меня утешает только одно, – Джордж Эльсвик подергал железный пояс и

неожиданно для себя улыбнулся в ответ. – Если меня держат на цепи, значит, считают опасным зверем. В некотором роде мне это даже льстит.

Однако женщину не обманула эта мальчишеская бравада. Прима итальянской оперы, синьорина Франческа Колонна была не только красива, грациозна и талантлива. Она была умна.

– Несчастный мальчик, – она наклонилась вперед, и мягкие прохладные пальцы на мгновение коснулись щеки графа.

Франческа тут же отстранилась, но эта мимолетная участливая ласка неожиданно разбудила память. Джордж вспомнил Англию. Уэрствуд. У его невесты были такие же русые волосы, только без рыжего оттенка.

И она никогда не позволяла себе ничего подобного. Эльсвик приписывал это отцовской строгости и природному здравомыслию нареченной. А сейчас вдруг подумал... Она разговаривала с ним всегда неизменно мягко, поскольку была добра, но от этой доброты веяло холодом. И Джордж Эльсвик впервые подумал, что, похоже, мисс Нортон его всего лишь терпела.

Глава пятая **Франческа Коломбо** **Карибское море, июль 1686 года**

Море бывало разным. Золотисто-зеленым в погожие дни, когда в прозрачной глубине можно было разглядеть косяки снующих рыбок; в темные ясные ночи оно было похоже на кусок лионского бархата, расшитый серебром, и неразлично сливалось с таким же иссиня-черным, неестественно близким небом. Шторм сводил лик моря морщинами, и тогда оно становилось опасным и непредсказуемым. Впрочем, оно всегда было таким.

Даже когда штиль разглаживал, успокаивал суровое лицо, оно добродушно, слегка извиняюще улыбалось, торопясь отблагодарить за терпение и морскую сноровку свежим бризом. Но над серебристой гладью появлялся стремительный острый плавник, и сердца рыбаков сжимал страх. Акулы. Отец называл их душами потонувших пиратов...

Женщина старалась не вспоминать прошлое. Сейчас ее звали Франческа Колонна, и ей рукоплескала самая взыскательная публика Италии и Франции. Она научилась принимать цветы и комплименты и вежливо, но твердо отказывать поклонникам. Ну а то, что петь со сцены – значит тешить дьявола – в это она никогда особо не верила, не смотря на заверения святых отцов.

Она постаралась забыть, что когда-то ее звали иначе, что у нее был отец, а потом – муж. Но иногда, в такие минуты, как сейчас, прошлое возвращалось, и с этим ничего нельзя было поделать. Чаще всего это случалось, когда женщина смотрела на море.

Она привыкла ненавидеть море. Сначала море отняло у нее братьев. Неаполитанские рыбаки – они вышли в море, пренебрегая тревожными признаками, потому что их бедной семье нужны были деньги. Они не вернулись. Мать, красивая и очень набожная женщина, усмотрела в этом кару Всевышнего. Прижимая к себе маленькую дочку, она часами выстаивала на коленях перед печальным ликом Мадонны, призывая на свою голову все беды и умоляя оберечь дочку. Тогда она так и не дозналась, в чем был грех ее матери, которая казалась ей ангелом.

Она узнала это намного позже, через несколько лет, когда госпожа Валентина уснула под самым дешевым надгробьем на кладбище для бедных. Горько-соленый ветер Неаполя был единственным, кто плакал тогда вместе с дочерью.

Некоторое время она жила шитьем. Потом появился громадный, широкоплечий, еще не старый, но совсем седой человек. По-итальянски он говорил плохо, а из местного диалекта, родного для госпожи Валентины и ее дочери, знал лишь несколько слов. Впрочем, их хватило, чтобы объясниться. Незнакомец оказался ее отцом.

Что заставило его много лет назад покинуть Валентину и детей, и почему он вдруг

решил вернуться, она спросить не решилась.

Ей трудно было выучить слово «отец», которое в ее детской головке связывалось лишь с понятием «отец небесный». Незнакомец не настаивал. Он купил ей красивых платьев и увез сначала на свою родину – во французский портовый город Марсель, потом ей довелось увидеть блестящий Париж и познакомиться с маэстро Франчини, своим знаменитым соотечественником. До этого дня такое прекрасное пение она слышала только в капелле. Опера стала ее храмом, но, увы, ненадолго.

Они опять собрались, кидая в саквояжи все, что попадалось под руку, без разбора, бросая на произвол судьбы то, что не помещалось в экипаже. До девушки, наконец, дошло, что они бежали.

Их приютила хмурая холодная Англия, где к ней впервые привязался этот кашель.

Они жили в рыбацкой деревне, так похожей на ту, где она родилась и выросла. Только небо над деревушкой было другим, и солнце редко радовало своим теплом. В сущности и море... тоже было другое – холодное и мрачное. Жизнь английских бедняков почти не отличалась от жизни таких же бедняков Неаполя. Разве тем, что они говорили на другом языке, теплее одевались и не молились Мадонне. Она умела чинить сети и быстро подружилась с хозяйкой приютившего их дома. Отца здесь побаивались и звали «мастер Джерри». Но кашель продолжал донимать девушку, и отец поспешил ее увезти.

И снова начались скитания, постоянные дворы, чужой запах от постелей, наемные лошади, смесь языков и быстро исчезающие из памяти лица.

Некое подобие дома она обрела лишь в Толедо. Здесь не было итальянской оперы, но была красивая церковь. Чтобы возместить дочери потерянные уроки пения и хоть как-то занять девушку, отец стал учить ее читать по старой, потрепанной французской библии. Дело пошло быстро. У девушки оказался цепкий ум и хорошая память. Эти уроки сблизили отца и дочь.

Однажды, перевернув страницу, она увидела тщательно выведенные тушью на широких полях непонятные знаки и цифры.

– Это координаты, – вздохнув, пояснил отец, – широта и долгота. Их используют моряки и путешественники, чтобы точно указать место.

– И что за место указывают эти цифры? – быстро спросила она.

Отец усмехнулся в седую бороду, потрепал ее по щеке и подвел к большой карте, разложенной на столе в его кабинете. Толстый, узловатый палец ткнул в место, которое, на ее взгляд, не отличалось ничем особенным.

– Что там такое? – спросила дочь, с любопытством разглядывая цветную карту.

– Еще не знаю, – покачал головой старый моряк. – Время покажет, может быть, большое поместье с розами и фонтанами. Этакое королевство, где ты будешь королевой. А может быть, моя могила.

– Не говори так, отец! – вскрикнула девушка и сжала его ладонь, широкую, намозоленную о жесткие шкоты, – ты меня пугаешь.

– Это хорошо, – произнес моряк, и лицо его странно ожесточилось, – чем больше будешь бояться, тем крепче запомнишь то, что я тебе сейчас скажу. Это, – он снова обвел точку на карте жестким квадратным ногтем, – Золотой остров. Там лежит твое приданое. Его стерегут демоны, потому, милая, что твой отец – дьявол.

Дочь вздрогнула и с ужасом взглядела в светлые холодные глаза. Он не шутил.

– Ты – юная и чистая. Такая, какой была Валентина. Возможно, вскоре нас разлучат. Ничего не бойся. Денег у тебя достаточно. Я приготовил маленький дом в предместье. Там у тебя будет все необходимое, и никто не спросит, кто ты такая. Если останешься одна, без меня, Человек с Отстреленным Ухом проводит тебя туда. Тебе будут говорить обо мне много ужасного. Не все будет правдой, моя девочка, но кое-чему тебе придется поверить ради собственного блага. Я сделаю все, чтобы в скором времени вернуться к тебе но, возможно, мне это не удастся. Не прошу помнить меня... Помни то, что заслуживает памяти: Валентину и клад на Золотом острове.

Спустя два дня после этого разговора отца увели альгвасилы, и дочь с ужасом узнала, что седой человек, который незаметно стал ей дорог – Жером Ферье, пират и разбойник, знаменитый своими набегами на колонии. За его голову в Италии и на родине была назначена награда. Нашлись у него враги и в Испании.

Через час после его ареста появился Человек с Отстреленным Ухом, которого ей велели слушаться.

Но она заупрямилась, осталась в доме и с христианским смирением встретила шквал ненависти и презрения. Молва быстро распространила слухи... В ее окна швыряли камни, женщины простолюдинки плевали ей на подол, когда она в сопровождении молчаливого Человека с Отстреленным Ухом шла в церковь и обратно. Она ни на что не обращала внимания. Лица мучеников сияли перед ее духовным взором, призывая к смирению. Своей жизнью и смертью (если того потребует Господь) она должна была искупить грехи своего отца. Искушение началось.

Куда бы она не направилась, потери следовали за ней. Вслед за отцом она обрела и тут же потеряла мужа. Впрочем, об этой потере она сожалела только по-христиански. Дон Мигель де Кастильяно, знатный испанский гранд, жил в грехе и умер в грехе. Без покаяния и святого причастия.

Теперь на ней лежало бремя вызволения из чистилища уже двух заблудших душ. Она удвоила часы молитв, пожертвовала церкви все, что имело хоть какую-то ценность. Подавала нищим. Принять от Карлоса, своего пасынка щедрый дар – поместье, она не посмела, и сожгла дарственную в камине, чтобы не впасть в искушение.

То, чего она опасалась, случилось ночью, спустя три месяца после удачного побега юного Карлоса. Стояла промозглая сырость. В большом, но пустом доме топили только две комнаты – ее и Беатрис. Ей не спалось. Она пыталась читать, но знакомые строки Евангелия казались ей зловещими. Неожиданно на улице послышался злобный лай собак. Почти сразу прозвучали два выстрела, и лай сорвался на жалобный скулеж. Вскоре все стихло. Она поспешно оделась, схватила свечу и бросилась будить свою наперсницу. В дверь заколотили чем-то тяжелым, но Коломба знала, что выломать ее трудно, и, по крайней мере, несколько минут у нее есть. А может и больше.

Беатрис безмятежно спала, не слыша светопреставления на улице, и Коломбе пришлось хорошенько встряхнуть ее, прежде чем девушка открыла заспанные глаза.

– Срочно одевайся и иди за мной, – приказала она, поспешно связывая в узел теплое платье и чулки Беатрис.

– Что случилось? – перепугалась девушка.

– На дом напали, – коротко отозвалась Коломба и, не вдаваясь в объяснения, вытолкала Беатрис в коридор.

В двери продолжали колотить.

Спустившись вниз, Коломба сунула узел в руки Беатрис.

– Подержи.

А сама быстро закатала край толстого ковра. Под ним обнаружился люк. В это мгновение на стене, над Коломбой, выросла громадная тень. Беатрис вскрикнула.

– Это всего лишь я, сеньорита, – быстро, успокаивающе, проговорил Человек с Отстреленным Ухом. Он был полностью одет и при шпаге. Из-за пояса торчала пара пистолетов. – Я все видел с чердака, – пояснил он.

– Сколько их? – спросила Коломба.

– Шестеро или семеро. В темноте трудно сказать точнее.

– Лошади есть?

– Оставлены на дороге. По-моему, там крытый экипаж.

Она кивнула, привлекла к себе испуганную и заплаканную Беатрис, поцеловала и перекрестила.

– Храни тебя Господь и Святая Дева Мария.

Потом обернулась к мужчине и не терпящим возражений тоном приказала.

– Спускайтесь. Возьмете в конюшне лошадь. Моя вороная кобыла вынесет вас обоих. Уходите через заднюю калитку и, если сумеете, поставьте в известность алькада.

– Без вас я никуда не пойду, – твердо отрезал он.

– Сейчас не время для бунта. Нужно спасти Беатрис. У нас только одна лошадь и времени совсем нет.

– В таком случае, уйдете вы и сеньорита. Я задержу их.

– Вы глупы, – резко отозвалась Коломба. – Они пришли за мной. Если они не обнаружат меня, то бросятся в погоню. Как долго вы сможете сдерживать семерых? Мы не успеем даже дойти до конюшни.

– Тогда пусть уходит сеньорита. Я остаюсь.

– Вы с ума сошли! – в голосе Коломбы прозвучал нарастающий гнев. – Отправить юную девушку одну, ночью, когда здесь, совсем рядом, бандиты! Это невозможно, и мы не станем даже говорить об этом. Идите же, время дорого.

Стихшие, было, удары в дубовую дверь возобновились с новой силой. Коломба взглянула туда. Потом на Человека с Отстреленным Ухом. Он решительно мотнул головой.

– Капитан найдет меня и на дне моря, чтобы вздернуть на рею, если узнает, что я оставил его дочь, – сказал он очень быстро на родном языке.

– Но здесь вы все равно погибнете, – произнесла Коломба, тоже переходя на французский.

– Тем хуже для меня, – пожал плечами тот.

– Значит, вы погибнете дважды. Здесь погибнет ваше тело, а когда я встречу с отцом, погибнет ваша честь. Я скажу, что вы трусливо бежали, бросив меня одну.

Человек с Отстреленным Ухом потрясенно уставился на Коломбу.

– Вы не сделаете этого!

– Клянусь Богом, я это сделаю, – обещание прозвучало так хладнокровно, что не оставило места сомнению.

Взгляд карих глаз подтвердил ее решимость. Мгновение Человек с Отстреленным Ухом смотрел на Коломбу, как на Святую Деву – с благоговением. Потом решительно шагнул к Беатрис и подтолкнул ее к люку.

– Беги, девочка. Я остаюсь.

– Но я не могу вас бросить! – воскликнула окончательно растерявшаяся Беатрис.

– Глупый ребенок! Кто же поставит в известность алькада и позовет на помощь? Беги, беги милая. От быстроты твоих ног зависят наши жизни. Ну! – Коломба еще раз перекрестила ее и обернулась к двери, уже наполовину высаженной. За спиной хлопнул люк. Ковер лег на место, и Коломба перевела дух.

Тот день вспоминался потом неясно, урывками. Она плохо помнила, как высадили дверь и ворвались в дом. А когда пыталась вспомнить, перед глазами вставали лишь отдельные картинки: черные плащи нападавших, вытянутые из ножен шпаги. Два выстрела ее защитника, короткий вскрик, глухой удар упавшего тела, дрогнувшее на ветру пламя свечи, скрестившаяся сталь, стоны, тугие, пахнувшие кислым веревки, темный сад со зловещими провалами цветочных аллей, небо, все в серых, перистых облаках, как перепаханное поле. Рогатый месяц, осветивший на мгновение крытый экипаж у дороги, тяжесть теплого человеческого тела, которое небрежно пихнули в экипаж вслед за ней...

Примерно через четверть часа, когда экипаж, подпрыгивая, неся по ухабистой дороге, ей удалось распутать веревки на запястьях. Она нагнулась к неподвижному телу Человека с Отстреленным Ухом и уловила слабое дыхание. Разорвав на полосы свою нижнюю юбку, Коломба перевязала раны единственного защитника. Больше она ничего сделать не могла.

Это было страшное путешествие. Похитители двигались с убийственной скоростью, рискуя загнать коней и перевернуть экипаж. Ночная промозглая сырость захватила сначала затекшие ноги, а потом, казалось, добралась до сердца. Раненый в сознание не приходил.

Коломба молилась, привычно перебирая четки. Ближе к утру они остановились на окраине какого-то маленького городка, и ей, едва приоткрыв дверцу, сунули круглый хлеб,

бутыль с теплым вином и шерстяной плед. Видимо, тот, кто ее похитил, знал, что женщина слаба здоровьем, и простуда может ее убить. И это подсказало Коломбе, что смерть ей не угрожает.

День она провела взаперти. Экипаж стоял в каком-то сарае. Сторожили ее четверо. Прислушиваясь к разговорам, она поняла, что это все, кто остался, а всего их было восемь. Человек с Отстреленным Ухом зашевелился, приоткрыл глаза и взглянул на Коломбу осмысленным взглядом. Коломба молилась, не забывая прислушиваться к тому, что делается вокруг. Но все было тихо. Вечером они снова двинулись в путь.

Это изнурительное путешествие закончилось на берегу моря, в маленькой бухте, где их ждала рыбацкая лодка с косым парусом. Ей приказали выходить. Ноги затекли и не слушались, и ей с трудом удалось вылезти. Море билось о прибрежную гальку, с шумом перекачивая мелкие камешки.

Лодка подошла к берегу. Ею правил высокий худой старик со шрамом, рассекавшим левую бровь, отчего один глаз казался кривым. За его спиной стояли двое здоровых молодцов. Не тратя слов, один из похитителей указал на них рукой. Коломба поняла, что ей приказывают забираться в лодку.

– Мой слуга... – произнесла она. – Что вы намерены с ним делать?

Тот же человек безразлично пожал плечами.

– Ему осталось жить несколько часов. Я не получал приказа его добивать.

– А что за приказ вы получили, сеньор, и кто его отдал?

– Лодка ждет, – произнес он в ответ, – и она не может ждать вечно. Вы все узнаете через пару часов.

– Вы не собираетесь мстить ему за своих товарищей? – удивилась Коломба.

– Сеньора. Господь сказал: «Мщение – мой удел», – со странной усмешкой ответил бандит и широко перекрестился.

Машинально Коломба повторила его жест. Он уже шагнул прочь, когда женщину осенило вдохновение.

– Вам заплатили, не так ли? Смерть четверых из вас увеличивает долю живых вдвое.

Похититель живо обернулся и пристально взглянул на нее.

– А хотя бы и так. Вам-то что?

– Я тоже могу заплатить. Если вы поможете мне перенести моего слугу в лодку, я укажу место, где спрятаны большие ценности.

– Что за ценности? – мгновенно насторожился главарь шайки похитителей. Его сообщники, услышав разговор, подтянулись к женщине.

– Сокровища, которые обогатят вас несказанно.

– А не врете, сеньора? – подозрительно скривился один из них.

– Клянусь Господом и Святой Девой, – Коломба вскинула руку, потом вытянула из-под платья тонкий серебряный крестик и прикоснулась к нему губами. – Если там нет великих сокровищ, гореть мне в аду!

– Говорите, – потребовал главарь.

– От дома, где вы побывали прошлой ночью, прямо на юг ведет тропинка. Она пересекает сад и спускается к реке. На берегу стоит маленькая часовая.

– И что? Они в часовне, эти сокровища?

– Да, – кивнула Коломба. – Добыть их легко. Опуститесь на колени перед распятием, прикоснитесь лбом к каменной плите, и дверь откроется...

Разбойники переглянулись и, не сговариваясь, двинулись к экипажу. Когда лодка, приняв на борт Коломбу и Человека с Отстреленным Ухом, отчалила и в несколько широких гребков оказалась на середине бухты, один из разбойников сложил рупором ладони и позвал:

– Эй, сеньора! А что там за сокровища? Дублоны или жемчуг?

Коломба обернулась, приподнялась на колени и звонко крикнула:

– Это спасение ваших бессмертных душ!

Взрыв брани, потрясший бухту, услышали даже в лодке. Старик со шрамом

усмехнулся, но ничего не сказал.

Через час лодчонка ткнулась в темный борт старой двухмачтовой каракки с высокой кормой. Старик кивнул головой, приглашая Коломбу подняться по спущенному трапу. Двое молодцов подхватили под мышки длинное сухое тело Человека с Отстреленным Ухом.

И первым, что увидела женщина на борту каракки, было круглое самодовольное лицо с маленькими хитрыми глазками.

– Буэно, Хорхито, вот остальные деньги, – крикнул он, перегнувшись через борт, вложил глухо звякнувший кошелек в ладонь одному из молчаливых мужчин и только после этого обернулся к Коломбе.

– Рад видеть вас снова, госпожа графиня. Я слышал, вы собирались постричься в монастырь? Сожалею, но с этим придется повременить. Ближайшее время вы будете гостьей на моем корабле. Впрочем, здесь есть священник, и служат мессу.

– Перейра, – прошептала женщина, глядя в маленькие, жадные глазки, и неожиданно почувствовала знакомую слабость.

Болезнь, которая почти оставила ее в последнее время, нахлынула снова, отобрав силы как раз в тот момент, когда они были нужнее всего. Женщина закусил губу, но вскрик-стон вырвался наружу, и, обхватив себя за дрожащие плечи, она опустилась на палубу, теряя сознание.

* * *

Каким именем его крестили, он и сам не знал. Ферье звал его «Ухо», а госпожа Коломба вообще не называла по имени.

От ран, полученных в ту страшную ночь, он должен был умереть, но жизнь сидела в нем крепко, словно пришитая. Он стучал зубами в ознобе, метался в горячке, стонал и бредил, но жил, раз за разом побеждая боль и слабость, и, постепенно, жизнь брала верх.

Он лежал на неудобной койке, подвешенной к потолку в каморке без окон, которую, видимо, использовали как кладовку. Воздух здесь был тяжелым и густым. Он часто облизывал сухие губы, страдая от жажды и пытаясь совладеть с непослушным телом. Потом приходил толстый добродушный человек с необъятным животом и короткими, ловкими пальцами осторожно снимал повязки. С озабоченным видом нюхал окровавленные тряпки, удовлетворенно хмыкал, опять перевязывал и, не говоря ни слова, уходил.

Однажды утром Человек с Отстреленным Ухом проснулся с давно забытым ощущением легкости. Он дышал полной грудью и не испытывал боли. «Ухо» попытался сесть, но от внезапной слабости потемнело в глазах, и он едва не свалился на пол. Стрельнуло в боку, все тело опоясало резкой болью, и на белой повязке возникла красная точка, быстро расплывшаяся липким пятном.

– Не торопись, Ухо, – бормотнул он, вчуже удивляясь своему сиплому голосу. – Не торопись. Все твое будет. Нужно узнать, куда тебя занесло. А! Вот и доктор. Вы ведь доктор?

Вошедший человек серьезно кивнул, разглядывая его так, словно за ночь Ухо обзавелся парочкой рогов.

– Наверно, стоило вас привязать, – изрек он, наконец, – и, пожалуй, я так и сделаю.

– Не стоит. Я уже понял, что мне нельзя шевелиться, – торопливо произнес Человек с Отстреленным Ухом.

Пока доктор менял повязки, он молчал, собираясь с мыслями и подыскивая слова. И одновременно приглядывался к человеку, который колдовал над ним вдумчиво и отстраненно. Доктор был далеко не молод, сед, слегка плешив и толст. Мягкие светлые глаза смотрели из-под густых бровей спокойно и пронизательно. Он был далеко не глуп. Вероятно, не был он и жесток, раз избрал такую профессию. Кем приходился ему Перейра? Просто хозяином? Спаси Бог, если другом или родственником... Доктор был его единственной надеждой.

Он быстро закончил перевязку, собрал в миску окровавленные тряпки и двинулся к выходу, ступая спокойно и уверенно, как человек, привыкший к качке.

– Доктор!

Также неторопливо он обернулся.

– Я могу видеть госпожу Коломбу?

Доктор покачал головой.

– Вряд ли это возможно. По крайней мере, в ближайшее время.

– Почему? Тот, кто нас захватил, против моей встречи с госпожой?

Несколько долгих мгновений доктор вглядывался в лицо Человека с Отстреленным Ухом, словно пытался проникнуть в его мысли. Потом вернулся, поставил свою миску на жесткий стул рядом с подвесной койкой и мягко произнес:

– Вы заблуждаетесь. Вас никто не захватывал. И не собирается удерживать здесь силой. Произошло печальное недоразумение, в котором виновны вы сами. Если бы вы не набросились со шпагой на слуг дон Перейры, то не лежали бы сейчас, прикованным к постели, а наслаждались бы прекрасным обедом с отличным вином в каюте капитана.

– Значит, я не пленник? – уточнил Человек с Отстреленным Ухом.

– Ни в коем случае. Дон Перейра – не бандит. Он законопослушный подданный короля Филиппа и примерный сын нашей матери-церкви. Вы – пленник только своего недуга.

Ухо хмыкнул. Он не поверил ни одному слову, но уточнять не стал, решив, что время еще будет.

– Отчего мне нельзя видеть госпожу? – спросил он.

– Оттого, что она больна, – просто ответил доктор, и в его низком голосе проскользнула тревога. – Она была сильно потрясена, простудилась в дороге, долго кашляла и сейчас слегла.

В этих словах, в безликом, отстраненном сочувствии было что-то настолько гнетущее, что Ухо ощутил холод. И быстро спросил, пытаясь удержать взгляд светлых глаз.

– Она ведь поправится?

– На все воля Господа, – доктор пожал плечами, – ну и немного, совсем немного, моя. Думаю, что на этот раз она встанет. Не знаю, насколько скоро, но, поверьте, дон Перейра желает этого так же сильно, как и вы. Госпожа графиня – его невеста.

Если бы под низким потолком кладовки прогремел грозовой разряд, он не смог бы встряхнуть Ухо сильнее.

– Невеста? – повторил он, всматриваясь в мягкое лицо доктора. – Вы, я надеюсь, шутите?

Ответом ему был такой же пристальный удивленный взгляд. Доктор сделал еще шаг, не глядя, подвинул второй стул и сел рядом с койкой раненого.

– Вы удивлены? Даже возмущены? Но чем? Госпожа Коломба сказала, что вы – ее слуга, но по вашим вопросам и вашему тону я понял, что вы – больше, чем слуга. Кто вы? Как вас зовут? И что вы имеете против брака двух одиноких людей, дворян и католиков?

Ухо невольно фыркнул.

– Простите, доктор, но вы произнесли это так, словно и вправду нет ничего особенного в том, что жених – дворянин и католик – подкупает банду грабителей и конокрадов, чтоб сосватать себе невесту – католичку и дворянку. И делает это темной ночью, расстреляв из пистолетов сторожевых собак и выломав двери.

– Что вы несете? – привстал доктор.

– А вы этого не знали?

– Я вам не верю, – проговорил доктор после продолжительного молчания.

– Разумеется. Ведь я всего лишь слуга. Но если те же слова вам повторит госпожа Коломба, дворянка и католичка? А она их повторит. Она не умеет лгать.

– Зачем вы все это говорите? – с несчастным видом спросил доктор. – Вы что-то хотите от меня?

– Пока немного, – ответил Ухо и легко улыбнулся, – будьте рядом с госпожой,

успокойте ее, станьте ей другом. Ей нужна ваша помощь. И постарайтесь понять, кто такой дон Перейра. Он – скверный человек. И не слишком хороший католик.

Доктор слушал отстраненно, но с последними словами Уха вскинул голову.

– Это обвинение, по меньшей мере...

– Справедливо, – закончил Ухо. – Подумайте сами, разве примерный сын нашей матери-церкви станет силой тащить под венец женщину, уже обещавшую себя Богу?

Доктор промолчал. Ничего не добавил и Ухо, хотя его так и подмывало задать еще один вопрос. Если он не пленник, почему его запирают снаружи?

* * *

Быстрое прикосновение к плечу выдернуло из плена воспоминаний ту, что ныне отзывалась на имя Франческа. Она испуганно обернулась, но, увидев, кто нарушил ее уединение, вздохнула с явным облегчением.

Матроса, который так дерзко потревожил гостью дона Анхиле, можно было спутать с испанцем лишь темной ночью, да и то сослепу. Светлая кожа, крупные черты лица, седые волосы, старательно запрятанные под темную косынку так, чтобы скрыть левое ухо. А точнее – его отсутствие.

– Тебе удалось что-нибудь узнать? – шепотом спросила Коломба, нервно оглядываясь.

– Только то, что мы знали и раньше. Хуан де Вальдоре действительно погиб. Но не во время схватки с флибустьерами. Его убила женщина! Англичанка. Вероятно, его способ ухаживания показался ей слишком грубым.

Матрос дернул уголком губ. У него это означало улыбку.

– Она еретичка и совершила смертный грех, но я готова назвать ее сестрой, – проговорила Коломба, – если, конечно, она не сочтет это оскорблением.

– Она мертва.

Человек с Отстреленным Ухом (его настоящего имени она так и не узнала) произнес это бесцветным голосом, но Коломба вздрогнула.

– Как это случилось?

– Ее привязали к доске и бросили в море, – так же ровно ответил матрос.

– Кто это сделал? – сдавленным голосом спросила женщина.

– Наш ласковый капитан. Дон Анхиле. Он был помощником на «Сан-Фелипе». Вероятно, за этот блестящий подвиг он и получил капитанство.

– Я запомню это, – произнесла Коломба так же бесстрастно, и теперь уже у Уха вдоль позвоночника пробежали мурашки.

Он не обманывался на счет этой спокойной и набожной женщины. Он хорошо знал и ее и того, чья кровь текла в ее жилах. Членов этой семьи не стоило делать своими врагами.

– Вы уже говорили с капитаном о смене курса? – спросил Ухо. – Вы взволнованы.

– Нет... Но у меня есть причина для волнения.

– Что-нибудь случилось? Этот палач, вообразивший себя капитаном, что-то заподозрил?

– Он глуп, – женщина презрительно дернула узким плечом, – он ничего не заподозрит даже тогда, когда над этим проклятым миром протрубит казнящий ангел. Дело не в этом. Скажи, ты узнал того, кто сидит на цепи у грота?

– Рыжий, – уточнил Ухо, – капитан Харди Мак-Кент.

– Он спас нам жизнь, когда Перейра выкинул нас за борт, в старой шлюпке, почти без запасов еды и воды...

* * *

...Она это помнила. Слишком хорошо, слишком подробно. Господь учил прощать, и она искренне пыталась простить. И иногда ей даже казалось, что получается...

Каюта, которую отвели для нее на корабле Луиса де Перейры, была немногим лучше кладовки. Узкая, жесткая койка, низкий столик со старым, позеленевшим от времени подсвечником, маленькое окно с мутным стеклом, за которым лежало плоское, вздрагивающее море. В изголовье было прибито простенькое деревянное распятие.

Перейру она видела нечасто. Он не давал себе труда ухаживать за своей невестой. А вот корабельный врач навещал ее почти каждый день. Обычно он входил к ней тихонько, ласково улыбался и говорил мягко, с наигранной бодростью, что все в порядке, сегодня она выглядит лучше и скоро встанет. Коломба благодарно кивала, через силу улыбалась в ответ и не верила ни единому слову. Она не сомневалась, что скоро умрет, и ждала смерть без радости, но и без страха.

День, который так ярко припомнился ей теперь, начался странно. Она еще спала, но стук в дверь разбудил ее, и она сделала попытку подняться. Последние две недели она очень плохо ела и сильно ослабла. Голова кружилась, и Коломба не сразу расслышала, что говорит ей доктор.

– Хорошие новости, – произнес он, усаживаясь у изголовья. – Ваш слуга встал сегодня. Он совсем поправился.

Доктор произнес это так, словно в этой простой фразе было какое-то скрытое значение, которое ей следовало понять.

– Я очень рада, – произнесла она медленно, взвешивая каждое слово, – надеюсь, отцу Гильермо сказали, чтобы он вознес благодарственную молитву Господу?

– Вы сами вознесете все молитвы, госпожа графиня... когда будете далеко отсюда, – ответил доктор и скривился, – заодно помолитесь и о старом глупце Доминго, которого ваш слуга втянул в авантюру.

Коломба встрепенулась и недоверчиво взглядела в широкое, добродушное, но сейчас, пожалуй, слишком взволнованное лицо.

– Я... не понимаю, объяснитесь?

– Сейчас поймете.

Доктор повел себя странно. Он зажег свечу, хотя в комнате было светло, наклонил, подобрал каплю воска толстым пальцем.

– Закройте глаза. И, не вертите головой, ради Бога.

– Зачем? – удивилась Коломба, но подчинилась.

– Затем, – невразумительно буркнул доктор. – Лежите здесь. Не вздумайте вставать. Не трогайте лицо.

– Но что это значит? – вскинулась вслед Коломба.

– Это значит, госпожа графиня, что вы опасно больны. И болезнь – заразна. Вы поняли меня?

Дождавшись ее изумленного кивка, доктор вышел, плотно прикрыв дверь, а она в крайнем волнении поднялась и села. Ее и в самом деле начинало лихорадить.

Хозяин каракки по обыкновению пребывал в скверном расположении духа, и беспокоить его было не принято. В то утро он пытался заставить своего большого, желто-зеленого попугая выучить очередную здравицу королю и папе и, подняв голову от клетки, взглянул на доктора в крайнем неудовольствии.

– В чем дело, Доминго? У тебя такой вид, будто на носу пожар, в трюме течь, а на палубе бунт.

– Вы почти угадали, дон Луис, – флегматично ответил доктор, – я хотел поговорить с вами насчет госпожи графини де Сильва.

– Скоро поднимется эта невозможная женщина? – Перейра шагнул вперед и поморщился от досады. – Она не столько больна, сколько пытается меня разозлить. Я не мальчик и не стану ждать этой свадьбы десять лет.

– Боюсь, дон Луис, вам придется забыть о свадьбе с госпожой де Кастильяно, а ей вообще забыть о свадьбе с кем бы то ни было. Равно как и о монастыре.

– В чем дело? – сдавленно рыкнул Перейра. – Что еще вам наболтала эта глупая

женщина?

Он шагнул к выходу, почти оттолкнув доктора, и уже взялся за ручку двери, когда в спину ему ударил возглас:

– К ней нельзя!

Перейра резко обернулся.

– Это еще что за новости? Вы будете мне указывать на моем собственном корабле, куда я могу ходить, а куда нет?

– Да, если этого требует здоровье вашей милости, – ответил доктор.

Перейра замер. Медленно обернулся и внимательно посмотрел на своего корабельного врача.

– Вы можете посмотреть сквозь приоткрытую дверь, – проговорил доктор, – только, умоляю вас, не заходите внутрь. Это опасно.

В два шага Перейра пересек короткий коридор и, оказавшись у массивной двери, приоткрыл ее ровно настолько, чтоб сунуть туда нос. Коломба лежала неподвижно. То ли спала, то ли была без сознания.

– Посмотрите на ее лицо, – выдохнул доктор прямо в ухо Перейре. Тот присмотрелся... и ощутил внезапный холод в желудке.

– Что это? – шепотом спросил он.

– Лепра, – непонятно и страшно ответил доктор.

– Дьявол, – выругался Перейра. – Ты можешь сказать по-испански, что с ней?

Доктор решительно отстранил Перейру от двери, осторожно прикрыл ее и произнес с убийственным спокойствием:

– У нее проказа, дон Луис. Госпожу графиню придется снять с корабля в ближайшем порту.

– Какой порт? – холодея уже до кончиков пяток, прошептал Перейра. – Ты что, спятил, Доминго? Это же проказа! – Внезапно свистящий шепот сорвался на крик. – За борт ее! Немедленно за борт эту портовую девку! Где она могла заразиться!

– ДОН ЛУИС! – в ужасе прошептал доктор.

– Я сказал – за борт! – взвизгнул Перейра, не слушая доктора, даже не видя его перед собой.

– Только со мной.

Голос прозвучал совсем рядом и был на удивление невозмутимым. Перейра повернулся на плохо гнущихся ногах. В проходе стоял тот самый одноухий, которого приволокли на каракку скорее мертвого, чем живого.

Сейчас «мертвец» стоял, загораживая выход. Он держался на ногах вполне твердо и смотрел на Перейру холодным цепким взглядом, от которого дону Луису стало не по себе.

– Что значит «с тобой»? – переспросил он.

– За борт «со мной». В крепкой шлюпке, с запасом воды и пищи. И теплым одеялом, – так же холодно уточнил Человек с Отстреленным Ухом.

– Убирайся вон, – огрызнулся Перейра. – Тебя ждет виселица. Кто его выпустил?

– Тише, – Человек с Отстреленным Ухом быстро шагнул к Перейре и взял его за воротник бархатного камзола.

– Я сам себя выпустил. А теперь, друг мой, молчи и слушай. Тебе придется не только стерпеть, что я ставлю условия, но и выполнить их. И я тебе скажу – почему. На твоём корабле кроме меня никто не прикоснется к госпоже. Никто! В здешних водах плавают отчаянные люди, но даже сам Генри Морган не стал бы заигрывать с проказой. Я понятно объяснил? Эй, приятель, у тебя от страха мозги отшибло или только язык?

– Ты не трогал ее, Доминго? – просипел Перейра, даже не пытаясь разомкнуть железную хватку Человека с Отстреленным Ухом.

* * *

Колокол на баке, отбивший четыре склянки, встряхнул ее и отогнал непрощенные воспоминания. Долой их.

Коломбы де Кастильяно больше нет. Есть прима итальянской оперы Франческа Колонна, у которой важное дело в этих страшных водах. И если ей удастся его сделать, она, наконец, исполнит свою давнюю мечту и, возможно, обретет покой там, куда ни один демон прошлого не рискнет последовать за ней. В монастыре святой Терезии.

– Сударыня, все готово. Лодки будут после шести склянок, – худой жилистый матрос наклонил седую голову и указал рукой за борт.

– Благодарю, – тихо ответила Франческа, тронув своей тонкой рукой плечо матроса. Он осторожно коснулся ее губами.

– А где наш второй «верный католик»? – спросила она.

Ухо так же молча указал на дверь капитанской каюты. Франческа кивнула.

– Хорошо. Иди и сделай все так, как я тебя просила.

Она торопливо отошла. Странно, что на корвете никто до сих пор не заметил странной «дружбы» синьорины Франчески и нового матроса. Но эта странность была ей на руку. Как и присутствие Харди. Бог был на ее стороне.

Еще немного терпения. Терпение! Она стало ее второй натурой. Все эти десять лет она терпела и ждала...

Спустя некоторое время женская фигура замерла в ожидании у капитанской каюты. Раздался звук склянок. «Три, четыре, пять», – ее сердце четко отмеряло удары. Женщине казалось, что только они сейчас слышны во внезапно наступившей тишине. «Шесть», – разнеслось над корветом. Звук последнего удара долго плыл в воздухе и затих где-то высоко у мачт. Мирную тишину судна внезапно нарушил топот команды, которая, как по волшебству высыпала на палубу. Впереди, нелепо размахивая руками, бежал Ухо. Со стороны города к ним приближались лодки маркитантов. Единственная радость матросов. Только у них можно было получить свежее мясо, фрукты и, конечно, вино. Лучшее вино на всем побережье. Дверь каюты приоткрылась.

– Ах! – воскликнула Франческа, – извините меня, сеньор капитан. Я не знала, что вы заняты.

– Ваши оправдания ни к чему, донья Франческа, – ответил капитан, вставая из-за стола; придерживая шпагу, дон Анхиле подошел к женщине. – Мне неловко просить вас, но вам лучше уйти, сударыня. Как только я закончу разговор с этим сеньором, – он указал на человека, сидевшего на коротком табурете возле стола, – я выслушаю вас.

Франческа перевела взгляд с капитана на человека у стола. Ее карие глаза улыбнулись ему и вернулись к дону Анхиле.

– Вы знаете, сеньор капитан, – возразила она, – я имею на этот счет свое мнение.

– Как вам будет угодно, – нетерпеливо отмахнулся испанец, – а сейчас, прошу, оставьте нас.

– Боюсь, вы не поняли меня, дон Анхиле. Оставить нас придется именно вам.

– Что?!

Капитан вперился взглядом в потемневшие карие глаза, и, не выдержав их жуткого, мертвого холода, опустил взгляд. Маленькое дуло дамского пистолета тонкой французской работы смотрело прямо в сердце капитана...

* * *

Ухо шатающейся походкой подошел к часовому.

– А ты здесь чего торчишь? Ребята там развлекаются, – он топнул по палубе ногой.

С нижнего дека доносились пьяные возгласы вперемешку со звоном посуды.

– К дьяволу этих англичан. Никуда они не денутся, – Ухо толкнул ногой спящего Харди.

Тот шевельнулся. Цепь звякнула.

– Эй, приятель, ты никуда не уйдешь? Пока нас не будет?

Харди мрачно выругался и отвернулся.

– Ты прав, клянусь Богом, – согласился часовой и бодро направился к люку.

Подобным же способом ловкий Ухо отправил вниз еще двоих часовых, но с третьим вышла заминка. Видно, старый солдат четко знал устав. Он лишь мотнул головой, такой же белой, как голова Уха, и отвернулся. Лезвие тускло блеснуло и резко погрузилось в живую плоть. Испанец обмяк и повалился на борт. Ухо ловко перекинул еще дергающееся тело, и оно скрылось в зеленоватой воде. Море всегда надежно скрывало человеческие тайны.

– Вы свободны, сеньор, – сказал он, размыкая массивный замок на тяжелой цепи.

– А как же наш милый граф? – спросил Мак-Кент, с удовольствием разминая затекшие конечности.

Ухо с удивлением взглянул на шотландца.

– На его счет у меня нет никаких распоряжений.

– Ну что ж, – ответил Харди, – на нет и суда нет.

– Господа! – недоверчиво вскинулся молодой граф, – вы же не оставите меня здесь?

Харди остановился. Проглотив свою гордость, Эльсвик проговорил.

– Прошу вас, Харди! Я неплохо владею рапирой.

– Послушай, любезный, отцепи ты его от мачты, – бросил Харди, – а то ведь до ночи выть не перестанет.

Ухо холодным взглядом окинул шотландца.

– Давай, дружище. Нам чертовски пригодится еще одна шпага.

Пьяная команда была надежно заперта в трюме, что, впрочем, в данный момент им было абсолютно безразлично. На шканцах «Долорес» стояли угрюмые офицеры во главе с доном Анхиле. Харди Мак-Кент прохаживался мимо и на безобразном испанском давал инструкции.

– Вы, сеньор? – спросил Харди.

– Лейтенант Минтос.

– Отлично, лейтенант. Возьмите с собой вот этого, – Мак-Кент указал на полного испанца, – и поставите бушприт.

Офицеры, под смех Дика, который небрежно поигрывал ручной бомбой, поплелись выполнять приказание.

– А кто вы, сеньор? Хотя, постойте, я вас узнаю. Вы – капитан, дон Анхиле.

Идальго утвердительно кивнул головой.

– Ну а вас, как лучшего среди лучших, – Харди игриво улыбнулся, наслаждаясь потерянным видом своей новой «команды», – мы отправим на самый ответственный пост.

– Постойте! – женский голос позади них прозвучал повелительно.

Рядом мгновенно возник Ухо. Харди подошел к Франческе.

– Сударыня, у вас есть свои виды на нашего гостеприимного капитана?

– Может быть, – уклончиво ответила Франческа.

– Позвольте мне, госпожа, – чуть слышно произнес Ухо.

– Я хочу...

Он только и ждал этого слова «хочу», а дальше он знал и так.

– К доске?

– Да, – выдавила Франческа после недолгой внутренней борьбы.

Ухо одним прыжком оказался возле капитана. Дон Анхиле не успел сообразить, в чем дело, когда острый нож разорвал его черный с золотом офицерский костюм, окрасив сукно благородной кровью.

– Я добрее, чем ты, – тихо произнес Ухо, – бедная девушка была лишена такого блага, как быстрая смерть от акульих зубов.

Доска была наготове. Ухо сбил с ног ошеломленного капитана и крепко прикрутил к доске.

– А ну-ка, берите своего капитана и бросайте за борт, если не хотите последовать за

ним, римские жабы!

Ухо был страшен в гневе. Никто не посмел ему перечить. Двое офицеров выполнили приказ, стараясь не смотреть ни на своего капитана, ни на Ухо. Харди незаметно подошел к Франческа и взял ее за локоток.

– Посмотрите, сударыня. Видите плавник? Это акула. Сейчас кровь этого бедняги манит ее к себе. И не пройдет и десяти минут, как от доблестного идалго не останется ни кусочка. Вы, собственно, этого и хотели?

Франческа молча кивнула.

Между тем вокруг жертвы скопилось уже десяток хищных тварей.

– Молись, и не забудь имя той, которую ты погубил, – выкрикнул Ухо, когда самая смелая или же самая голодная акула начала рвать беззащитного дона Анхиле.

– Я не могу видеть это, – Франческа уткнулась лицом в плечо Харди.

На миг ему показалось, что она плачет.

– Нет, я должна это видеть, – произнесла она, выпрямилась и застыла.

И что происходило сейчас в этой душе, смерзшейся, как ледяной ком, знал один лишь Господь. И, возможно, Ухо.

– Надеюсь, вы примете командование корветом на себя, – произнесла она через минуту, бросив последний взгляд на жуткую картину акульего пиршества.

– Вы совершенно правильно надеетесь. Я буду счастлив, – отозвался Харди.

Он отдал пленным испанцам нужные указания, и через пару минут корвет полным гротом взял свежий бриз.

Глава шестая

Ловушка

Карибское море, недалеко от Золотого Острова, июль 1686 года

Ричмонд Кларк был зол, порядком озадачен и, пожалуй, слегка напуган. И если первое видели все, то последнее он скрывал даже от себя. Уже вторую неделю «Морской Конь» гнался за черным бригом Волка. Первый раз вахтенный заметил знакомый силуэт на горизонте к концу третьего дня пути, когда солнечный диск уже основательно откатился к западу, спала жара и меж сине-зеленой морской гладью и голубым простором небес уже разливались томные сиреневые сумерки. Убедившись, что судьба столкнула его именно с приятелем-подельником, Ричмонд приказал прибавить парусов.

– Ставьте все! – рявкнул он со шканцев. – Если будет мало, то снимайте рубахи и крепите к реям. Живее увальни! Чтоб вас...

Сумерки сгустились. В небе разлилось серебряное сияние. От воды к самому борту шхуны пробежали яркие бело-золотые дорожки, а восток, куда так пристально вглядывался капитан, потонул в чернильной мути.

Темнота, быстро пленившая шхуну, слегка отступила, когда зажгли фонари. В их мечущемся, неверном свете тени были длинными, матросы стали похожи на негров, а лунная ладья налилась золотом.

Ричмонд еще долго стоял на полуюте, облокотившись на перила, и всматривался вдаль, хотя уже ничего нельзя было различить в изменившемся мире.

Его разбудили с рассветом. Выбравшись на палубу, сонный, небритый, в накинутом наспех бордовом камзоле, Ричмонд сразу понял, что встревожило моряков. Море было девственно чистым на все четыре стороны света.

«Иду за золотом. Догоняй», – вспомнил Ричмонд. И оскаленная волчья голова вместо подписи. Капитан выругался и захлопнул подозрную трубу.

Через три дня история повторилась в точности. Всю ночь «Морской конь» гнался за «Королевой Марией», а к утру черный двухмачтовый бриг растаял, как «Летучий голландец».

Волк играл. Дерзко. Упрямо. Жестоко. Ричмонд не мог разгадать его маневров, не

понимал, какую цель он преследует, и от этого злился еще сильнее.

Ричмонд заслужил свою репутацию лихого и удачливого корсара. В его команду шли охотно и, обычно, не жалели об этом. Обладая быстрым умом и выдержкой, он выходил победителем из схваток с испанскими сторожевыми корветами, а его дерзкие налеты на поселения сделали ему страшноватое, но громкое имя. Он неплохо знал тактику морских сражений, что бы там не говорил Волк, и, не без основания полагал, что даст сто очков вперед любому, кроме, быть может, старинного знакомого-неприятеля Джеймса Рика, капитана шестнадцатипушечной «Фортуны».

Даже самому себе Ричмонд не признавался, что его смущают странные маневры полуграмотного Волка. Он не понимал их смысла, и это раздражало его все больше и больше, пока, наконец, не стало навязчивой идеей.

И вот, две недели спустя этот «корабль-призрак» снова маячил на горизонте. Первый солнечный луч ласково скользнул по морской глади и, отразившись от воды, осветил оба корабля с безжизненно повисшими парусами. Штиль. Полный штиль. Солнце лениво вставало из-за горизонта, постепенно заполняя светом мир божий. В косых лучах восходящего светила черный бриг Волка казался еще более зловещим. Джонс – помощник капитана, стоя на баке, внимательно разглядывал в подзорную трубу неуловимую «Королеву Марию».

– Ты в нем дырку просмотришь, – раздался за его спиной раздраженный голос Кларка.

– Хорошо бы побольше, – не отрываясь от линз, ответил Джонс.

Робкое дыхание моря колыхнуло громаду парусов.

– Наконец-то! – сквозь зубы процедил Ричмонд, – теперь ему от нас не уйти.

Свежий вест рванул паруса. Мачта накренилась, натягивая такелаж, и шхуна, вздрогнув, начала разгон.

– Похоже, они разворачиваются, – все еще не расставаясь с трубой, изрек Джонс.

– Похоже, не похоже, дай сюда! – капитан выхватил подзорную трубу у помощника.

– Интересно. Они действительно разворачиваются.

Бриг медленно, как бы нехотя стал разворачиваться по кругу, подставляя шхуне свой левый борт. Солнце поднималось все выше.

– Джонс, командуй разворот, – приказал вдруг Ричмонд изменившимся голосом.

– Куда?

– К черту, к дьяволу, куда хочешь, только побыстрее.

Ричмонд оторвался от трубы и облокотился на фальшборт. По его лицу пробежала кривая ухмылка. Капитан посмотрел на помощника и разразился сумасшедшим смехом.

– Мы с тобой пара идиотов, – немного успокоившись, произнес он. – Но тебе-то еще простительно, а чтобы какой-то полуграмотный разбойник одурачил офицера королевского флота...

– Бывшего офицера, – негромко бросил Джонс.

– Пусть даже бывшего... А ты-то чего веселишься? На, полюбуйся!

Джонс взял подзорную трубу, направил ее на черный бриг и...

– Проклятье! – выдавил он. – Решительно, это самый несчастный день во всем этом несчастном плавании. Ну, откуда его черти вынесли, хотел бы я знать!

Бриг, который в обманчивом свете восходящего солнца показался им черным, обрел свой истинный цвет. Ошибка исключалась. Второго «бронзового» брига не было в этих водах. А второй «Фортуны» не было вообще... нигде... никогда!

– Ловкий парень этот Волк, – неожиданно произнес Кларк.

В ответ помощник угрюмо замычал.

– Видимо, он решил, что делить со мной клад Ферье немного накладно, и поэтому вывел «Морского коня» прямо на Рика. Черт бы побрал Рика. Черт бы побрал Волка. Черт бы побрал их обоих, вместе, или по отдельности, это мне без разницы, – он сделал пару шагов взад-вперед и уставился на батарею. – Сейчас бы пару хороших канониров...

– А где их взять-то? – отозвался Джонс, – разве что у Рика одолжить.

– Заткнись, – огрызнулся Кларк, – ступай лучше, подними людей.

Джонс отпрянул, развернулся и ринулся по лестнице вниз. Тотчас на корабле началась суматоха. Свистела дудка, матросы поспешно выстраивались, чтобы выполнить команду капитана, наверху растягивали сети...

Джонс возник снова. На этот раз за его спиной маячил хмурый Хоупт, хромой канонир Дасти и гигант О'Мара. Ладонь великана красноречиво лежала на рукояти абордажного палаша и лицо, так же, как лица остальных не предвещали Ричмонду ничего хорошего. Капитан обвел настороженным взглядом всю «делегацию».

– В чем дело, Джонс? Эти трое забыли, где их места?

– Видишь ли, Ричи, – хмуро отозвался тот, не глядя на своего капитана, – Рик просигналил, что отпустит «Морского коня» с Богом, если ты...

– Понятно, – голос Ричмонда снова зазвучал спокойно и зловеще. – Все это очень благородно, но я не собираюсь устраивать здесь рыцарский турнир. Не то место и не то время.

– Боюсь, Ричи, ребята правы, – еще спокойнее произнес Джонс, – нам не выдержать боя с «Фортуной».

Ричмонд вскинул подбородок и язвительно рассмеялся:

– Хороши! Вся команда, как на подбор, старые пугливые бабы. Можно подумать, что он и впрямь сам Люцифер. И чья же это была идея прийти сюда?

Хоупт помрачнел еще больше.

– Идея моя, капитан. И, боюсь, это единственный выход.

Решение родилось в доли секунды. Ричмонд выдернул левой рукой заряженный пистолет и, не колеблясь, спустил курок. Матрос рухнул на палубу лицом вниз, вздрогнул, шевельнул ногами и затих. А Ричмонд уже стоял, расставив ноги, и второй пистолет глядел прямо в шишковатый лоб верного Джонса.

– Эту падаль вздернуть на рее, – тихо и так же зловеще скомандовал Ричмонд, указывая на труп Хоупта. – И больше никаких дискуссий. Пушечные порты не задраивать. На сигналы не отвечать. Сидеть тихо. Не стрелять, что бы ни вытворял этот бес! Даже если «Фортуна» подойдет вплотную. Вы поняли, дети горя? Первый, кто сунется к пушкам, отправится догонять Хоупта.

– Тогда он расстреляет нас в упор... – пробормотал Джонс.

– Джеймс Рик? Да никогда в жизни! – Ричмонд пожал плечами и заметно расслабился. – В прошлый раз я свалил дурака, выпалив из пушек по «Фортуне». Я дал Рiku отличный повод напасть, не нарушая законы Берегового Братства. Больше я этой глупости не повторю. Будьте уверены, он не станет стрелять первым.

Возможно, предположение Ричмонда было чересчур оптимистичным, но прошла минута, другая... Пушки молчали. Джонс снова решился подать голос:

– Может быть, если он действительно не собирается стрелять, поставить все что можно, на разворот, да ходу?

– Куда? – холодно осведомился Ричмонд. – На Золотой остров? Или прямо к Испанскому Мэйну? А может, в Англию? Оторваться от него мы не сможем. Взгляни, как легко он скользит. С нашим днищем, обросшим ракушками...

– Но если он не собирается стрелять... Пусть себе тащится на хвосте.

– Ты идиот, Джонс. Ты тоже хочешь сыграть в «Мэри и овечку». Попробуй. Пушки «Фортуны» в одно мгновение разнесут бушприт, чтобы поубавить тебе прыти. Рик не станет топить «Морского коня», но и не отпустит. Впрочем... Попробовать можно.

– Хм, – озадаченно хмыкнул Джонс, – хотел бы я знать, чем все это закончится.

– Я не прорицатель, – Ричмонд пожал плечами и засунул, наконец, пистолет за пояс. – Он попытается взять нас на испуг. Ничего другого ему не остается. Но мы еще посмотрим, у кого нервы крепче.

Шестьдесят пар глаз, или около того, напряженно наблюдали за «бронзовым» бригам. К этому времени уже совсем рассвело, и «Фортуна» предстала во всей своей красе –

шестнадцать пушек! И к каждому из них (на «Морском Коне» знали это) был приставлен канонир, не знающий промаха. А еще они знали, что Рик стреляет почти золотом – стальными ядрами. «Фортуна» резала водную гладь, как острая бритва, и пенный след в кильватере был похож на разверзшуюся щель.

На шхуне убавили парусов, так что штурману «Фортуны» не составило особого труда поравняться с ней.

«Бронзовый» бриг лег на параллельный курс. Два судна шли рядом, почти на расстоянии пушечного выстрела, как старые добрые друзья. Ричмонд Кларк пожирал противника глазами, и сердце его безумно колотилось. Его старый «приятель» Рик занял удобную позицию. Орудия «Фортуны» бьют дальше, и значит, начнись сейчас бой, стволы «Морского коня» не доплюнут до врага свои ядра. Это было обидно... Да, пушки «Фортуны» были мощнее орудий шхуны и при желании Рик мог дать увесистый бортовой залп. Расстояние между ними позволяло ему сделать это совершенно безнаказанно. «Будь я на его месте, я обязательно так бы и сделал», – подумал Джонс, раскуривая трубку.

Его размышления прервал выстрел. Джонс инстинктивно вжал голову в плечи, ожидая удара, но ничего не произошло. Рик и не пытался попасть в шхуну. Это был выстрел «под ветер». Приказ лечь в дрейф.

– Джонс, курс прежний, – произнес Ричмонд. – Если хочешь – можешь прибавить парусов и попытаться уйти. Но я не советую. Впрочем, делай что хочешь, только не подходи к пушкам.

Боцманская дудка звучно сыграла «апель», и матросы, как прыткие обезьяны, стали взбираться по вантам. Ровный брамсельный ветер был как нельзя кстати.

– Ставьте брамселя, – прокричал Джонс.

Увеличив объем парусов, шхуна вырвалась вперед. Получив преимущество, «Морской конь» сделал поворот бакштаг и стал на ветер. «Фортуна» шла галфвиндом, затем, сделав галс, оказалась у кормы «Морского коня».

И некоторое время пушки правого борта брига жадно смотрели на удаляющуюся корму шхуны. Но выстрелов опять не последовало. На брига поставили брамселя и «Фортуна» легла на другой галс. Джонс шагнул к капитану.

– Ричи, они нас догоняют.

– Прибавь еще парусов, – посоветовал капитан, не отрывая взгляда от «Фортуны».

– Все... – коротко ответил Джонс.

– Как, «все»? – Ричмонд повернулся к нему с издевательским изумлением. – Да неужели?

Джонс судорожно пожал плечами и указал наверх. Глаза капитана проследили за движением его руки.

– Как есть все!

С холодной усмешкой Ричмонд оглядел мачты при полном парусном вооружении.

– Теперь ты понял, идиот, с кем связался? – проговорил он. – Ты заткнешься и будешь исполнять мои приказы. Или хочешь еще покомандовать? – он снова вытащил пистолет.

Джонс вздрогнул, но Ричмонд протянул его помощнику, держа за ствол.

– Лучше тогда возьми и застрелись. И не путайся под ногами.

– Что я должен делать, Ричи? – Джонс не протянул руки.

– Командуй поворот оверштаг, – ответил капитан.

Вновь засуетились матросы, разворачивая реи. Шхуна послушно стала забирать влево. Почему-то Кларк был уверен, что Рик последует за ним. Но легкая «Фортуна», взяв круто по ветру, легла на правый галс. Корабли разошлись в стороны, и, сделав большой круг, встретились на контркурсах.

– Он должен стрелять, – пробормотал Джонс, вряд ли отдавая себе в этом отчет. – Не может не выстрелить. Это было бы просто глупо...

– Ну, значит, он глуп, – ответил Ричмонд.

«Бронзовый» бриг, немного не доходя, вновь начал разворот. Пушки молчали.

«Фортуна» казалась чем-то нереальным и, одновременно, единственной реальной вещью в мире. Взгляд Ричмонда внезапно приобрел небывалую зоркость. Он видел, или ему казалось, что он видит, пушечные порты, жерла пушек нацеленные прямо в него. Он видел паруса и шкоты, натянутые, как струны. Видел, как карабкаются по вантам матросы, и видел, как на мостике неподвижно стоит, устремив такой же неподвижный взгляд на него, человек. Невысокий, очень спокойный, темный камзол на нем расстегнут, ворот рубахи раскрыт, светлые волосы зачесаны назад. Губы плотно сжаты. И во всей фигуре – неумолимость. Ему даже показалось, что каменно сомкнутые губы разжались на мгновение и произнесли слово. Одно-единственное слово. Это было женское имя. И, несмотря на расстояние, Ричмонд услышал его: «Эдит».

– Земля по левому борту! – раздался над шхуной крик марсового.

Он вернул капитана из небытия. Ричмонд встряхнулся, мотнул головой, провел ладонью по глазам. Воображение сыграло с ним злую шутку. С такого расстояния невозможно было разглядеть Рика, а, тем более, услышать, что он там бормочет. Но капитан мог поклясться, что он это видел.

Из-за горизонта робко выплывало серое облако. Такое воздушное, что, казалось, достаточно легкого дуновения ветерка, чтобы разметать его по лазурному шелку волн.

– Вот он, этот сказочный остров, – тихо произнес Ричмонд. – Золотой остров. Честно говоря, Джонс, я предполагал, что встречу его при совершенно других обстоятельствах.

– Рик взял круче, – заметил Джонс.

«Бронзовый» борт брига плавился в лучах высокого солнца на траверзе шхуны.

– Он отрезает нас от острова, заставляя идти галфвиндом.

– Эй, там, – крикнул Кларк рулевому, – держи полнее и делай полуповорот.

Рулевой исполнил приказ. Паруса шхуны шумно захлопали, как крылья огромной птицы. «Фортуна» неслась наперерез.

– Ему благоприятствует ветер, – пробормотал Джонс.

– И ветер, и дьявол, – ответил Ричмонд.

– Мы не успеем, слишком мало времени...

– Держать полнее, – приказал Ричмонд. – Полный бейдевинд!

Мачты скрипели, готовые выскочить из степсов.

– Ричи, отворачивай. Мы столкнемся, – возбужденно проговорил Джонс.

– И не подумаю...

Шхуна неслась прямо на левый борт брига. Расстояние между ними стремительно сокращалась.

– Ричи, – проговорил Джонс, вытирая о рваную рубаху вспотевшие ладони. Голос его звучал глухо, но решительно. – Мне плевать на Береговое Братство и его законы. Скажу честно – мне плевать даже на карту, которую Люцифер греет у сердца. Еще немного, и он раздавит нас, как яичную скорлупу. Но до этого не дойдет. И знаешь, почему? Я скажу тебе... Потому что раньше все ребята попрыгают за борт, как крысы. И я тоже прыгну. Один хороший бортовой залп, Ричи. И все. С такого расстояния не промажет и слепой, даже если будет стрелять ногами.

– Не скули! – рявкнул Кларк.

Вся команда высыпала на палубу. Пираты впились глазами в надвигающуюся смерть... кто-то быстро забормотал молитву. Первым не выдержали нервы у рулевого. Когда до брига оставалось чуть меньше кабельтова, он сделал крутой поворот. Шхуна резко накренилась, почти коснувшись бортом воды. Кто-то полетел кувырком. В лицо команде дохнул сам ужас. Многие уже подготовились к встрече с Дэви Джонсом, но удачно размещенный балласт вернул шхуне равновесие.

– Кто посмел?! – сдавленно прорычал Ричмонд. – Хотите составить компанию Хоупту?

Они опять оказались отрезанными от острова. Идти пришлось в полветра. «Фортуна» сделала поворот, переменив галс.

– Брасопь фок! – выкрикнул Ричмонд. – Рулевой, держать полнее фордевинд.

«Морской конь» не успел завершить маневр. Зайдя вперед, по курсу шхуны, «Фортуна» снова устремилась наперерез.

– Ричи, он решил нас таранить!

– Да, похоже, Рик вспомнил античность. Наш сосунок-рулевой струсил и отвернул. Фрэнки! – рявкнул он.

На зов явился крепкий матрос с мускулистыми руками и замер в ожидании приказа.

– Заменяй Кэлверта у штурвала. А вот теперь, – зловеще рассмеялся Ричмонд, – мы действительно посмотрим, насколько крепка кишка у нашего друга.

– А если он не отвернет? – нервно спросил помощник.

– А куда он денется? Говорю тебе, он не хочет нас топить. По крайней мере, без повода. Хотел – мы бы все уже кормили рыб.

Джонс покачал головой. Он не поверил, но возражать не посмел. Тело Хоупта, болтавшееся на рее, сработало лучше любого кляпа. «Фортуна» приближалась неумолимо, как судьба. Помощник смотрел на капитана пустыми глазами. И вдруг разразился сумасшедшим смехом. Его тело судорожно вздрагивало, ноги подкосились, и он упал на колени. Кларк влепил ему пару крепких пощечин, но смех не унимался. Джонс повалился на палубу, держась руками за живот.

– Черт с тобой, – с отвращением сплюнул Ричмонд и перевел взгляд на бриг. До него оставалось не больше пяти кабельтовых.

– Отменный ходок! – невольно вырвалось у Кларка, он не сразу заметил, что смех за спиной стих.

Безумный Джонс был уже на батарейной палубе, пытаясь убедить команду в безрассудстве капитана. Перебегая от пушки к пушке, он выкрикивал с истерическим визгом:

– Ричи сошел с ума, сошел с ума. Он погубит себя и нас.

Джонс заглядывал в лица пиратов, пытаясь прочесть одобрение своих слов.

– Вы хотите жить? – спрашивал он у канониров, и не дожидаясь ответа, бормотал: – Раз вы хотите жить – надо стрелять, надо стрелять, надо стрелять...

Он повторял именно эти слова, так как в них сейчас заключалось спасение для шхуны. Так думал Джонс. И не только он. Бриг подошел почти вплотную.

– А-а-а! – что было мочи заорал Джонс, указывая на него рукой.

Инстинкт победил разум и дисциплину. Пираты кинулись к пушкам, и шесть двенадцатифунтовых пушек отскочили назад на таях, изрыгнув смертоносный груз. Едкий дым на мгновение окутал шхуну и, подхваченный порывом ветра, растворился как мираж.

– Есть! Есть! – возликовал Джонс.

Два самых удачливых ядра сбили с «Фортуны» бушприт и гальюнную фигурку.

– Скоты! – взревел Кларк, кидаясь к батарее, заметив в толпе помощника, он выхватил пистолет.

Выстрел слился с грохотом орудий брига. Тяжелые, шестнадцатифунтовые ядра разбили тонкую обшивку «Морского коня» и разметали все живое на батарейной палубе. «Фортуна», взяв круче, обошла шхуну с носа и развернулась, вновь готовая к бою. Одиноким выстрелом с корабля Кларка прозвучал, как поминальный салют. Ядро, жужжа в воздухе, как пчела, ударило в ют брига. «Фортуна» качнуло от дружного залпа и еще пять полновесных ядер точно поразили цель. И два из них прошли насквозь оба борта шхуны. Бизань треснула, накренилась и, таща за собой такелаж, рухнула на палубу, похоронив под собой немало человеческих тел. Третий, добавочный залп превратил красавицу-шхуну в кучу бесформенных обломков. Чуть ниже ватерлинии, прямо по центру, в корпусе зияла огромная дыра размером с андалузского быка. «Морской конь» жадно принимал в свое чрево воды Карибского моря, как будто пытался утолить давно мучившую его жажду, вздрагивал, рвался из последних сил, пытаясь разжать мертвую хватку морских волн, но с каждым разом все больше слабел и сильнее кренился. Наконец, он в последний раз вздрогнул, корма поползла вверх, вода расступилась, и корабль в одно мгновение ушел туда со странным печальным

звук, похожим на стон. В образовавшуюся воронку затянуло обломки рангоута, и море вновь стало гладким и безмятежным, только отошедшие недалеко шлюпки качнула несильная волна. А солнце, меж тем, уже садилось.

Когда матросов подняли на борт «Фортуны», не досчитались многих. И в их числе – капитана «Морского коня» Ричмонда Кларка...

Глава седьмая

Все в сборе!

Карибское море, Золотой остров, июль 1686 года

Разбитый остов шхуны, крепко сжатый зубами рифа, время от времени колотили волны, и он, как живой, гулко и страшно стонал. Море хорошо поработало над кораблем, но Рик узнал его. Как узнал бы лицо друга или врага, обезображенное шрамами. Это был «Стейк», Керби Клейна.

Острые разломы скал и крошево камней надежно скрывали его от любопытных глаз. Впрочем, могло случиться и так, что кто-нибудь такой же ловкий и хитрый выследил его по пути сюда и теперь, посмеиваясь, наблюдал за попытками капитана «Фортуны» произвести разведку. Может, и этот удобный утес, оплетенный устойчивой порослью, давно известен и обжит.

По крайней мере, он на месте корсаров с затонувших кораблей начал бы именно с него. А еще, пожалуй, выставил бы часовых.

Из «гнезда», где устроился Рик, пиратский лагерь был виден как на ладони. Около двух десятков хижин, обнесенных высоким бруствером, черные пятна кострищ... Устроились они умно, так, чтобы в случае необходимости, держать круговую оборону. Пушек Рик не заметил. Очевидно, их не успели снять с разбитой шхуны.

Люди сбились в кучу у перевернутых лодок. Они бешено молотили руками, о чем-то споря, но расстояние было слишком велико, и до Рика долетали лишь неясные отголоски. А послушать такой разговор было бы интересно... Рик колебался недолго. Потом осторожно спустился вниз, погрузился в теплую, всю в солнечных бликах, прозрачную зеленоватую воду и бесшумно поплыл.

* * *

– А что ты хотел? – сплюнул Керби, угрюмо разглядывая «пополнение» и того, кто его привел.

Керби хорошо знал любимчика и собутыльника Ричмонда, его первого помощника в делах не только морских. Знал и не любил. Джонс был трусоват и лишен даже той, весьма усеченной порядочности, которая была принята у «береговых братьев». Сейчас он глядел на него с мрачной усмешкой и прикидывал, когда в эту лысую, шишковатую башку придет мысль, что два командира на один лагерь – это излишняя роскошь. Надо думать, не слишком скоро. К вечеру.

– Он выкинул нас на скалы и показал корму, не потрудившись выдумать даже подобие какого-нибудь объяснения!

– А что ты хотел? – повторил Керби, переводя взгляд с предводителя на обозленную шайку; зрелище мрачных, недовольных собратьев по ремеслу ему не понравилось. – Думаешь, ему стоило оставить вас на борту?

– Законы «берегового братства» обязывают...

– Уймись, – поморщился Керби, – ни один закон не обязывает искать лишние неприятности на свою шею. Оставь он вашу банду на борту, так, пожалуй, сам, в одно прекрасное утро очнулся бы за бортом с хорошим свинцовым шариком в голове или в брюхе. Скажешь, не так?

– По крайней мере, он мог бы не забирать наше оружие, – рявкнул Джонс, который без

своего арсенала чувствовал себя голым и одураченным.

– На его месте я бы забрал... – задумчиво проговорил Керби. – Когда на кону такие ставки, только последний идиот будет играть по правилам. А Рик не идиот. Нет.

– Что ты хочешь сказать? – переспросил Джонс. Ярость его мгновенно стихла, уступив место другому, куда более сильному чувству.

– Тц, тц... – прищелкнул языком Керби Клейн, обводя лагуну повеселевшим взглядом. – На этом острове чертовски трудно умереть от голода, но чертовски легко умереть от любопытства. Особенно парню без оружия.

У Рика не было глаз на затылке, но что-то вроде шестого чувства, безошибочного инстинкта, присущего травленому зверю, заставило его перевернуться в воде и несколько секунд вглядываться в густые заросли на берегу, прижимаясь к скользкому, отполированному прибоем осколку рифа. Ничего он там не увидел, но чувство опасности не оставляло. Рик несколько раз глубоко вздохнул и ушел под воду.

Ричмонда в лагере не было. Видимо, действительно утонул, не успев или не пожелав (с него бы стало) покинуть тонущего «Морского коня». Не обнаружил Рик и Ирис Нортон. А больше искать было негде. Расколотый остов корабля лучше всяких слов говорил о том, как ужасен был шторм, застигший «Стейка» у Золотого острова и забравший в пучину две трети команды. Смешно было надеяться, что женщине повезет там, где гибли сильные и отчаянные «береговые братья». Однако он надеялся, и по тому, как на мгновение сдавило сердце, он понял, как сильно надеялся встретить ее здесь. Рик попытался вспомнить Ирис такой, какой он видел ее в последний раз, на борту «Фортуны» у берегов Санта-Катарины. И не смог. Черты лица расплывались, лишь серые упрямые глаза помнились отчетливо. Образ этой, почти чужой девушки сливался в воображении с другим, любимым и тоже навсегда потерянным. Белое платье. Белый саван. Светлые, летящие по ветру волосы. И неизбывная печаль, которую не смогла стереть с лица даже смерть. А Ричмонд утонул, избежав его мести за нее, за Эдит. И лишил его возможности исполнить давнее обещание... Третье по счету, которое он ей дал. Такое количество неотданных долгов было несколько слишком для человека чести, которым его тут считали.

* * *

Рик почувствовал, что его душит ненависть, мешая плыть, перехватывая дыхание и застилая глаза. Он выбрался на камни, глубоко дыша и отплеываясь, и краем глаза уловил темный силуэт на дрожащей в душном мареве линии горизонта. Рик вытянулся на камне, пытаясь разглядеть корабль.

Он подходил быстро, забирая устойчивый норд-вест всеми парусами. С каждой минутой вырастая, обрисовываясь приземистым и бочковатым силуэтом, характерным для небольшой торговой бригантины. Рик прикинул курс, которым шло неведомое судно, и не поверил. Капитан держал прямо в ту самую бухту «Челюсти», куда из-за коварного подводного рифа попасть было совершенно невозможно (об этом знали все, кто плавал на этих широтах). И где сейчас покачивалась на волне его красавица – «Фортуна». Рик торопливо выбрался на берег, соображая, как скоро он сможет попасть в бухту и успеет ли опередить неизвестную бригантину. На полпути он сообразил, что торопится совершенно напрасно. Если капитан молодой необстрелянный щенок, которого толкает на подвиги юный задор и самоуверенность, он посадит свое судно на риф раньше, чем увидит «Фортуну». А если это опытный капитан, он обогнет челюсти Золотого острова и тем более не заметит «бронзовый» бриг, надежно скрытый нависающими скалами. Однако, осознав этот факт, Рик, вместо того, чтобы остановиться и передохнуть, рванулся вперед изо всех сил.

Солнце медленно и величаво садилось на западе, поджигая облака, когда бригантина «Воскресение Христово» с командой из тридцати человек и двумя пассажирами оказалась у входа в бухту «Челюсти» и, обрасопив паруса, замедлила ход. Риф, действительно, напоминал гигантскую челюсть неведомого чудовища. Острые, хищные разломы могли

смутить кого угодно. Но бригантина уверенно вошла в пролив, и даже быстро сгустившиеся сумерки не смогли скрыть от острых глаз Рика, что...

Рулевой знал фарватер лучше, чем линии собственной ладони. Неуклюжая, пузатая бригантина скользнула меж оскаленных зубов рифа грациозным лебедем и со скромным достоинством вошла в бухту. Через минуту оба якоря, носовой и кормовой, без плеска ушли в воду.

Рик негромко, одобрительно рассмеялся. Тревога его рассеялась. У каждого рулевого свой почерк, и какой бы корабль он не вел: старую шхуну, величественный фрегат, маневренный бриг или эту пузатую калошу – не узнать руку мастера невозможно. Так легко и красиво пройти самый сложный фарватер мог лишь тот, кто делал это десятки раз. Так мог бы пройти его он сам. Или тот, кого он этому научил. Молодой испанский моряк Карлос Диас.

* * *

Согласно неписаным правилам, принятым в здешних водах, первый визит нанести должны были они. И, по возможности, немедленно. Мысленно Ирис вознесла хвалу Этикету, который избавлял ее от колебаний. Шлюпка отошла, когда уже порядком стемнело. Синхронно сгибались-разгибались спины гребцов, и вода, мерцающая в ярком свете взошедшей луны, стекала с весел, как жидкое серебро. Высокая корма «Фортуны» постепенно вырастала, заслоня собой низкое, бархатное небо. Следуя тем же весьма своеобразным правилам вежливости, Карлос де Кастильяно поднялся по трапу первым и, лишь убедившись, что все в порядке, сделал знак Ирис подниматься следом.

Она ступила на палубу, с удивлением чувствуя слабость в ногах и сухость в горле. Странная, несвойственная ей скованность овладела девушкой, и она едва ответила на приветственный возглас вахтенного. Во все глаза смотрела Ирис Нортон на невысокого человека в накинутом на плечи темном камзоле, чьи светлые волосы были зачесаны назад, а зеленые, невозмутимые и спокойные (как она помнила) глаза вперились в нее в безмерном удивлении, граничившем с суеверным страхом. Карлос де Кастильяно ободряюще тронул Ирис за плечо и шагнул вперед, приветствуя прославленного английского флибустьера как старшего по званию, но с изрядной долей дружеской фамильярности. Рик тряхнул головой, прогоняя наваждение, тепло обнял ученика и друга и, наконец, перевел взгляд на Ирис Нортон, похоже, вросшую в палубный настил и позабывшую все светские реверансы. Они встретились глазами... и уже можно было ничего не говорить, просто улыбнуться, взять в ладони узкие плечи и прижать к себе, отогревая, возмещая ей долгие недели страха, тоски и одиночества. Если бы он умел читать в этих серых глазах, которые от неполных своих двадцати лет не обучены были женскому кокетству и ничего не умели скрыть. Но он не смог прочесть этот взгляд. Карибское море – не то место, где часто встречаются такие чистые и искренние женские глаза. И где можно научиться в них разбираться. Он лишь заметил, что она кого-то ищет взглядом, и спросил об этом.

– А где Дэнни? Дэнни Расвен? – ее голос прозвучал почти спокойно.

Возможно, виной был душный день или холодный вечер. А может быть, предыдущая ночь, которую он провел без сна. Простой, совершенно естественный и вполне светский вопрос кольнул в сердце, как игла. И следом, в кильватере, пришло раздражение на эту воскресшую покойницу, которую он почти оплакивал. И которая, как видно, нисколько не нуждалась ни в его защите, ни в его заботах.

– Дэнни повел на Тортугу корабли с... – он взглянул на Карлоса.

– С испанским золотом, – невозмутимо закончил тот. – Люцифер, мы же не страусы. Если я встречу вас на испанской земле, то, скорее всего, повешу. А здесь можете не стесняться.

Ирис похолодела... Но Джеймс Рик лишь рассмеялся, не отводя язвительного взгляда.

– Жаль, что судьба была так жестока к моему штурману. Уверен, эта встреча была бы для него дороже всего золота Нового Света, добытого здесь со времен Колумба. Однако

пройдемте в каюту, ужин уже ждет.

Выбитая из колеи странным тоном и словами Рика Ирис спросила на ходу:

– Действительно?

– Понятия не имею, – легко отозвался Рик, открывая дверь и пропуская их внутрь, где уже ждал их накрытый стол. – Я не вникаю в сердечные тайны Дэнни. Мне показалось, что это прозвучит вежливо.

– Да? – холодно отозвалась девушка и посмотрела на капитана долгим спокойным взглядом.

Волнение исчезло вслед рухнувшей надежде. Что это была за надежда, в чем она заключалась, Ирис не сказала бы и сама. С тем меньшим сожалением она раздавила ее осколки, отдавая дань знаменитой гордости Нортонов.

– У нас с вами разные представления о вежливости. Уже второй раз вы мне грубите совершенно безосновательно. Я подумала, что не заслуживаю этого, но, видимо, у нас разные представления и о заслугах.

– Видимо, да, – кивнул Рик. – Я, например, считаю, что заслужил кое-какие объяснения. Я ведь вас уже, простите, похоронил.

– Это не должно было вас сильно опечалить...

При свете свечей Рик наконец рассмотрел ее лицо. То, которое он накануне не мог вспомнить. Упрямо вздернутый подбородок, совершенно «светская» улыбка, не выражающая никаких чувств, лишь отдающая дань приличию. Такая же обязательная для дамы, как тонкие перчатки. Только с глазами что-то было не то.

– Представьте себе, меня это опечалило, – задумчиво произнес он. – Я, знаете ли, не люблю, когда люди умирают. Особенно те, кто не сделал мне ничего плохого. Ну, кроме сотни-другой мелких и крупных неприятностей, – и раньше, чем она успела подобрать достойный ответ, повернулся к Карлосу.

Ирис снова «уплыла в туман», потеряв нить разговора. Рик сидел в своем любимом кресле, сбросив камзол на спинку и подвернув рукава той самой белой рубашки. Он слушал испанца, повернувшись почти в профиль, и пляшущий огонек свечи отражался, мерцая, в зеленых глазах, глубоких и непостижимых, как море. Он слегка двинул бровями, и мимолетная улыбка скользнула по губам... Ирис обмерла на мгновение. Такой улыбки на лице этого человека она еще не видела. Ей доставались, в основном, горькие и язвительные. В этой тоже была подначка, но иная, дружеская и добродушная. Она прислушалась к мужскому разговору.

– Волк, конечно, был зол, как дьявол. Но пришлось ему все это проглотить, хоть и морщился он, будто поднесли ему сырой артишок прямо с колючками.

Рик негромко рассмеялся и неожиданно обернулся к ней.

– Вы делаете карьеру на Карибах. Имя «Леди со Светлыми Волосами и Парой Пистолетов» начинает приобретать известность, которую люди менее рискованные, чем мы, пожалуй, сочли бы скандальной.

– Ревнуете к славе? – легко осведомилась Ирис.

– Не без этого. Здесь происходит много невероятных вещей, но мне еще не приходилось слышать о захвате судна с призовой командой из женщин и детей.

– Нам повезло, – коротко ответила Ирис, и, наконец, обратила внимание на содержание тарелок и бокалов.

Он не возразил. Задумчиво выбил пальцами дробь по столу. Хмыкнул. Веселость Рика, на две трети напускная, пропала, уступив место беспокойству.

– Точное содержание письма, которое Керби отправил Волку на Тортугу, вам, конечно, неизвестно? – спросил он внезапно.

– Я не смогла его прочитать, – ответила она. – Я знаю лишь то, что сказал мне Керби. Он назначил встречу Волку здесь, на Золотом острове. И предупредил его, что и вы тоже будете здесь. Я не поняла, из чего он сделал такой вывод.

– Ничего страшного. Я понял.

Рик встал, сделал несколько шагов, сгреб волосы ладонью и сдавленно чертыхнулся.

– Этого следовало ожидать, – проговорил он наконец, – Керби Клейн, Ричмонд, его лысый приятель Джонс... В этой компании не хватает только Волка и, сдастся мне, он ошивается где-то поблизости. Сколько пушек на «Сан-Фелипе»? – спросил Рик, глядя в пол.

– Двадцать.

– Да десять – на «Королеве Марии». Не меньше двух сотен матросов. А, скорее всего, больше. Сотня Ричмонда, без вести пропавшего. Я их обезоружил, но уж, наверное, у Волка хватит сабель и пистолетов. Двадцать матросов Керби. Их можно было не считать, но голова старого черта сама по себе стоит целой эскадры... Сдается мне, Карлос, мы сели на горячую сковородку. Эта бухта укроет нас ненадолго. Если я додумался, что фарватер проходим, додумается и Керби.

– Он уже знает об этом, – Карлос сказал это просто и уверенно и пояснил. – Когда я заходил в прошлый раз, мои матросы слегка сцепились с его ребятами. Одному из них удалось скрыться.

На несколько мгновений установилась такая тишина, что слышно было, как потрескивают свечи. Нарушил ее короткий и невеселый смех Рика.

– Живем как в сказке, чем дальше, тем страшней. Но, надеюсь, у нас с тобой еще хватит смелости решиться на трусливый поступок?

– Бежать?

– И немедленно, – кивнул Рик, – если только нас отсюда выпустят. Эта бухта – прекрасное укрытие и... отличная ловушка.

Ирис в недоумении переводила взгляд с одного на другого. Они не шутили.

– Послушайте, – встряла она. – А мое мнение здесь имеет значение?

Пристальный взгляд Рика остановился на ней, и девушка невольно поежилась.

– Не имеет, – ответил он, – но я готов его выслушать.

– Большое спасибо, – усмехнулась Ирис, – это вдохновляет. Я не стратег, упаси меня Бог, и не оспариваю ваш «смелый» план, – Рик поморщился, но промолчал. – Я лишь хочу внести маленькую поправку. Почему бы нам, перед тем, как мужественно убежать от превосходящих сил противника, не захватить с собой этот пресловутый «Большой Приз»?

– Ты за этим ее сюда и привел? – мрачно спросил Рик. Карлос кивнул.

– Я знаю, вы не верите в сокровища Ферье, – торопливо продолжила Ирис, – но почему бы не проверить? Что мы теряем? Помните, вы показали мне зашифрованную карту? Я поняла, как ее расшифровать.

– Это было несложно? – с полуутвердительной интонацией спросил Рик. – Я знал, что вы – умная девушка. И лишь гадал, на какое время вас займет эта головоломка... Господи, да не смотрите же на меня так, будто я ангел с пламенеющим мечом. Да, я знаю, что «Большой Приз» существует. И нашел ключ к шифру Ферье. Он очень прост. Случалось мне видеть кроссворды посложнее.

Ирис вцепилась взглядом в капитана Рика. Которая по счету странность... Может быть, она просто ослышалась? Когда именно, в каком году, или хотя бы в каком веке появилось это благородное развлечение скучающих домохозяек?

– Кроссворды? – переспросила она.

– Загадки, ребусы. Эта карта – именно такой ребус. Имя дочери Ферье – Коломба. И означает оно – «голубка», – договорил капитан.

– Точно, – растерянно согласилась Ирис. – Надо всего лишь соединить прямой линией все точки на карте, помеченные рисунком голубиной лапки («пацифика», прибавила она про себя, но вслух не упомянула. Люди этого времени просто не поняли бы, как след птичьей лапки связан с идеей мира во всем мире). Стало быть, этого клада на острове давно нет?

– Он здесь, – коротко ответил Рик, и, видя недоверие в серых глазах, пояснил. – Видите ли, мисс Нортон, на Карибах, как и везде, этикет соблюдают далеко не все «береговые братья», но среди флибустьеров считается хорошим тоном не грабить своих...

Когда старика Ферье обложили, как кабана, он нашел меня, показал свое завещание и

попросил быть чем-то вроде душеприказчика. Клад предназначался его дочери, Коломбе, за вычетом той доли, которая полагалась мне за сохранение тайны.

– Но Коломба Ферье давно умерла! – воскликнула Ирис.

– Вы видели ее тело? – холодно осадил Рик. – Простите, мисс Нортон, но вы тоже одно время считались утопленницей. И, видимо, ваш дорогой жених, граф Эльсвик, считает так до сих пор. Надеюсь, сочтя себя свободным, он не поспешил жениться на другой богатой наследнице.

– Ох, вряд ли! – вырвалось у Ирис, потрясенной сверх меры.

Рик вскинул на нее внимательный взгляд. Этот вздох был очень красноречив. Ирис почувствовала, как загорелось ее лицо, торопливо отвела глаза, сообразила, что выдает себя с головой, и с огромным облегчением услышала вопрос Карлоса.

– Люцифер, это только ваше предположение? Или вы что-то знаете?

Вместо ответа Рик поддел тяжелую крышку сундука и вытащил пухлую, потрепанную тетрадь.

– Это вахтенный журнал каракки «Санта-Терезия», – произнес он, переворачивая страницы. – Капитан – дон Эстебан де Лемус. Команда – двадцать человек. Два пассажира. Хозяин каракки, дон Перейра, и его невеста, донна Коломба де Кастильяно. Вот запись о болезни женщины. А вот – о ее смерти. Умерла от чахотки. Выполняя ее последнее желание, графиню де Сильва похоронили в море. Запись заверена корабельным врачом Доминго Торресом.

– Пока все верно, – кивнул Карлос, – она умерла именно в этом рейсе. Что вас насторожило?

– Две вещи, – Рик присел на сундук, закрыл тетрадь, заложил пальцем страницу. – Во-первых, слова «выполняя ее последнее желание». Дочь Ферье ненавидела море. Старик говорил об этом всем, кто хотел слушать. А если полистать журнал дальше, то можно выяснить, что в ближайшем порту вся команда была списана на берег. Занятно, правда? Смена всей команды – событие выдающееся, оно должно было запомниться в поселении. Я потратил почти два года, чтобы найти Доминго Торреса и взять его за жабры. И, как оказалось, не зря. Этот старый лекарь рассказал мне любопытные вещи...

– Это уже не ребус. Это настоящий детективный роман, – произнесла Ирис, пристально глядя на капитана Рика, – не находите?

«Пробный шар» пролетел мимо.

– Так вот, доктор...

Громкий стук в дверь оборвал капитана. Он посторонился и пропустил взволнованного Дерек.

– Капитан, вас хочет видеть какой-то человек, – выпалил тот.

Гости переглянулись.

– Откуда он взялся? – спросил Рик, отбрасывая журнал, – если часовые проспали чужой корабль на входе, лучше им на борт не возвращаться, а просто утопиться по дороге.

– Нет никаких кораблей, – растерянно доложил Дерек. – Он прибыл вплавь и взобрался по якорной цепи. Он англичанин, но одет как испанец. И, похоже, не моряк. И не охотник...

– Хм. А что он сам говорит? – спросил Рик, делая Карлосу знак следовать за ним.

– Мне он не сказал ничего, – ответил матрос, – он сказал, что будет говорить только с Джеймсом Риком.

Капитан двинул бровями, но промолчал.

Человек стоял, цепляясь за ванты. Он тяжело дышал. С одежды стекала вода, светлые волосы облепили бледное лицо. Он озирался с видом зверя, попавшего в капкан, измученного и обессиленного, но еще вполне способного укусить. А то и загрызть.

– Силы небесные! – вырвалось у Ирис Нортон, увязавшейся за мужчинами. – Джордж?!

Он вскинул голову, в светлых глазах мелькнуло странное выражение, но, совладав с собой, человек с достоинством произнес:

– Кто из вас капитан Рик? Я буду говорить только с ним.

Корсар шагнул вперед, разглядывая молодого человека с жадным любопытством.

– Говорите! – приказал он.

– Восточнее... этой бухты пираты захватили испанский корвет «Долорес». Из всей команды в живых остались только мы, четверо. Англичане... И женщина... Остальные...

По лицу молодого человека прошла судорога, рот искривился, но он во второй раз справился с собой.

– Мне удалось бежать. Мы... просим вашей помощи, капитан Рик.

Коротким жестом Рик подозвал молодого долговязого парня и, не оборачиваясь, распорядился на счет рома, койки и сухой одежды. Долговязый скрылся, а граф Эльсвик, отдав последние силы встрече «на высшем уровне», медленно сполз на палубу. Ирис метнулась к нему и успела поймать его взгляд. Только один взгляд до того, как сознание оставило ее нареченного. В нем были любовь и восхищение.

Рик появился через час. Он был задумчив, но спокоен. В серых глазах девушки стояли тысячи вопрошающих знаков, но он лишь качнул головой:

– Он уснул. С ним все будет в порядке, мисс Нортон. Ваш жених не ранен, просто очень ослаб.

Небо с близкими звездами чернело над торчащими мачтами «Фортуны», и лунные блики тихонько лежали на зарифленных парусах. Капитан жестом подозвал Дерека и вполголоса отдал распоряжения, которых Ирис не услышала. Ее мысли были заняты другим. Карлос вскинул настороженный взгляд, и получил в ответ лишь медленный кивок.

– Судя по всему, если Волк не обозначился, женщина – Коломба Ферье. Вернее Коломба де Кастильяно, – проговорил он, – а английские пленники...

Чуть помедлив, Рик испытующе взглянул на Ирис Нортон, и ей стало не по себе.

– Я высадил ваших друзей в Сантьяго-де-лос-Кавалерос, – сказал, наконец, Рик, – и велел им искать «Фортуну», в случае, если им понадобится помощь, здесь, на Золотом острове.

Девушка тряхнула головой и с силой сжала виски ладонями.

– На что надеется Волк? – спросил Карлос спокойно, с отчетливо проскользнувшими ленивыми интонациями.

– Видимо, считает, что дочь Ферье знает, где клад, – пожал плечами Рик.

– Если и знает, то не скажет, – Карлос тихо, с явным удовольствием, рассмеялся, – об эту хрупкую женщину разбились не только Перейра и Вальдиро. Мой отец...

– Я слышал эту историю, – кивнул Рик и, к изумлению Ирис, тоже рассмеялся. – Он женился на ней из-за клада, но потом все-таки пал жертвой прекрасных глаз своей супруги. Ферье тогда сумел отбить дочь и увезти ее на Тортугу. Так через месяц дон Мигель де Кастильяно явился прямо в Кайону. Он привел четыре корабля с пряностями и крокодиловыми кожами. И, зная слабость Ферье к хорошему оружию, привез, стервец, пару отличных пистолетов... в подарок. Отчаянным малым был этот дон Мигель, он шел по лезвию. Ферье чуть не пристрелил его из этих самых дареных пистолетов. Если б не Коломба, жизненный путь твоего отца оборвался бы гораздо раньше. В конце концов, они оба упали в ноги Ферье, и старый разбойник благословил их, плача и богохульствуя так, что бедная Коломба готова была провалиться сквозь землю. Кайона гуляла неделю, пока не пропили весь груз с четырех кораблей.

Смех мужчин резанул по натянутым нервам. Ирис, стоявшая неподвижно, словно заклятая, почувствовала, что ветер свеж, ночь прохладна, а ее, одетую слишком легко, бьет мелкая дрожь.

– Вам лучше пойти в каюту, там теплее, – неожиданно произнес Рик, обернувшись к ней.

– Нет, нет, – торопливо возразила Ирис, проклиная свою слабость и его зоркость, – я остаюсь. Я имею право знать, что вы собираетесь делать.

– Имеете, – кивнул Рик. – Я вот тоже имею право знать, что я собираюсь делать. Только вот не имею ни малейшего понятия, кого бы мне об этом спросить. Может быть, вы скажете?

Он взглянул на нее с иронией, адресованной скорее себе, чем ей, но Ирис вспыхнула.

– Я думаю, их нужно спасать, – сердито отозвалась она.

– И вы знаете, как это сделать?

Ирис молчала. Рик жестко усмехнулся, снял камзол, закутал продрогшую девушку и повернулся к Карлосу, забыв о ней тотчас и напрочь.

– Парень понятия не имеет, откуда шел, и где сейчас Волк, – задумчиво проговорил он, – но, думаю, это не слишком хитрая загадка.

* * *

Как непроницаемо черны, как густы эти безлунные южные ночи. Каким странным великолепием и непостижимой, тайной силой наполнены они. Каким величественным покоем дышит все вокруг: гладкая, как черное зеркало, неподвижная вода лагуны, мощные скалы, обступившие берег, словно сжавшие кусочек моря в каменных объятиях, темная, плотная стена леса, поднимающаяся за узкой полоской пляжа. Какой тишиной полны эти ночи. Живой, дышащей, беспокойной тишиной.

Шел лишь первый час «собачьей вахты», но матросу, заступившему совсем недавно, уже отчаянно хотелось спать. Он щурился, вглядываясь в неподвижную темноту ночи, тер глаза, брызгал водой в лицо, но помогало плохо. Правильному пониманию своего долга, конечно, мешало и то, что в эту ночь поспать ему совсем не удалось, на вахту он заступил прямо с веселой, дружеской попойки, порядком отяжелевший от испанских вин, найденных в трюмах «Сан-Фелипе» и засыпающий на ходу. Матрос честно боролся с собой еще пару минут, потом отошел в тень, прислонился к стене палубной надстройки и мгновение спустя уже видел скалы Кайонской бухты и груженные золотом испанские галеоны.

Прозвенели короткие, сдвоенные удары корабельного колокола. Темноту, окутавшую корабль едва рассеивали тусклые фонари с давно не чищенными стеклами. «Нет совершенней темноты, чем темнота предрассветная». Бесшумно через борт перекинулась стремительная тень и растворилась во тьме. Мгновение спустя вахтенный, так и не успевший проснуться, вздрогнул от точного удара и обмяк. Тень снова показалась в свете фонаря и снова исчезла, как и положено бесплотным духам. Тут же над правым бортом корвета метнулась еще одна тень, затем еще...

В тесном трюмном карцере, где на грязном полу спали вповалку два английских джентльмена из хороших семей и женщина, жена аристократа и дочь флибустьера, в спертom воздухе, плотном, как войлок, внезапно оборвался мощный храп, и лохматая, заросшая рыжей бородой, голова Харди Мак-Кента высунулась из-под грязного куска парусины. Бывший капитан с минуту прислушивался, потом резко толкнул соседа.

– Что случилось? – шепотом спросил Дик, озираясь.

Услышав шепот, проснулась Колomba и осторожно приподнялась на локте.

– Слышишь? – спросил Харди и указал подбородком на потолок.

В темноте его движения никто не увидел, но уже и без того было ясно, что на палубе что-то происходит. Осторожные, легкие шаги не меньше десятка человек, которые никто бы не расслышал на расстоянии вытянутой руки, здесь, в чреве корабля, слышались отчетливо.

– А как ты сам думаешь, что это такое? – проговорил Харди вполголоса.

– Если это матросы Волка, то зачем бы им так осторожничать? – задумчиво произнес маленький штурман. – Я бы сказал, что корвет захвачен. И, похоже, его похищают. Что еще, по-твоему, здесь может быть?

И, словно в ответ на его слова над головой раздался ужасающий визг и грохот. Через секунду загрохотало с другой стороны. «Долорес» поднимала якоря.

Тяжелая дубовая дверь неожиданно распахнулась настежь, и знакомый голос спросил по-английски:

– Эй, вы здесь, джентльмены? Надеюсь, не слишком соскучились?

– Дерек! – опознал маленький штурман и порывисто вскочил. – Рик не заставил себя

ждать. Молодец, его светлость!

Лязг выбираемых якорей, разбудивший всю лагуну, сорвал с кровати Волка и вынес его, полуодетого, на мостик «Сан-Фелипе».

– Что происходит, сто чертей и три монаха? – рявкнул старый пират над ухом растерявшегося помощника.

– На «Долорес» поднимают якоря, – доложил тот, слегка заикаясь.

– Это я и сам вижу! – фыркнул Волк, – какого черта они их поднимают? Там что, перепились все, к морским чертям, и решили погулять?

Волк уставился на помощника испепеляющим взглядом, который вгонял в дрожь всю Вест-Индию, но жест руки, вовремя схватившей сползающие штаны, был так нелеп, что помощник невольно фыркнул. Волк мгновенно сообразил это и тотчас остыл.

– Убью, – пообещал он совершенно спокойно, и всю веселость помощника точно ветром сдуло.

– Ирландец Пат здесь? – спросил Волк.

– Я велел ему спать у пушек, – отозвался помощник.

– И он, разумеется, спит. И, конечно, пьян, как скотина. Что ты стоишь, рыба задница, – заорал Волк, снова свирепея, – растолкай этого пьяного ублюдка и пусть он высыплет им пару горячих. Только, чтоб не утопил мне корвет, иначе на рее вздерну.

Корвет, меж тем, плавно развернулся, поднятые паруса забрали ветер, и «Долорес» неторопливо двинулась вперед. Сигнальные фонари вспыхнули на «Королеве Марии», когда корвет тенью скользнул мимо черного брига к узкому выходу их бухты. В ночной тишине оглушительно грохнула одинокая пушка «Сан-Фелипе», и чугунное ядро, просвистев над палубой корвета и порвав его снасти, зарылось в воду далеко от борта «Долорес».

Эхо выстрела отразилось от почти отвесных каменных стен и заметалось в скалах.

На корвете не ответили. И не замедлили хода. Так же спокойно и точно «Долорес» подошла к выходу и развернулась кормой, представляя в этот миг отличную мишень для мощных батарей черного брига. На «Королеве Марии» это «па» приняли за приглашение к танцу, и левый борт брига радостно рявкнул. «Долорес» вздрогнула и сильно покачнулась. В расцвеченную сигнальными фонарями рябую воду посыпались обломки фальшборта.

Однако ответного залпа не последовало. Пушечные порты «Долорес» были открыты, но пушки молчали. Больше корвет не двигался с места. Он замер, как подбитая птица, покачиваясь на низкой волне, поднятой залпом «Королевы». Он стоял на выходе из бухты, как безмолвный призрак, утратив даже то подобие жизни, которое только что заставляло его двигаться. Паруса, изорванные выстрелом, слабо шевелились на ветру.

Волк, не отрываясь, смотрел в черноту ночи. На палубе корвета, где давно погасли фонари, явно что-то происходило, но темень мешала Волку разглядеть подробности, он мог лишь напряженно прислушиваться.

– Дай сигнал на «Королеву», чтоб больше не стреляли, – вполголоса приказал он. – Если корвет затонет на выходе, он запрет нас в этой бухте лучше, чем мамаша Мадлон запирает свои запасы канарского.

– Спустить шлюпку? – предположил помощник.

– Пожалуй. Стоит поглядеть, что за черти развлекаются на моем корвете. И как пленники. Особенно эта итальянка. Но скажи Ханслоу, пусть возьмет побольше людей. И пусть вооружатся, как следует. Тревожно мне что-то, – пояснил корсар, словно оправдываясь.

Две шлюпки, битком набитые пиратами, отошли от фрегата, когда на востоке уже засветлел край неба, и покалеченные мачты корвета обрисовались четко, словно прописанные в небе черной тушью. Пушки «Долорес» по-прежнему смотрели в борт «Сан-Фелипе», но по-прежнему молчали. В этом молчании было что-то зловещее.

– Эй, вахтенный! – надсадно завопил Том Ханслоу, сложив ладони рупором. – Вы живы там, на «Долорес»? Что у вас происходит?

Ничто на борту корвета не отозвалось на этот крик. Том первый вскарабкался на борт

по лопнувшим и упавшим вантам. Он проделал это с обезьяньей ловкостью, мягко спрыгнул на палубу, держа руки на пистолетах и по-звериному озираясь. Вокруг стояла тишина. Том подал знак, и остальные пираты быстро последовали за ним. Оглядев свою команду, Том осторожно двинулся вдоль разбитого борта к юту корвета. Его длинные ноги были чуть согнуты в коленях и Ханслоу «стелился» по палубе «Долорес» подобно дыму.

Но эта предосторожность, особенно после поднятого шума, была явно лишней. Прислушиваться к его шагам было некому. Том совершенно потерялся в догадках, куда делись парни, которые еще вечером веселились на шкафуте, и, главное, кто снял «Долорес» с якоря. Вспомнив о приказе Волка разузнать о пленниках, Том спустился в трюм, держа в вытянутой руке зажженный фонарь. Длинная тень метнулась вперед хозяина и, раздвоившись, мелко задрожала, словно от испуга. Надо сказать, эта жуткая тишина могла испугать не только тень. Том раздумывал, не позвать ли кого-нибудь из ребят с палубы, когда слуха его коснулся слабый, совсем не страшный звук. В следующую секунду он понял, что это такое. Палуба корвета дернулась под ногами, и Том едва не полетел головой вниз в черную воду, быстро заполнявшую трюм...

Спасать тут было уже нечего и некого. Оставалось только спасаться самим. И, сто чертей, следовало поторопиться!

Рыжее, продолговатое яйцо, вынырнувшее из-за горизонта, в белесом тумане осветило лишь торчащие над водой накренившиеся верхушки мачт.

Глава восьмая

План в действие

Карибское море, Золотой остров, июль 1686 года

Джордж Эльсвик проснулся поздно. Солнечный свет бил в распахнутые окна. В каюте стояла жара. Он повернулся на узкой койке... и увидел Ирис Нортон. Она сидела за круглым столиком, уронив голову на скрещенные руки. Девушка крепко спала. Эльсвик осторожно встал, стараясь не потревожить невесту. Внезапно она подняла голову.

– С добрым утром, – улыбнулся Джордж.

Он подвинул тяжелый кривоногий стул и сел напротив. Ирис улыбнулась в ответ, но улыбка не вышла. Девушка перевела взгляд на окно и напряженно прислушалась.

– Что случилось, дорогая? Кто тебя испугал? – мягко спросил граф, пытаясь понять, что в этой девушке, давно и хорошо знакомой, так странно настораживает его. Она не изменилась... почти. Немного похудела. Светлая кожа лица и рук потемнела от яростного карибского солнца. Русые волосы выгорели и приобрели беловатый оттенок. Нет, не то. Черты милого, нежного лица заострились и отвердели, а серые глаза... в них появилось что-то незнакомое, чужое.

– Я не испугана, – ответила она, наконец. – Я просто волнуюсь. Вчера ночью, после вашего появления, капитан Рик решил сделать вылазку и попытаться отбить пленников. Он рассчитывал на то, что пираты Волка не ждут его ответа так скоро. Вы молодец, Джордж. Вчера вы совершили настоящий подвиг. Я горжусь вами.

Эльсвик смутился.

– Вы заставляете меня краснеть, Ирис. Право, я не совершил ничего выдающегося. Я действовал так, как должен был действовать любой дворянин и британец.

Девушка тепло улыбнулась.

– Я была уверена, что только так вы и могли действовать, Джордж. Я ни на секунду не сомневалась в вашей храбрости. И горю желанием послушать вашу одиссею. С той самой минуты, как мы расстались. Когда взорвалась «Полярная Звезда».

– Моя одиссея? – Эльсвик скривился, как от зубной боли. – Моя одиссея – это испанский плен, Ирис. Голод, грязь, унижения, отчаяние... право, там не было ничего героического. И ничего, что я хотел бы удержать в памяти. Я буду благодарен вам, дорогая, если вы не будете настаивать на своей просьбе.

– Она уже забыта, – отмахнулась Ирис.

Повисло молчание. Джордж Эльсвик почувствовал странную неловкость, будто своим отказом обидел ее..., но в серых глазах не было и тени досады, только участие.

– Может быть, вы? – предложил он. – Вам ведь тоже есть что рассказать.

– Я? – она слегка пожала плечами. – Я искала вас. Вас всех, – торопливо пояснила она, увидев, как вспыхнул его взгляд. – Харди Мак-Кента, Дика Вольнера, Мэри. Я искала вас на Санта-Катарине. На берегах Испанского Мэйна. Я получила сведения, что вы, Джордж, находитесь на Эспаньоле, и спешила туда, но Богу было угодно, чтобы мы встретились раньше, на этом острове.

Граф порывисто вскочил, шагнул к ней, опустился на одно колено и поцеловал кружевной манжет белого платья над тонкой кистью.

– Ирис, вы святая! Знайте, я дал обет посвятить свою жизнь вам, помочь залечить душевные раны. Хранить и оберегать вас, чтоб вы никогда не узнали печали. Больше мы не расстанемся ни на миг, я так решил. Когда вернется капитан Рик, я попрошу его сделать запись в вахтенном журнале. Мы станем мужем и женой еще до вечера. Зачем откладывать? Мы и так ждали слишком долго.

Джордж встал с колен, поднимая девушку за плечи, и нежно привлек к себе. Но почти сразу почувствовал слабое, однако, заметное сопротивление.

– В чем дело, дорогая?

Ирис слушала его пылкий монолог с нарастающей паникой, а его последние слова заставили бестрепетную мисс Нортон похолодеть. Она никак не ожидала такого напора. И даже растерялась.

– Что случилось? – снова спросил граф, заглядывая в лицо невесте.

– Право, Джордж, вы безумны, – мягко, но решительно она отвела его руки и отошла к окну, вглядываясь в золотисто-зеленую даль.

– Почему? Ведь вы – моя невеста. О нашей помолвке объявлено давно, и если бы не эта трагедия, мы были бы уже женаты.

– Джордж, вы безумны, – повторила Ирис. – Капитан Рик всего с десятью матросами отправился в опаснейшую вылазку. От того, насколько ему повезет, зависит не только его, но и наша жизнь. Они ушли на шлюпке еще ночью, а сейчас почти десять, их все еще нет. Я схожу с ума от тревоги, а вы несете какой-то вздор о немедленной свадьбе.

– Простите, дорогая. Я об этом как-то не подумал, – Джордж шагнул к окну и вновь попытался заглянуть в глаза невесте, но она упорно не поворачивала головы.

– Джордж, вы мальчишка, – вздохнула она. – Вы прошли через ад, но вас это ничему не научило. Вы так и остались храбрым, беспечным мальчиком. Вы, видимо, понятия не имеете, на каком тонком волоске висят наши жизни. Каждый миг может быть последним.

– Я знаю, – кивнул граф, – отлично знаю, Ирис. Именно поэтому нам и нужно торопиться жить. Быть счастливыми, пока не пришел Армагеддон.

Она нервно рассмеялась.

– Если вы способны быть счастливым, сидя на вулкане, мне остается только позавидовать вам, Джордж. Я, к сожалению, лишена этого дара. Мои мысли там. С теми, кто ушел этой ночью, может быть, на смерть. И я не могу думать ни о чем другом.

– Хорошо, – вздохнул Эльсвик после долгого молчания, – но что же нам делать, пока не вернется капитан Рик? Рассказывать свою историю я не хочу. Обсуждать нашу свадьбу не хотите вы. Как же нам скоротать ожидание?

– О, Господи, Джордж! Ну откуда я знаю? – рассмеялась она на этот раз почти искренне. – Почитайте мне Легенды Камелота. Помнится, вы знали наизусть целые главы. Почитайте про Озерного рыцаря... – попросила она вдруг, неожиданно для себя. Эта история никогда не была любимой. Но сейчас ей отчего-то хотелось услышать именно ее.

* * *

На западе томно и страстно вспыхивали догорающие красно-оранжевые сумерки. Пепельные груды кучевых облаков клубились на горизонте, и казалось, что отгорающий день окутывает дым далекого сражения. Для полноты иллюзии не хватало только пушечного грома... но уж чего не было, того не было.

Ирис поднялась по узкой лестнице, придерживая подол белого платья. Ее волосы были уложены в строгую прическу. Пожалуй, ей это шло. Но не из-за этого Ирис Нортон, почти незнакомая с кокетством, провела целых полчаса перед зеркалом. Всему виной был странный взгляд Джорджа Эльсвика, которого явно шокировали чересчур раскованные внешность и манеры невесты. Она решительно постучала.

– Войдите, – ответил ей из-за двери голос капитана Рика.

Здесь было всего пять человек. Сам капитан, Карлос де Кастильяно, два помощника с обоих кораблей и бледная, худощавая, но очень красивая женщина... Коломба де Кастильяно.

Ирис бросила любопытный взгляд на дочь легендарного французского пирата. Женщина заметила и неожиданно тепло улыбнулась.

– Вы – Ирис Нортон? – произнесла она сильным, приятным голосом, – я очень рада видеть вас живой. По моим сведениям, вы погибли три месяца назад, милорд граф оплакивал вас, но, слава Мадонне, все это оказалось выдумкой.

По-английски госпожа Коломба говорила правильно, но с заметным южным акцентом.

– По моим сведениям вы, госпожа де Кастильяно, погибли десять лет назад и вас тоже оплакивали... по крайней мере, двое моих хороших знакомых, – ответила Ирис по-испански и улыбнулась в ответ.

Мужчины сдержанно рассмеялись.

– Нам повезло, – прокомментировал Карлос, – из всех библейских чудес именно это всегда потрясало меня. Но, честное слово, я не думал, что увижу его своими глазами, да еще в двух экземплярах.

Коломба едва заметно поморщилась, и Рик, углядев это, быстро добавил:

– Милые дамы, без сомнения, стоят одна другой и могли бы украсить собой не только спиритический сеанс, но и королевский бал. Однако к делу.

Только сейчас Ирис заметила, что на столе разложена та самая карта, за которой охотилась добрая половина флибустьеров Нового Света. И которую однажды ей удалось рассмотреть очень подробно. Она шагнула к столу, Карлос подвинул плетеное кресло и отставил в сторону свечу.

– Я тоже никогда не была в этих местах, – произнесла Коломба продолжая, видимо, прерванный разговор, – но я уверена, что найду дорогу. Отец заставил меня выучить наизусть каждый шаг, каждый поворот подземелий.

– Подземелий?

– Сокровище спрятано в скале, – подтвердила Коломба. – В той, что висит прямо над нами, с трезубой короной. Существует по меньшей мере три входа в подземелье.

– Это и хорошо, и плохо, – проговорил Карлос, – хорошо тем, что Волк и его парни найдут, дай Бог, один. И плохо тем, что все три нам придется охранять. А людей и так мало. По моим подсчетам, сейчас на острове грызут локти и видят золотые сны почти три сотни парней. Самым благоразумным было бы уйти и вернуться позже, но это невозможно. Если мы уйдем отсюда, унося с собой карту и оставляя за кормой три миллиона реалов и три сотни злобных дьяволов, за наши жизни никто не даст и песо. Ни в этих кровавых водах, ни в благочестивом и скучном Старом Свете. Кроме того, мы лишили их кораблей, значит, погони не будет. Просто грех упускать такой шанс. Мы останемся. Но у нас вдвое меньше людей и кроме клада два корабля, которые нужно надежно защитить. Мне эта проблема кажется неразрешимой.

Карлос взглянул на Рика. Ирис заметила, что все повторили его движение. Рик явно председательствовал на этом собрании.

– Один корабль, – негромко сказал он. – От «Воскресения» нам, в любом случае,

придется отказаться. У нас не хватит людей, чтобы оборонять два корабля. У нас не хватит их даже на одну «Фортуна». Пытаться удержать оба – безумие.

– Но, Люцифер, вряд ли разумнее будет оставлять за спиной отличную, быстроходную бригантину.

– Мы не оставим ее, – веско произнес Рик, и по тому, как он это сказал, Ирис поняла, что решение он принял сам. В одиночку. – Мы не оставим им «Воскресение». Мы утопим ее.

Ирис вздрогнула и почувствовала, что проваливается в ледяную пустоту. Еще мгновение или два она надеялась, что ослышалась, но жестокие слова Рика прозвучали слишком отчетливо и властно. Не долго носила ее по волнам пузатая бригантина, легкая и верткая, та, которую она добыла, поставив на кон ни много, ни мало – свою голову. Ее собственный корабль. Второй собственный корабль за три месяца. Право, ее преследовал какой-то злой рок! Ей хотелось заплакать. Чувство было такое, словно Рик собирался пристрелить ее любимую лошадь. Или собаку. Даже гибель «Полярной Звезды» не вызвала такого гнева на испанцев.

– Леди и джентльмены, я надеюсь, что этот пункт возражений не вызывает, – произнес Рик, обводя взглядом свой «военный совет».

Неожиданно этот пытливый взгляд остановился на ней.

– Мисс Нортон, я сожалею. Это вынужденное решение. И это самая настоящая война, – официальный тон капитана несколько смягчился. – Я даю слово – чем бы ни окончилась эта авантюра, на Тортуге я возьму вам стоимость бригантины.

– Мне? – безмерно удивленная Ирис вскинула глаза. – Но почему?

– План по захвату «Воскресения» разработали вы. И вы руководили операцией, – пояснил Рик. – По праву захвата в открытом море корабль принадлежит вам. Таковы законы «Берегового братства». На этот совет я пригласил вас, в основном, как владелицу бригантины.

– У меня есть право «вето»? – спросила она.

– Есть, – кивнул Рик, – но если вы им воспользуетесь, то выбываете из игры.

Мгновение она смотрела в бесстрастное лицо Рика, испытывая сильное желание запустить в него тяжелым бронзовым подсвечником, потом горько усмехнулась:

– Ради того, чтоб сохранить бригантину, я послала бы к дьяволу не только Большой Приз, но и Ваше Пиратское Величество, но кто последует за мной? Представителей своей команды я вижу здесь, значит, команды у меня больше нет. Будьте вы прокляты, Рик. Разумеется, у меня нет возражений.

– Тогда переходим ко второму пункту, – невозмутимо продолжил Рик.

«Совет» закончился далеко за полночь, когда очертания скал уже растворились в темноте, а холодные и острые звезды повисли над островом на невидимых нитях. Она покинула каюту последней и направилась было на шлюпочную палубу, за Карлосом, но неожиданно крепкая рука осторожно придержала ее за плечо.

– Уделите мне несколько минут. Потом вас отвезут на «Воскресение».

Она хотела ответить какой-нибудь резкостью, но слова Рика прозвучали непривычно мягко, как просьба. Она вздохнула и повернулась к нему.

– Я слушаю вас, капитан Рик, но очень недолго. У меня мало времени. Я должна попрощаться со своим кораблем и проследить, чтоб не забыли Боцмана.

– Боцмана?

– Моего попугая, – пояснила Ирис. В молчании они прошли несколько шагов по шканцам.

– Поверьте, я знаю, что сейчас творится у вас на душе, – тихо произнес Рик, – это знает каждый моряк. Потерять корабль – это отчасти умереть. Такого не пожелаешь и врагу.

– Если вы это так хорошо понимаете, зачем задерживаете меня? – глухо спросила она. – Вы отнимаете у меня время, которого и так почти не осталось. Если вы хотели извиниться, то не стоит. Необходимость этого решения мне ясна. Я не держу на вас зла, капитан Рик. А теперь, пожалуйста, отпустите меня.

– «Не люби слишком сильно то, в чем нет души. Не люби слишком сильно и то, что имеет душу, ибо и то и другое смертно и разница меж ними ничтожна», – вполголоса процитировал Рик.

– Кто это сказал? – спросила Ирис.

– Один древний поэт. Я забыл его имя.

– Этот человек не заслужил забвения. Он был мудрец.

Рик снова, как и в прошлую ночь, набросил на нее свой камзол, на один короткий, почти неуловимый миг задержав руки. В этом движении не было ничего, кроме желания согреть и утешить... По крайней мере, так сказали себе оба.

– Вас отвезут на «Воскресение», – проговорил он. – Но, прошу вас, сделайте то, что нужно сделать и возвращайтесь сюда. На «Фортуны». Шлюпка будет вас ждать, – заметив, что она порывается возразить, он мягко закрыл ей рот ладонью, – я знаю, что вы хотите сказать. И это правильные, прекрасные слова. Я уверен. Но сейчас говорить их не стоит. Они только ослабят вас, а вам нужна сила. Ведь вы уже приняли решение? Ну, так держитесь его. Держитесь его изо всех сил, руками и зубами, иначе вы разобьете себе сердце. Послушайте моего совета – не давайте воли чувствам. Не длите агонию. Сделайте все, что должны и возвращайтесь. Я подожду вас. Здесь.

– «Не люби слишком сильно то, в чем нет души», – повторила она и взглянула прямо в зеленые глаза капитана. – А вы сами смогли бы последовать своему совету?

Задумчивая улыбка скользнула по его губам.

– У вас просто талант задавать вопросы, на которые я не могу ответить, – проговорил он, наконец. – Смог бы я пожертвовать «Фортуной»? Не знаю, Ирис. Честное слово, не знаю. И не хочу знать.

Неожиданно в ней словно лопнула слишком сильно натянутая струна, и она почувствовала горячие слезы, бегущие по щекам. Ирис страшно смутилась. Никто и никогда не видел ее слез. Даже отец. Она и ребенком не плакала. И надо же было такому случиться здесь, на палубе «Фортуны», рядом с человеком, который был словно отлит из железа.

Презрение к себе, желание во что бы то ни стало скрыть эти предательские слезы толкнуло ее вперед. Чтобы спрятать лицо единственным способом – на груди Рика. Она прижалась к нему, ощутив каждой клеткой идущее от него тепло и спокойствие, почувствовала ответное объятие и внезапно поняла, что теряет рассудок. Потому, что желание остаться здесь и больше никуда не уходить оказалось почти неодолимым. Она испугалась. Смертельно испугалась себя самой и того, что поднималось в ней. Слезы мгновенно высохли, она поспешно отпрянула назад. Вопреки ее опасениям руки капитана разомкнулись сразу.

– Простите, – проговорила она, слишком испуганная, чтобы чувствовать стыд.

– Да Бог с вами, Ирис. Поплакали – и хорошо. Легче стало? Теперь вы вытрете слезы и снова станете «стальной мисс Нортон». Об этом никто не узнает, даю слово. Все в порядке?

– Да, – кивнула она.

– Вы вернетесь сюда?

– Да. Вернусь.

Рик отошел на пару шагов и приказал матросу:

– Отвезешь мисс Нортон на «Воскресение» и подождешь у трапа.

Темнота скрывала его лицо, а голос был обычный. Невозмутимый.

«Он ничего не понял», подумала Ирис со смесью облегчения и обиды. Впрочем, после пережитого испуга облегчение было гораздо сильнее, и она нашла в себе силы даже улыбнуться.

Шлюпка оттолкнулась веслом и вскоре утонула в разлитых чернилах.

Капитан «Фортуны» Джеймс Рик в сомнении потер подбородок.

Он не ошибся, потому что ошибиться было попросту невозможно.

Она действительно была стальной, эта юная, девятнадцатилетняя девочка. Законы общества, данное слово, чувство ответственности, вошедшее в плоть и кровь... Она бы

умерла, не проронив ни слова. Но потеря корабля, ее горе и его сочувствие ослабили эту железную узду. Всего на миг... Страсть, о которой она и сама едва ли подозревала, вырвалась из-под контроля, перепугав бедную юную леди чуть не до смерти. Часа, который она проведет на «Воскресении» ей хватит, чтобы прийти в себя. Она снова станет холодной светской дамой. Рик дал ей слово, что сохранит ее тайну, и намерен был это слово сдержать. Правда, она не поняла, о какой тайне идет речь... но тем лучше.

Рик отступил в тень и усмехнулся с привычной иронией. Однако усмешка вышла кривой. Ирония в ее адрес почему-то не получалась.

Мисс Ирис Нортон была не игрушкой, ребенком, или воспоминанием о Юльке. Не тенью Эдит, сошедшей на землю. Она была женщиной.

Можно было смеяться сколько угодно, но он действительно понял это только сейчас, когда ее страстный порыв чуть не прожег его рубашку. Нет, смеяться ему совсем не хотелось. Во всяком случае – не над ней. Капитан стоял, скрестив руки на груди, и в молчании всматривался в наполовину видимый, наполовину воображаемый трезубец скалы – внешне спокойный, но мысли его находились в некотором разброде. Не в таком разброде, чтоб позабыть о графе Эльсвике. Но и, конечно, не в таком, чтобы помнить о нем слишком долго. В конце концов, были времена... или будут времена, когда такие ситуации начнут решать просто и цивилизованно, без дуэльных пистолетов, простым решением суда. Так почему бы не начать прямо сейчас? Тем более что помолвка это еще не брак. А Ирис любит его, точно любит. Сейчас в этом не было никаких сомнений.

Рик уже почти освоился с ситуацией, так внезапно вставшей с ног на голову, когда вдруг его поразила внезапная мысль.

Наверное, он просто устал. Иначе заметил бы сразу. «Детективный роман» – так, кажется, сказала она? Но... насколько Рик помнил из будущего, которое так странно стало прошлым, родоначальником детективного романа считался Эдгар По, живший в девятнадцатом веке. Ирис не могла, просто никак не могла знать, что такое детективный роман. Или он что-то путает? В школе и позже, в институте он уделял гораздо больше внимания спорту, чем изящной словесности. Так что вполне мог и спутать. А потом еще ее взгляд, когда он обмолвился насчет кроссвордов.

– Нет, чушь, – Рик пытался гнать от себя эти мысли.

Мысль выглядела слишком фантастичной, чтобы вот так сразу в нее поверить, но... ведь он-то здесь. Так почему тому, что уже случилось, не случится снова? Ирис – странная девушка. Слишком независимая, слишком предприимчивая... и в то же время трогательно-наивная, не видящая грозящей опасности, словно не живущая, а играющая в компьютерную игру. Словно у нее в распоряжении «волшебная кнопка» и возможность перезагрузки, если ситуация станет уж чересчур горячей. Или у него начинается паранойя?

«А может взять и поверить? Но как? Да, просто подойти и спросить: сударыня, вы, часом, не из двадцать первого века сюда «провалились»? Так ведь если ошибся – за психа примет. Нет, ерунда. Потом и не посватаешься. Надо бы как-то более тонко, так чтобы она поняла, а никто другой даже не заподозрил».

Рику, с огромным опозданием вдруг пришло в голову, что он не зря таился все эти годы, и не проговорился никому даже по пьяному делу. Прослыть ненормальным совсем не хотелось. Ладно, если посчитают психом, а если колдуном? Костры инквизиции погасли еще далеко не везде.

Кто же вы такая, мисс Ирис Нортон?

Глава девятая

Большой Приз

Карибское море, Золотой остров, июль 1686 года

За несколько последних дней Ричмонд в полной мере оценил все преимущества Золотого острова: тут было легко не только прятать, но и прятаться. Хотя, забираться

настолько глубоко не стоило. Но сначала у него «горели пятки», а потом Кларк долго не мог подходящего места для временного жилища. Казалось бы – чего проще: три-четыре жердины, несколько пальмовых листов – вот тебе и хижина. Не Букингемский дворец, конечно, пару дней перебиться можно. Только вот с пальмовыми рощами на острове оказалось негусто. От самой подходящей ему пришлось уйти, потому что именно ее облюбовали друзья-флибустьеры для пополнения запасов пищи, копчения черепах, починки своих подштанников и прочего променада. Чем дальше, тем больше он углублялся в дикие манговые заросли, которые были раем не только для колибри и птиц Коро, но и для бесчисленных кровососущих насекомых. Под ногами начало хлюпать, а это было совсем не дело. Кларк был в этих широтах далеко не новичком, и прекрасно знал, чем могла закончиться прогулка босиком по этому чудесному, влажному зеленому ковру: здесь было до черта любителей человеческого тела, которые не только кусали, это бы еще полбеда, они откладывали яйца прямо под кожу. Несколько часов – и ноги превращались в красные зудящие бревна. А сделать глоток этой воды Ричмонд не согласился бы, даже умирая от жажды: «жильцы» в животе были еще неприятнее, чем под кожей.

Миновав небольшое болотце, где уныло торчали несколько десятков цапель, Ричмонд в конце концов вышел на относительно сухое место, и понял, что пересек остров и оказался рядом с бухтой, именуемой Заливом Собак. Почему она так называлась, никто уже не помнил, но, видно, была причина. Похоже, ни одна из шастающих по острову компаний сюда еще не забрела: белый песок пляжа оказался нетронутым.

Залив был слишком мелким, чтобы бросить якорь даже небольшому шлюпу, справа и слева возвышались крутые скалы, чуть дальше в море темнел большой зубастый риф. Плохое место для моряка... Поэтому можно было надеяться на уединение.

Ричмонд, выбрав место в тени, в изнеможении опустился на песок, с трудом, чертыхаясь сквозь зубы, стянул сапоги и с удовольствием пошевелил пальцами ног. Он страшно устал.

Когда глупость и элементарное отсутствие выдержки кого-то из его команды позволило Рику расстрелять в упор «Морского Коня», на судне началась паника. Незадолго до этого «Конь» попал в жестокий шторм, и лишился почти всех шлюпок – недостаток, который Ричмонд собирался поправить в ближайшем порту. Но, как это бывает часто, не успел. Беда пришла раньше.

Сообразив, что «Конь» свое отбегал, капитан спустился вниз, на ходу раздавая команды и зуботычины: смысла не было ни в тех, ни в других, спасти тут было ничего нельзя, оставалось разве что спастись самому.

На перекошенной палубе трое моряков пытались спустить на воду одну из двух оставшихся шлюпок. Не говоря ни слова Ричмонд подставил свое плечо. Если парни и удивились, что капитан, который, по неписанным морским законам, обязан покинуть корабль последним, удирает чуть ли не первым, то ничего не сказали: они были виновны в дезертирстве и предательстве не меньше чем сам Ричмонд. Места в шлюпках следовало распределить по жребию, и именно сейчас этим занимался боцман. Сообразив, что им вряд ли светит что-то хорошее, трое негодяев потихоньку улизнули ловить за хвост свою собственную удачу. Удача оказалась сомнительной, как и положено удаче негодяев. Оказавшись вне досягаемости от пушек противника, моряки расслабились. Поглядывая друг на друга, проверили припасы: их оказалось совсем немного, но это никого не огорчило, «Золотой остров» был совсем рядом. Кроме Ричмонда, с корабля спаслись палубный матрос Викс, канонир Кривой Палец (как его звала матушка, никто уже не помнил) и отпетый мерзавец Джек Кот. Компания, с которой Ричмонд никак не хотел бы оказаться вместе на необитаемом острове. Впрочем, он и не собирался. Увлеченные подсчетом припасов, матросы не заметили, как он достал пару пистолетов.

Два выстрела прозвучали одновременно. Кривой Палец молча ткнулся лицом в бочонок с сухарями, а Джек Кот нырнул за борт, ощутило качнув не слишком устойчивую шлюпку. Матрос Викс поднял голову, оценил ситуацию и бестолково зашарил на пояс.

– Не успеешь, – спокойно сказал Ричмонд. План его был экспромтом, но хорошо просчитанным. Пока Викс приходил в себя, Кларк потянул заранее примеченный пистолет Пальца и хладнокровно разрядил его в грудь оставшемуся товарищу.

Сделав это, Ричмонд освободил лодку от мертвецов, сел за весла, и погреб к острову, стараясь править туда, куда ни в коем случае не принесет случайным течением никого из его бывшей команды. За пазухой, зашитое в мешочек из промасленной ткани, хранилось нечто, чем он ни в коем случае не собирался ни с кем делиться.

Большую часть жизни Ричмонд прожил с устойчивым убеждением, что лгать гораздо спокойнее, выгоднее и безопаснее, чем говорить правду. Когда и где он обзавелся этой привычкой, английский моряк, бывший офицер флота говорить не любил... а если и говорил, то скорей всего безбожно лгал. Вроде как пропал на судне, где он плавал, денежный ящик. Почему-то обвинили в этом молодого офицера Кларка, а он не нашел ничего лучшего, как сказать чистую правду: видел, как ящик попятели двое матросов. И действительно, сам ящик нашли под их общей койкой. Правда, денег там уже не было, видно дружки-подельники сумели их перепрятать или передать сообщнику в порту. Пытаясь узнать, куда делись деньги, матросов запороли насмерть, но ни один из них так и не признался в краже. Наоборот, все отрицали и валили вину на господина офицера, джентльмена до мозга костей. Странно, но после этого отношение на флоте к Ричмонду Кларку как-то резко переменялось. Настолько, что ему пришлось задолго до срока выйти в отставку. История заглохла, а убеждение осталось.

Сунув руку за пазуху, Ричмонд выудил небольшой мешочек и не торопясь разложил на песке лист совсем новой бумаги, исчерченной торопливыми набросками пером.

Получив в свое распоряжение карту Ферье, Кларк первым делом сделал копию. Правда, из-за острого недостатка времени, Ричмонд тщательно отрисовал береговую линию, сориентировал карту по сторонам света, перерисовал все значки, но кое-где пренебрег ландшафтом. Теперь, получив небольшую фору во времени, он собрался этот недостаток поправить.

О копии карты он Волку не сказал. Зачем? В сущности, это было совершенно не его дело. Была и еще одна мелочь, о которой он умолчал: пират умер, так и не открыв секрета шифра. Говоря о том, что он может расшифровать карту, Ричмонд блефовал... он лишь надеялся, что со временем разберется с этой загадкой, и сделает это раньше, чем подельники догадаются вывести его на чистую воду.

Жером Ферье спрятал свой секрет вполне надежно. Ричмонд пытался разгадать его каждую свободную минуту вот уже несколько недель, но раз за разом терпел неудачу. Хуже всего было то, что он даже примерно не представлял, с какого конца браться за эту загадку. Простой подсчет значков, общего количества и каждого вида в отдельности, ничего не дал. Попытки сложить карту по прорисованным линиям лишь истрепали лист, но ни на йоту не приблизили Кларка к богатству.

Ричмонд углубился в хитросплетение линий, не замечая, как солнечный диск неторопливо опускается за верхушки скал. Вот они уже утратили выпуклость, став четким черным рисунком на фиолетовом небе, а с моря потянуло прохладой.

Кроме главного сокровища, спасенного с затонувшего «Коня» у Кларка с собой была пара пистолетов. У него были пули, но не было пороха. Одно время он колебался, не выкинуть ли бесполезные игрушки, но потом решил пока сохранить, силы еще были, а возможность разжиться порохом вполне могла и представиться.

Была короткая абордажная сабля и острый нож.

Фляга с остатками бренди, которые сиротливо плескались на самом дне. Ричмонд хотел, было, допить их, чтобы одним глотком покончить с искушением, но, поразмыслив, распорядился остатками более умно: долил во флягу воды из небольшого родничка, который встретился ему по пути. Родничок был сомнительный, и тек, скорее всего, из болотца, но Ричмонд от души понадеялся, что остатков спиртного во фляге хватит, чтобы сделать воду безопасной.

Самым ценным имуществом были в последний момент прихваченные из шлюпки масляный фонарь, полностью заправленный и готовый к работе и десяток свечей. Как они оказались в лодке, знал лишь Господь.

Два бочонка сухарей, найденные там же, Ричмонд предусмотрительно припрятал там, где причалил.

Другого продовольствия у него не было. Не было у него ни оружия, чтобы охотиться, ни веревки, чтобы расставить силки на птиц, ни крючков, чтобы рыбачить. С помощью ножа можно было сделать острогу, но острожить рыбу та еще наука... Ричмонд был совсем не уверен, что сможет ее освоить раньше, чем ослабеет от голода. Впрочем, можно было порвать сорочку на ленты и сделать пращу: цапли тут были непугаными. Но, оружие древних о котором он читал в романах, вещь хитрая и требующая сноровки, которой Кларк и не имел. Мысль пришлось отбросить за невозможностью привести ее в исполнение.

Еще можно поймать черепаху, можно обследовать пальмовую рощу. Любая беда преодолима, пока у него есть ЭТО. Карта грела душу и давала надежду на жизнь!

Ветер с легким хрустом шевелил края карты. Тихий шорох над головой Ричмонд поначалу тоже списал на ветер и не обратил на него внимания. Он как раз собирался испытать еще одну догадку: попытаться соотнести значки с ландшафтом, надеясь, что это что-то даст. Внезапно наверху раздался шум и, не успел Ричмонд опомниться и вскочить, как шею и часть незащищенной спины словно обварили кипятком. От неожиданности Кларк заорал и попытался схватить неведомую опасность, буквально, свалившуюся с неба. Руки поймали нечто теплое, мягкое и пушистое, но извивающееся как целый клубок змей. При попытке оторвать это от себя Ричмонд неосторожно шевельнул головой, и в ту же секунду боль обожгла нос и изрядную часть щеки. Казалось, с него живьем сдирают кожу.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но страшный враг вдруг сам выпустил полуослепшего Кларка и бросился на шуршащий лист бумаги.

– Дьявол, – с чувством выругался Ричмонд, сообразив, что за страшный зверь на него напал, – Брысь!

Он осторожно поморгал и с большим облегчением обнаружил, что глаз цел, просто залит кровью из глубокой борозды, распоровшей бровь.

Большой полосатый кот скрылся в кустах. Ричмонд подобрал карту, аккуратно расправил. Лицо и шею саднило. Он непроизвольно коснулся раны рукой и обнаружил довольно сильные порез. Ворот сорочки быстро намокал от крови.

– Вот бестия, – еще раз ругнулся Ричмонд и, прижав карту в мешочек, зашагал к морю, чтобы соленой водой промыть царапины. По пути его неожиданно разорвал смех: видно какой-нибудь купеческий корабль заходил на этот остров, чтобы починиться или пополнить запасы пресной воды и мяса, а корабельный кот сбежал на прогулку и заблудился в зарослях. Что ж, судя по его весу и силе мышц, паршивец обрел на этом острове свой собственный рай: птиц здесь было достаточно, только успевай ловить. Должно быть, кот прикорнул на дереве, и проснулся от шелеста бумаги, который что-то ему напомнил или просто пробудил давнюю привычку.

Ричмонд зашел в воду почти по пояс, зачерпнул соленой воды и, щедро плеснув на свежие раны, зашипел, как кусок сала, брошенный на горячую сковороду. Соль обожгла раны. Но кровь на удивление быстро перестала сочиться из порезов.

Солнце уже почти скрылось, его место с царственной неспешностью занимала луна, не полная, но очень хорошо освещающая пляж.

То, что кот порвал ему щеку, беспокоило Кларка очень мало, гораздо меньше, чем возможный ущерб, нанесенный драгоценной карте. Поэтому, торопливо промыв рваные царапины, он снова вытянул бумагу и принялся придирчиво рассматривать ее, едва не водя носом по бумаге. Так и есть! Проклятый зверь все же успел напасть: запачкался в крови и оставил на карте цепочку следов. К счастью, ничего важного не заляпал.

Ричмонд держал карту в руках. Цепочка кошачьих следов перед глазами вдруг показалась ему намеком на что-то важное. Следы... Цепочка... Кот... Нет, коты тут явно не

при чем. Не кот, а птица. Голубь! Голубиная лапка!!!

Ричмонд бросился к ближайшему камню, разложил карту и с силой нажимая квадратным ногтем провел черту, соединяющую на карте птичьи следы. По всему выходило, что это место – в двух шагах от Залива Собак, в скалах. И почему кошка считается нечистым животным?! Спасибо, полосатый братец, ты оказал дяде Кларку неоценимую услугу. Только больше не попадайся на глаза, прибыю, заразу, чтобы больше на людей не прыгал. Черт, как больно...

Посмотрев на луну и оценив свое собственное состояние как вполне бодрое, Кларк сверился по карте и зашагал к одинокой скале, куда вели птичьи следы. Ночь предстояла довольно деятельная.

* * *

Нагретые солнцем, растрескавшиеся подошвы скалы уходили далеко в лес. Спрятанные в траве, заросшие кустарником, они словно только и ждали неосторожного путника, чтобы подставить подножку, уронить и в кровь расцарапать колени. Под плотными зонтами пальм было душно, вязкий воздух вставал плотной стеной между отрядом и его целью. Когда они, вспотевшие, уставшие, выбрались из леса на каменистое плато, где их встретил прохладный морской ветер, всем показалось, что они добрались, наконец, не до входа в пещеры, а до райских врат. Впрочем, если вспомнить о Волке и его головорезах, это утверждение еще вполне могло оказаться правдой. Вот только ворот никаких не было. Ни райских, ни иных. Была отвесная, выщербленная ветром каменная стена.

– Это здесь, – уверенно сказала Коломба. Она продралась сквозь зеленые заросли, раздвинула плотно сомкнутые ветви и... исчезла.

Матросы подались вперед, кое-кто суеверно перекрестился. Не прошло и трех секунд, как она возникла снова, и набожные моряки с облегчением увидели, что козни дьявола здесь ни при чем. В скале темнела узкая, почти незаметная щель. Одна из трех.

Коломба нашла взглядом Карлоса и махнула рукой. Испанец вскарабкался наверх, обрушив целый водопад сухой гальки, и, цепляясь за прочные ветви кустарника, протянул ей фонарь.

Мужской костюм сидел на Коломбо Ферье превосходно. Прекрасные густые волосы, подобранные в прическу, рассыпались от быстрой ходьбы по заросшим тропам и теперь сверкали на солнце, как жидкое золото. Драгоценное червонное золото редчайшего оттенка. Джордж Эльсвик поймал себя на том, что любителю женщиной, и попенял себе. Кроме Ирис, никаких женщин для него существовать не должно. Все поумирали в одночасье, а оставшиеся в живых страшны, как смертный грех. Бедная девочка столько пережила. Не хватало ей еще увидеть, как ее жених разглядывает другую.

Он поискал глазами невесту. «Бедная девочка» на него не смотрела. Она увлеченно спорила о чем-то с Харди и Вольнером. До графа донесся веселый смех. Ирис выглядела ничуть не хуже Коломбы. «Пиратский» наряд шел ей чрезвычайно, да и что ей не шло? Однако это зрелище неприятно царапнуло графа. Стройная фигурка в наряде юнги, сидевшем на ней как перчатка, с хвостом русых волос, подрагивающих от смеха... Ирис, конечно, молода и неопытна, но он-то отлично видел скользкие по ней взгляды пиратов Рика. Пустить ее в этот безумный поход за кладом в окружении отъявленных висельников было чистейшим сумасшествием. Если не хуже.

Он покрутил головой, разыскивая Рика, чтобы высказать ему все, что он об этом думает, и внезапно увидел его совсем рядом. Он стоял, слушая спор своих матросов вполуха, и смотрел туда, где так увлеченно смеялась его невеста. Смотрел на нее. И взгляд зеленых кошачьих глаз был взглядом хищника. До неприличия восхищенного хищника.

– Не беспокойтесь, – неожиданно произнес он. – Эти люди не выглядят, как примерные прихожане церкви, но такое волнующее зрелище они наблюдают не впервые. Мисс Нортон уже давно на «Фортуне» и до сих пор никто не обидел ее... Для многих из команды она как

дочь. Ваши опасения напрасны. Поверьте, здесь она в большей безопасности, чем на корабле.

– Люцифер! – Карлос высунул из пролома лохматую голову, – Коломба узнала эти места. Это действительно тот коридор.

Рик мгновенно позабыл и об Эльсвике, и об Ирис. Он окинул быстрым взглядом свой отряд, подал знак рукой и шагнул в проем. Галька захрустела под ногами и посыпалась дождем.

Тьму рассеивал свет фонарей. Она отступала перед отрядом, скрываясь в узких тоннелях, забиваясь в щели в породе, таясь под потолком. Цепь дрожащих теней медленно ползла по стене, и обступившая их тишина казалась такой живой, что все невольно приглушали голос и старались ступать потише, словно боялись разбудить нечто, что лучше было бы не трогать. Ирис тревожно озиралась по сторонам, втягивала голову в плечи, словно этот жест мог защитить ее от тысяч тонн камня, висящих над головой.

Двигались быстро, и необходимость все время смотреть под ноги отчасти притупляла страх.

Неожиданно живая цепочка остановилась. Тени замерли, навалилась тишина. Матросы Рика переглядывались. Им тоже было не по себе. Все, казалось, чего-то ждали, и, судя по напряженным лицам, блестевшим от холодного пота, вряд ли они ждали подарка к рождеству. Появился Рик. Он быстро прошел мимо Ирис, не взглянув на нее, отдал какие-то распоряжения и так же быстро вернулся назад, скрывшись в каменной галерее. После этого цепочка снова двинулась и, похоже, еще быстрее. Ирис казалось, что они идут уже несколько часов, хотя, в действительности, не прошло и часа.

Духоту подземелья изредка пересекал холодный ток из боковых штреков. Вскоре они оказались на подземном перекрестке. Галереи стали шире, потолок ушел вверх, и свежий воздух охладил разгоряченные лица.

– Почему мы остановились? – шепотом спросил Эльсвик на ухо Ирис.

– Ждем разведчиков, – так же тихо отозвалась она и начала осторожно пробираться вперед.

Коломба стояла, держа фонарь, и, разглядывая карту, что-то быстро объясняла Карлосу и Рiku. Капитан кивнул женщине, глянул по сторонам и жестом подозвал двоих матросов.

– Возьмите по пять человек, и обследуйте северный и восточный коридоры. Если все в порядке, оставайтесь там. Рассредоточьтесь. На глаза не лезьте. И помните о мысе Джоан. Вы должны быть там вовремя, ждать не буду.

– Мыс Джоан? – переспросил Эльсвик вполголоса, рассматривая подземные галереи со смесью страха и любопытства.

– Нам это не понадобится, – так же тихо пояснила Ирис. – Но вообще-то, это место к востоку от бухты «челюсти», милях в четырех отсюда. Такая длинная и плоская отмель, она выдается далеко в море. Там место сбора отрядов Карлоса и Дерек. Если что-нибудь случится, нам тоже нужно пробираться туда.

– Что может случиться?

– Я не знаю, – пожала плечами девушка, – многое может случиться.

– Скорее, – поторопил голос Рика, – мы должны занять этот лабиринт полностью. Если Волк сунется сюда, мы должны знать, где его встретить. Порох?

– Здесь, капитан, – отозвался Дерек, пробираясь вперед.

– Отлично, – кивнул Рик, – Карлос, ты здесь первый после Бога. Твоя задача – надежная эстафета. Всех связанных будешь принимать сам. Ко мне пришлешь матроса только в одном случае...

– Я помню, – кивнул Карлос. – Не беспокойтесь, Люцифер.

– Коломба, – Рик повернулся к женщине, которая все время шла впереди, – вы здесь хорошо ориентируетесь?

Она кивнула, торопливо прибирая волосы.

– Тогда вперед и побыстрее. Ведите главный отряд. Я вас догоню.

С десяток матросов отделились от остальных и углубились в один из боковых штреков. Ирис проводила их глазами и тихо шагнула к стене. Прислушалась.

– Подземелья нам все равно не удержать, – донесся до нее приглушенный голос Рика, – слишком мало людей. Поэтому не жди, появится ли Волк. Убедишься, что в восточной галерее чисто – и поджигай шнур.

– Стоит ли отрезать дорогу? – с сомнением произнес Карлос.

– Стоит, – перебил Рик, – все равно, вынести из подземелий Большой Приз на остров, кишачий людьми Волка и Керби... Поверь мне, друг, это будет самый дорогой в истории способ самоубийства. Включая ту ее часть, о которой ты не знаешь.

Свет от фонаря метнулся вперед, чуть не выхватив Ирис из мрака, она качнулась назад, уперлась ладонью в стену... Стена пещеры сочилась влагой.

– Капитан Рик, – робко позвала она.

– Я здесь.

– Ах... – вырвалось из ее груди.

То, что происходило в пещере, пугало ее все больше и больше. Она не знала гор, но голос предчувствия звучал в ней, как колокол в тумане – отчетливо и тревожно: «Не доверяй». Что-то было не так с этой незыблемой толщей.

– Вы уверены, что ваш план с «Воскресением» сработает, – спросила Ирис, когда они почти бегом продвигались по узкому штреку, догоняя остальных. Дорога плавно, но неуклонно поднималась.

– Бог его знает, – отозвался Рик, подсвечивая фонарем и прислушиваясь. К чему? – Когда на кону такие ставки, я вообще ни в чем не уверен. Я лишь надеюсь, что Леди Удача будет к нам благосклонна. Один хмурый взгляд этой дамы, и все наши тщательные приготовления окажутся ни к чему.

– Не любите, когда все зависит от женщины? – поддела Ирис.

– Смотря, какая женщина, – без улыбки ответил Рик, – этой я доверяю.

Они догнали отряд и теперь двигались гораздо медленнее. Впрочем, идти быстрее не было никакой возможности. Чем выше поднималась тропа, тем сильнее была разрушена порода. Все чаще попадались щели, которые приходилось перепрыгивать, обмирая от страха. Ирис слышала журчание. Подземные ручьи, успокаивала она себя, ничего страшного. Один из таких «нестрашных» ручейков весело сбегал прямо по стене. «Пол» и низкий свод сжимали их, будто тиски. Пахло сыростью и отчего-то мышами, но ни одного пещерного жителя девушка не заметила. Хотя следы их пребывания встречались довольно часто...

Неожиданно отряд опять остановился. Узкий коридор пересекала глубокая и широкая расщелина, похожая на пропасть. Где-то внизу бормотала, перекатываясь по камням, подземная речка. Люди растерянно переглядывались. К Рику протиснулась Коломба, встревоженная не меньше других.

– Я не знаю, откуда взялась эта щель, – торопливо проговорила женщина, – на карте она не обозначена, и отец мне ничего не говорил про нее. Заблудиться мы не могли, все остальные приметы сходятся, я просто не знаю, что и думать!

– Прошло двадцать лет, – Рик пожал плечами, – это большой срок, Коломба.

– Боюсь, мы не сможем перебраться, – неуверенно проговорила женщина.

Ирис вспомнила разговор, не предназначенный для ее ушей. Через несколько минут или часов, когда Карлос закончит разведку восточной галереи, ведущей к острому и плоскому, похожему на утиный клюв мысу Джоан, прогремит взрыв. И они окажутся отрезанными от мира. Если, конечно, эта жуткая толща камня не рухнет им на головы. С изумлением девушка поняла, что, пожалуй, не слишком испугана. Рик доверял Леди Удаче. Ну, а она доверяла Рику. Ирис нашла глазами капитана. Он не был похож на человека, сраженного отчаянием. Случайно его взгляд остановился на девушке. Он улыбнулся и неожиданно подмигнул. Коломба подняла фонарь, и Ирис заметила в руках капитана моток тонкого, прочного троса. А на конце – маленький трехлапый якорек – кошку.

– Куда вы исчезли, дорогая? Я беспокоился, – прошептал вдруг в самое ухо

встревоженный голос Эльсвика.

– Я здесь, – коротко отозвалась Ирис.

У нее не было желания выслушивать банальные нежности, ей было интересно, что собирается делать капитан, но спины матросов закрыли ей свет, и она со вздохом повернулась к Эльсвику.

– Мне не нужна нянька, Джордж. Я уже взрослая.

– Интересно, чем ему поможет эта веревка... – отозвался он невпопад, – если он еще найдет, где ее закрепить.

– Найдет, – ответила девушка с непоколебимой уверенностью, и это вновь странным образом расстроило графа.

Впереди наметилось какое-то движение, и девушка сообразила, что Рик все-таки устроил переправу.

Якорь зацепился за утолщение в потолке, похожее на карниз. Вроде крепко. Несколько человек изо всей силы потянули его на себя. Якорек шевельнулся, но выдержал. Рик намотал на руку тонкий трос, еще раз дернул и, оттолкнувшись, стремительно перелетел на другую сторону. Якорь качнулся, мерзко скрипнул по камню... Но устоял. Люди в пещере перевели дух.

Матросы переправлялись быстро. Скоро остались лишь Мак-Кент, Коломба, граф Эльсвик и Ирис Нортон.

Харди изобразил «светскую» улыбку, подал руку женщине и церемонно подвел ее к расщелине. Коломба натянуто улыбнулась:

– Не выношу высоты.

– Закройте глаза, – посоветовал Мак-Кент, привычной рукой перехватил трос, крепко обнял Коломбу за талию и... в следующую секунду уже отпустил ее по другую сторону щели.

Поймав трос, Джордж обернулся к невесте.

– Эльсвик! – голос капитана чуть не заставил его выпустить трос. Рик, махнув рукой Коломбе, чтобы вела отряд, вышел на край расщелины. – Переправляйтесь сами. О мисс Нортон я позабочусь.

– Прошу прощения, капитан, я сам в состоянии позаботиться об Ирис, – Джордж слегка опешил, но быстро пришел в себя и ошетинился. – Насколько я знаю, меня пока не разбил паралич.

– Ну, значит, это скоро случится, – негромко отозвался Рик, – если судьба не будет милосердна и не убьет вас сразу. Простите, Эльсвик, но я видел ваши руки. Вам не удержать ее...

– Вы что, шутите? – Ирис решительно взяла трос из рук жениха, обмотала кисть и, резко оттолкнувшись от края, качнулась над пропастью. Ноги, обутое в морские сапоги мягко и цепко приземлились на краю расщелины, тело единым, слитным движением восстановило равновесие. И в следующее мгновение она уже стояла, насмешливо улыбаясь обоим.

– Молодец, – сдержанно похвалил Рик.

Она лишь пожала плечами и фыркнула:

– Тоже мне подвиг.

– Ваша очередь, милорд, – неожиданно для себя Рик рассмеялся и бросил трос графу.

После расщелины коридор круто поворачивал вправо и уходил вверх.

За очередным поворотом неожиданно случился небольшой затор. Люди Рика столпились у небольшой ниши в стене, похоже, естественного происхождения.

– Что здесь? – нетерпеливо спросил Рик, подходя.

– Похоже, могила, сэр, – отозвался кто-то из матросов.

В нише и впрямь был сложен аккуратный холмик из плотно пригнанных камней, а над ним, на гладкой стене, выбит крест и кривоватая надпись: «Фредди Две Сотни».

– Что это значит? – спросила Ирис, не больно-то рассчитывая на ответ. Но ей ответили.

Пожилой моряк потер переносицу и хмуро сказал:

– Плавал такой... Сначала с Морганом, потом сам по себе. Звали Фредди Две Сотни. За то, что он, якобы, собственноручно застрелил, утопил и вздернул две сотни человек. И про могилу его на Карибах знают, только вот не знали – где. Говорят, дух его не может успокоиться, пока не найдет того, кто займет его место.

– То есть сможет укокошить три сотни? – недоверчиво хмыкнул Дерек.

– Этого я не знаю, – развел руками моряк.

– Время дорого, – поторопил Рик, – если кто-то хочет положить сюда венок, сделает это потом.

Пираты заторопились вперед, вслед за капитаном. Судя по карте, сказочное сокровище лежало в нескольких ярдах.

Ирис Нортон не оставляли тревожные предчувствия, и, похоже, не зря. Под ногами «искателей сокровищ» закрипел щебень. Потом стали попадаться камни покрупнее. Леди заторопились.

Через несколько шагов они уперлись в стену. Факела высоко поднятые над головами тут же выявили узкую щель и разбросанные по сторонам камни. Все это выглядело так, будто...

– Здесь кто-то был, – старый пират в надетой прямо на голое тело кожаной безрукавке, первым протиснулся в щель.

– Кто-то до нас, – мотнул головой Дик Вольнер.

– Мда... – загадочно протянул Харди Мак-Кент, – не хорошо.

Послышался сдержанный возглас и через несколько секунду из щели вылез старый пират. Дышал он тяжело.

– Ну, что там? – чуть не в один голос спросили его товарищи.

Он деловито выудил из-за пояса плитку табаку, пожевал и невозмутимо сплюнул. И только потом соизволил посторониться и объяснить:

– Сокровища здесь. Пять сундуков. Один – открыт.

– Надо расширить проем, – коротко распорядился Рик.

– Подорвать?

– Ты с ума сошел, – рявкнул капитан на подчиненного, – нас тут завалит. Разбирайте руками и живо.

Эльсвик дернулся было вперед, но устыдился чего-то и остался на месте. Пираты, один за другим, принялись за дело. Работали споро и минут через двадцать все камни были разобраны. Справа и слева оставалась только глыба монолитной плиты. Проход оказался достаточно широким, чтобы человек мог спокойно пройти и даже расправить плечи.

Джеймс на правах капитан первым прошел вперед.

Не было ни восторженных воплей, ни хлопанья по спине, ни безумных глаз. Наверное, только Рик, знавший своих людей как облупленных, заметил неестественную скованность движений и деревянные шеи и плечи. Пираты были сражены наповал.

...Он уперся ладонями в края сундука и заглянул внутрь. Туда, где теплой желтой волной лежали испанские дублоны. Светлая прядь волос упала на лицо. Он ее не отбросил, похоже, даже не заметил. Рик глядел и не видел полновесного звонкого чуда под руками. Черты лица закаменели. Зеленые глаза казались слепыми.

– Теперь понятно, откуда взялась эта трещина, – проговорил он, наконец, – и почему нам не пришлось откапывать сундуки. Их нашли до нас. Все правильно. Когда карта Ферье попала мне в руки, я тоже первым делом срисовал копию. Стоило предположить, что и он до этого додумается...

– Волк? – спросил Эльсвик, освобождаясь от гипнотического действия сундука с золотом. – Здесь засада?

– Это не Волк, – Рик выпрямился, обвел взглядом свой отряд, но не улыбнулся. – Волк ничего не знает. Он шарит вслепую, надеясь, что кто-нибудь из нас возьмет в руки клад, а он

окажется поблизости и сумеет урвать кусок.

– Тогда кто? – резко спросил Мак-Кент. – Кто сбил замок на сундуке, и почему, черт возьми, он не унес золото?

– А он унес, – отозвался Рик, – сколько смог.

– Кто это был? – потребовал Харди, но Рик по своему обыкновению лишь качнул головой.

– Есть один тип... Впрочем, вас это не должно беспокоить, Харди. Этот человек, кем бы он ни был, не связан с людьми Волка и Керби. Он – сам по себе. Он не сможет нам помешать, и кто он такой, и где он сейчас, и что собирается делать дальше, не должно волновать никого, кроме меня.

– Вы говорите так, словно хорошо знаете его, – произнесла Коломба.

– Знаю. Но это не касается никого из вас. Это – семейное дело, – сказал Рик, подводя черту под разговором.

Он отошел, потер ладонями плечи, словно от холода, хотя в тесной, похожей на склеп пещере было, скорее, жарко. Увидел Ирис, неподвижную и молчаливую.

– Интересное зрелище, – усмехнулся он, – я еще не видел своих людей в таком волнении. А мне казалось – я их хорошо знаю.

– А вас это зрелище, похоже, не радует, – задумчиво произнесла она.

– Отчего? Я – обычный человек, со слабостями. Люблю все красивое. А пять сундуков с сокровищами – это очень красиво.

Он рассмеялся, но без ехидства, добродушно.

– Почему вы все время смеетесь над собой? – спросила она.

– А что мне еще делать? Рыдать? Поверьте, Ирис, я бы рыдал, если бы мог. Но свои последние слезы я пролил шесть лет назад. В тот день, когда погибла Эдит, а я... ничего не смог сделать. С тех пор я уже не плакал, и это очень плохо. Потому что тот, кто не может проливать слезы, будет проливать кровь. Свою и чужую. И я пролил потоки крови.

Его голос был тихим и странно-завораживающим. Но при последних словах Ирис невольно вздрогнула.

– Вам холодно? – спросил он.

– Нет.

– Конечно, нет. Вы испуганы. Я испугал вас, милая девочка? Я ведь страшен, Ирис. Раньше вы не думали об этом? Подумайте, – предложил он и отошел, оставив ее в состоянии, близком к столбняку.

В этот момент из темного коридора появился Дерек, слегка запыхавшийся. В свое время этот мальчик интриговал Ирис. Если Дэнни Расвен был правой рукой капитана, то Дерек Харрисон, без сомнения, был левой.

Юный и мягкий, совсем не похожий на корсара, он, однако, сумел снискать славу в этих водах, где ценилось отнюдь не умение повязывать галстук, а совсем другие качества.

Сейчас он добавил еще одно слово в легенду о себе, бросив лишь короткий равнодушный взгляд на открытые из-под обломков сундуки. Казалось он, подобно самому Рику, не подвержен золотой лихорадке.

– Восточный коридор свободен, – доложил он, – людей Волка поблизости нет, но очень далеко мы не заходили. Кастильяно подготовил взрыв и ждет лишь вашего слова.

– Вовремя, – Рик облегченно рассмеялся и потер ладони. – Теперь начнутся танцы. Коломба!

Женщина подошла, передав корабельный фонарь матросу.

– Вам пора. Встретимся на мысе Джоан. Надеюсь, скоро. Вас проводят. Желаю удачи, графиня. И вам и всем нам. Видит Бог, она нам необходима. Ирис, вы не передумали?

– Нет, – коротко отозвалась девушка.

– Тогда за работу. Времени у нас совсем нет.

Второй выход из пещеры был основательно завален камнями и обломками породы.

– Куда он ведет? – спросила Ирис, пытаясь прикинуть на местности то, что она видела

на карте Ферье.

- Наружу, – откликнулся Рик, разбирая бухту толстого каната.
- Но мы не могли выйти на вершину скалы?
- Конечно, нет. Но мы довольно высоко.
- Насколько высоко? – настаивала Ирис.

В это время что-то глухо рвануло под ногами, скала вздрогнула, мелкие камешки посыпались вниз и защелкали по полу. И все стихло. Они были отрезаны от выхода из подземелья, от своих матросов, от «Фортуны»... И от трех сотен Волка и Керби. Карлос обрушил коридор, создав надежную преграду, и обезопасил отряд Рика от удара в спину. Теперь у запертых в подземелье был только один путь – вперед.

Когда в пещеру просочились первые солнечные лучи, Ирис заметила усталость и напряжение на знакомых лицах, капельки пота, лихорадочный блеск в глазах. Невольно она подумала, что, наверно, вот так выглядела сама, когда диктовала условия одному из самых жестоких пиратов Карибского моря. Пожалуй, только сейчас Ирис сообразила, в какую отчаянную игру они играют и как ничтожен их шанс остаться в живых. Она внимательнее всмотрелась в лица корсаров, ища признаки страха или неуверенности. Но матросы Рика работали спокойно и слаженно, и скупой точности их движений могли бы удивиться матросы королевского флота.

После мрака подземелий яркий дневной свет и прозрачная голубизна неба показались нестерпимыми. Площадка была узкой и длинной. За спиной возвышалась почти отвесная каменная стена. Над головой с пронзительными криками кружили потревоженные чайки. А внизу, на серебристом зеркале лагуны застыли «бронзовая» «Фортуна» и пузатая бригантина «Воскресение Христово». Отсюда они казались игрушечными. Ирис ахнула и отпрянула, пытаясь вжаться в скалу. Она и не предполагала, как высоко завели их коридоры подземелий.

– Не стойте на виду, – Рик осторожно выглянул из-за естественного выступа, похожего на бруствер. Сощурился, пытаясь что-то высмотреть на палубе «Фортуны». С минуту он разглядывал свой корабль, потом шумно выдохнул, скучно и без фантазии выругался и опустился на камни, прислонившись к скале.

– Что случилось? – Эльсвик вылез из пещеры, бросил короткий взгляд вниз и такой же тревожный – на Рика. Капитан молчал. Он молчал не так уж долго, но молчание было тяжелым, и отчего-то ни Ирис, ни Джордж не решились его прервать.

– Ладно, – сказал он, наконец. – Ничего непредвиденного не случилось. В любом случае, нам нечего делать на этом острове. А времени у нас совсем нет. За работу!

Он встал во весь рост, вышел на площадку и махнул рукой. Через пару минут с «Фортуны» спустили шлюпку, и она полетела по гладкой спокойной воде к подножию скалы.

– Канат, – скомандовал Рик. – Сложите вдвое.

Девушка отступила, чтобы не мешать, и в который раз поразилась, как ловко и слаженно работают корсары. Рик не повторял своих коротких приказов дважды, а чаще – вообще обходился без слов, и его команда беспрекословно подчинялась жестам. Канат, сложенный для прочности вдвое, был закреплен на выступе. Концы сбросили вниз, где их приняли на шлюпке. Шлюпка тут же начала движение назад к судну, где матросы, ухватив концы каната, накрепко привязали их к грот-мачте.

– Сундуки?

– Все готово, капитан, – ответили из пещеры. Лохматая голова корсара высунулась на солнечный свет, сощурилась. – На счет того сундука, который открыт... Сомневаюсь я, капитан.

– Значит, пойдет последним, – решил Рик, оценивая глазами длину и прочность канатной дороги, протянутой из их «гнезда» на «Фортуну». – Давай их сюда. По одному.

Ирис невольно закусила губу, ладони сжались, комкая манжеты, когда огромный дубовый, окованный железом сундук перевалился через край и закачался на провисшем

канате. Несколько томительных мгновений он висел неподвижно, потом медленно, рывками съехал на несколько ярдов и вдруг, словно освободившись, стремительно заскользил вниз. Когда он достиг «Фортуны» и скрылся из глаз, все на площадке, как по команде, выдохнули. Двое корсаров вытерли о штаны вспотевшие ладони.

– Вот ведь, стерва, доехал-таки, – высказался один из матросов, недоверчиво качая лохматой головой.

– Второй, – лаконично скомандовал Рик.

Он казался настолько отстраненным от всего происходящего, будто был за тысячи миль от скалы-трезубца, от «Фортуны» и от Большого Приза. Ирис могла только догадываться, какая высокая степень сосредоточенности скрывалась за этой отстраненностью.

Кивнув одному из матросов, чтобы тот занял его место, он сошел с узкой площадки и, пригнувшись, нырнул в полумрак пещеры.

Двое матросов пытались обвязать веревками сундук со сбитым замком. Похоже, кое-что у них получалось. Ирис не расслышала их разговора, да и не пыталась. Глаза ее были прикованы к очередному «золотому сундуку». Харди Мак-Кент что-то втолковывал Эльсвику. Девушка прислушивалась к звукам, которые, кроме нее, наверное, не слышал никто. И чем дальше, тем больше ее пугали эти неуловимые звуки. Казалось, что там, на глубине, в монолитной толще камня происходит какая-то работа, словно кто-то очень большой и неуклюжий затеял перевернуться на другой бок, и, ни дать, ни взять, осторожно разминает мышцы...

Услышав рядом сдавленное ругательство, она вздрогнула и поспешно обернулась к лагуне. Последний пятый сундук, тот самый, обвязанный веревками, застрял на канате. Он медленно покачивался над острыми зубами рифа и серо-зеленой водой, не двигаясь с места, и было похоже, что он провисит так до страшного суда. Ирис смотрела на него неотрывно и в какое-то мгновение поймала себя на том, что пытается подтолкнуть его взглядом, мыслью, волей.

– Может, слазать? – предложил кто-то из горячих голов Рика. – Я быстро.

– Подожди, – негромко осадил капитан. Он стоял, вцепившись взглядом в натянутый канат и, похоже, чего-то ждал. Внезапно канат шевельнулся. Еще раз. Видимо, на «Фортуне» потеряли терпение.

– Идиоты, – в голосе Рика прозвучало презрение.

Внезапно сундук зашевелился и съехал примерно на пол-ярда. И снова застрял. Канат задергался сильнее... и вдруг, со звоном перетянутой струны, лопнул, метнувшись в воздухе стремительной змеей. Ирис испуганно отшатнулась, и в следующую секунду снизу долетел громкий всплеск.

– Доигрались, господа флибустьеры, – со зловещим спокойствием произнес Рик в полном молчании.

И в этот момент громовой раскат встряхнул скалы, левый борт «Фортуны», ближе к корме, окутало белое облачко порохового дыма и полновесное ядро врезалось в скалу, рядом с площадкой. Посыпались камни, чайки совсем взбесились, в панике мечась над трезубцем. А Ирис Нортон с ужасом ощутила, что незыблемая скала вроде бы присела...

Рик дернул ее за руку и резко толкнул назад, заслоня собой. И вовремя. Второе ядро угодило точно туда, где только что стояла девушка. Часть площадки обрушилась вниз, увлекая за собой двух матросов, их короткий крик затих раньше, чем Ирис сообразила, как близко ударила смерть. Пещеры больше не было.

– Вниз! – приказал Рик. – Все в воду. Лезьте на скалы и уходите берегом. Не пытайтесь взобраться на борт!

– Черт возьми, как им удалось так высоко задрать стволы? – чертыхнулся Харди ныряя за камень.

Его вопрос так и остался без ответа, хотя Рик подумал о том же самом. Да и что толку было в рассуждениях, когда факт был на лицо. Пушки ЕГО «Фортуны» посылали ядра под

очень острым углом.

Полуоглохшая, перепуганная, девушка приткнулась к каменной стене, пытаясь совсем вжаться в скалу.

– Ирис! – Рик поднял ее на ноги и с силой встряхнул. – Придите в себя. Нужно немедленно убираться отсюда!

От площадки остался лишь крохотный выступ. Глянув вниз, Ирис почувствовала головокружение. Головы матросов Рика, которые уже барахтались в воде, были похожи на булавочные головки. А острые камни казались торчащими из воды ножами.

– Капитан Рик, вы определенно сошли с ума, – со страхом проговорила Ирис, – я не буду туда прыгать!

– Мне некогда вас уговаривать, – Рик шагнул к ней, но она вскинула ладони и вдруг завизжала тонко и пронзительно.

Он дернул ее к себе, сжал в железных объятьях так, что перехватило дыхание, и она замолчала, хватая воздух ртом, как рыба.

– У нас нет времени! – крикнул Рик в белое лицо девушки. – Совсем нет!

– Я боюсь... – прошептала она.

– Не бойтесь. Я буду рядом. Здесь не так высоко, – он отпустил ее и протянул руку.

Мгновение она глядела на него странным взглядом, потом слабо улыбнулась и вложила тонкую руку в его ладонь.

Зеленоватая вода лагуны разбилась со звоном, погасившим все мысли. Какое-то время она парила между небом и землей, в блаженном покое желая, чтобы это никогда не кончалось. Но потом какая-то грубая и жестокая сила схватила ее за волосы и поволокла вверх. Солнечный свет ударил по глазам. Ирис закашлялась, пытаясь выплюнуть воду. Мокрая одежда потянула ее вниз. Кто-то поддержал ее, потом она сама развела воду руками, вдохнула и почувствовала себя увереннее.

– Пустите меня, Рик, – хрипло выговорила она, – я умею плавать. А где Джордж?

Ирис закрутила головой, разыскивая Эльсвика, но заметила лишь кого-то из корсаров. Его голова виднелась над водой почти у самых скал.

Прозвучал сухой треск, словно сломали ветку. Матрос вздрогнул, взмахнул руками, и голова исчезла из вида, только зеленоватая вода окрасилась алым.

Быстрая шлюпка вынырнула из-за камней. Гребли двое, а четверо пиратов азартно стреляли, правда, чаще мазала, чем попадала в цель. Несколько секунд Ирис видела ее борт, потом шлюпка развернулась носом и полетела по воде прямо на них.

– Мы пропали, – обреченно выдохнула девушка.

– Еще нет!

Ирис попыталась развернуться, чтоб заглянуть в лицо Рика и узнать, что означает этот странный ответ. Но было уже поздно. Весла вынырнули из воды совсем рядом, взлетели вверх. Ирис сжалась, ожидая выстрела и смерти, но неожиданно крепкие руки схватили ее под мышки и втащили через борт в шлюпку.

– Рад видеть вас снова, леди! – голос показался ей знакомым. Она подняла голову и встретила со светлыми глазами Керби Клейна. Он оглядел ее с головы до ног и неожиданно сообщил, – а вы стали еще красивее. Определенно красивее!

* * *

Когда стены пещеры содрогнулись от взрыва, устроенного Карлосом, Ричмонд Кларк спокойно спал в нише одного из боковых ответвлений, рассудив, что это самое безопасное место на всем острове. Все будут так заняты сундуками с золотом и попытками отнять их друг у друга, что никому и в голову не придет разыскивать по пещерам одного человека.

Честно говоря, куда-то идти и искать какое-то еще убежище у него просто не было сил. Ночь и впрямь получилась деятельная. Разобраться с картой старого пирата оказалось даже не половиной дела. Часа полтора, если не больше, он лазал вдоль скалы, ощупывая каждый

дуюм, пытаюсь отыскать вход в пещеру, который, черт его возьми, должен был быть где-то здесь. В конце концов, он наткнулся на него почти случайно, бурно обрадовался. Как оказалось – рано. Пещера оказалась большой и разветвленной, и как в ней ориентироваться, карта говорила довольно туманно и иносказательно. Видно, Ферье ничуть не обольщался по поводу своих душеприказчиков. Здесь был еще какой-то секрет, и Ричмонд с неудовольствием подумал, что, скорее всего, известен от только Рику... а может быть вообще лишь покойной Коломбе. Мысль о том, что в этом случае конкуренты тоже черта лысого получают, утешила мало. Кларк хотел золота, а не позлорадствовать. Нет, позлорадствовать, конечно, тоже неплохо, но лучше это делать сидя в удобном кресле, в библиотеке собственного особняка, подписывая финансовый отчет от управляющего помещением... чем замерзая где-нибудь в сточной канаве. У нищих смех над богатыми и преуспевающими получается плохо и неубедительно.

Оставил ли Ферье какой-то знак? Судя по его любви к такого рода играм, знак должен был быть обязательно. Но просто бегать по пещере и пытаться долбить все подозрительные ниши – так этим можно заниматься до страшного суда. Должна быть какая-то подсказка. Что-то, что мог заметить и понять только человек, хорошо знавший, как работала голова удачливого пирата. К сожалению, сам Ричмонд в друзьях у знаменитого французского флибустьера не ходил, его «Конь» даже близко не подплывал к этой компании... за исключением того раза, когда Кларк завладел картой.

Как далеко могла тянуться пещера? Этот вопрос мог стать жизненно важным. Масляный фонарь, который так обрадовал Ричмонда, давал ему в лучшем случае два-три часа. Чуть дольше могли служить свечи. На одну ночь хватит, но что, если он, спаси Господь, заблудится? Шансы выхода из сложного и разветвленного подземелья без света равны нулю, это Кларк понимал очень хорошо, не смотря на то, что в таких переделках еще ни разу не был.

Что мог знать о пещерах Ферье? Возможно, не больше Кларка, и тогда клад спрятан где-то на центральной линии, вряд ли у него хватило ослумия углубляться в боковые штреки, рискуя остаться там навсегда. Ферье хотел обеспечить будущее единственной дочери, а не устраивать себе и своим компаньонам гробницу фараона... Но он мог быть и знатоком. Тогда клад спрятан где-нибудь на другом уровне, и ведет туда запутанная система ходов, в которых Кларку ни за что не разобраться. Из какой части Франции родом мерзавец? Ричмонд напряг извилины, и, побуждаемый древней как мир жаждой все-таки повторил подвиг студентов – умудрился вспомнить то, чего никогда не знал. Родиной знаменитого флибустьера была Бретань, местность равнинная. Конечно, мог он приобрести познания гораздо позже, скитаясь по свету, но Кларк положился на чутье: в критические моменты человек, как правило, следует привычкам, усвоенным с детства. Клад был где-то здесь. Оставалось лишь положить левую руку на стену и двигаться вперед, отмечая повороты на стенках копотью от свечи. Фонарь Ричмонд решил приберечь.

Он углубился в пещеру, полный недобрых предчувствий, и, после первой же развилки понял, что инстинкты не врут: это было одно из самых опасных предприятий в его жизни. Рисуя на стене заметный лишь ему значок, моряк оглянулся назад, и сделал неприятное открытие: вид, который открылся его глазам, выглядел совершенно иначе, чем тот, что он видел, шагая вперед. И если бы он не оглянулся, то потом, возвращаясь обратно, ни за что не узнал бы эту развилку, настолько под землей все было по-другому. Взяв эту странность на заметку, Ричмонд постановил: на каждой развилке обязательно оглядываться.

Примерно через полчаса его ждал еще один крайне неприятный сюрприз. Обычно у Кларка не было проблем с ориентированием, он всегда мог сказать, где закат, а где встает из-за горизонта созвездие Южного Креста. Заблудиться в лесу, сколь угодно густом, было для него немыслимо: скажите, каким образом это можно сделать, если сквозь кроны хоть иногда просвечивает небо, кругом деревья, а ручьи и реки подобны указателям на карте? Но после трех поворотов под углом он вдруг понял, что совершенно потерял чувство направления, и понятия не имеет, в какой стороне вход. Это стало сильным потрясением... Но все же не

таким сильным, чтобы все бросить и вернуться. Пожав плечами, моряк двинулся вперед.

Из живности ему пару раз встретились летучие мыши, да раз пропел пещерный сверчок.

Через пару часов Ричмонд понял, что сошел с главной дороги и заблудился. Попытка вернуться заняла еще час. Он справился, но, глядя на тающий запас свечей, впервые испытал неуверенность в благополучном исходе своего приключения.

В конце концов, его упорство и бесстрашие, похоже, понравились здешнему пещерному богу и на нужное место он попросту наткнулся. Совершенно случайно. То, что это именно оно и есть, Ричмонд понял сразу: укрытый в глубине грот, наглухо заваленный камнями – карта, то ли слишком хитрая, то ли просто бестолковая указывала именно на него. Оставалась сушая мелочь – отвалить голыми руками всю эту гору и взять Большой Приз.

Ричмонд аккуратно затушил свечу и зажег фонарь. Пещера озарилась теплым желтым светом, стали видны мощные каменные навесы на стенах, высокие, нервно изломанные своды грота, уходящие в темноту коварные штреки.

Стена из камней выглядела солидно и могла внушить к себе уважение даже у такого человека, как Кларк. Нечего было и думать процарапать ее ногтями. Эх, если бы у него был порох. Скорее, подошел бы бочонок.

Вспомнив о том, сколько бочонков пороха пошли на дно вместе со злополучным «Конем» Кларк скрипнул зубами. Ну вот какая от них польза на дне морском? И что стоило догадаться хоть один прихватить с собой в шлюпку, ведь проходил же мимо! Пустое... С таким же успехом этот порох мог бы лежать в Лондоне, или на Луне.

Но было бы глупо, пройдя так много, потерять корабль, разгадав загадку карты, отыскав в хитросплетениях подгорного лабиринта нужное место, просто повернуться и уйти. Сейчас он не думал о возвращении. Не думал, как сможет вырваться с острова. Золото! Его мысли были заняты только Большим Призом.

При свете фонаря еще раз внимательно обследовав каменный завал Кларк сообразил, что стены пещеры не везде одинаковы. В основном они представляли собой несокрушимый монолит, но кое-где влага размывала в них трещины. А на самом краю преграды он увидел довольно широкую трещину. Кларк поднял фонарь выше.

– О, боги! – улыбка радости исказило его лицо.

Фортуна улыбнулась ему в ответ. Эта часть стены была явно рукотворной – камни закрывали проход, но трещина несколько развалила кладку. Отставив фонарь Ричмонд принялся за дело. Камни в основном были не велики, вполне под силу даже одному мужчине. И все же у него ушло не менее часа, на то, чтобы расширить щель.

Он оттер пот со лба и довольный своим упорством, лицезрел достаточно широкую щель, чтобы суметь пройти. Ричмонд подхватив фонарь стал протискиваться вперед.

Он был здесь. Большой Приз – легенда Карибского моря, клад старого Ферье, приданое его без вести пропавшей дочери. Пять тяжелых, дубовых, окованных железом сундуков. Стояли себе у стеночки столько лет, и, без сомнения, простояли бы хоть до греческих календ. Ричмонд без сил опустился на один из них. Только сейчас он сообразил, как посмеялась над ним судьба. Он все нашел, всех опередил, он победил, но победа оказалась пирровой. Сундуки были слишком тяжелыми. Даже самый маленький из них Ричмонд не смог бы забрать с собой.

От жестокого разочарования этот бесстрашный человек заплакал. Он плакал долго, взхлеб, размазывая по щекам грязь и пыль: так плачут несправедливо обиженные дети, которым на ярмарке не достался леденец на палочке.

* * *

– Добро пожаловать, Рик. Рад приветствовать тебя на борту моего нового корабля.

Волк сидел на пустом бочонке, свесив ноги в высоких морских сапогах с видом владетельного монарха на троне. Сзади толпились особо приближенные, свита. А еще

дольше, у грота, прижавшись к нему спинами, полулежали два матроса Рика. Они были мертвы. Зарублены насмерть. Ирис помнила их имена. Один из них – седой морской бродяга Тревис три месяца назад заметил ее в воде и стал ее первым другом на «Фортуне». Эти двое лежали в кольце врагов, дорого заплативших за их жизни. Смотреть в ту сторону было мучительно, но Ирис заставила себя все разглядеть и все запомнить: застывшие глаза мертвецов, пятна крови на палубе, и сундуки с проклятым золотом, и довольные улыбки тех, кто остался в живых, больше похожие на гримасы. Потом она перевела взгляд на Рика, прикрученного к фоку. Сейчас капитан казался ей как никогда близким. Он не смотрел ни на нее, ни на Волка. Рик разглядывал толпу пиратов и, похоже, что-то соображал про себя.

А Джеймс уже увидел то приспособление, которое позволило ребятам Волка вести огонь по скале. «Молодцы – заметил про себя Рик.» Пираты соорудили под лафетами двух пушек высокие пандусы, которые задрали стволы к небесам и именно отсюда угощали его, его же стальными ядрами.

– Скоты.

– Что ты сказал? Эй, Рик! Добро пожаловать на Мою «Фортуну», – повторил Волк, сделав ударение на мою!

Услышав приветствие Волка, он, наконец, посмотрел на него и спросил.

– А что случилось с твоим старым кораблем?

Волк дернул жестким ртом, рука метнулась к пистолету, но пират сдержался.

– Мой добрый приятель Керби обещал, что ты будешь ползать на коленях, но я, честно говоря, сомневался, что увижу такое зрелище. Признаю, с кораблями ты поймал меня здорово. Придется ребятам попотеть, чтобы вытащить из бухты фрегат и мою «Королеву». Но зато они не будут скучать на этом прекрасном острове. Надеюсь, им не очень помешают твои матросы. Однако, как бы не обернулось дело, меня оно уже не касается.

– Ты решил оставить их здесь, чтобы не делиться кладом? – криво усмехнулся Рик.

– Как и ты. Ты ведь тоже рванул подземелье, чтоб отрезать свою драгоценную преданную команду. Это было немного не в твоём стиле, не так ли, Рик?

– Я бы на твоём месте был поласковее, – спокойно отозвался тот, – пригласил в гости, так угостил бы вином. Помнится, в каюте Дэнни было неплохое канарское. Да и веревки лучше развязать, а то ведь, гляди, обижусь.

– Да ты никак угрожаешь мне? – поразился Волк.

– Этот мальчишка ведет себя, как хозяин положения, – буркнул Керби.

– Почему бы нет? – Рик повел плечами, разминая мускулы, – клянусь твоей шляпой, приятель, у меня есть для этого основания.

– Какие, к дьяволу, основания? – осведомился Волк. – Золото у меня, «Фортуна» моя и твоя девка тоже у меня.

– Ну, если ты собираешься добраться до Тортуги вплавь, держа в зубах четыре сундука с золотом... тогда, признаю, я проиграл, – связанный Джеймс Рик открыто издевался над Волком и Керби и, похоже, получал немалое удовольствие. – Твои дела плохи, Волк, – продолжал он. – Ты заперт в этой бухте не хуже, чем вино в запечатанной бутылке. Никто из твоих парней не знает фарватера, так что можешь сесть на эти сундуки с золотом и спокойно ждать, когда твои люди поймут, что ты их надул. И придут сюда поквитаться. На этот случай я бы советовал тебе пошарить в сундуках. Там должны найтись отличные пистолеты. Ферье любил хорошее оружие.

Керби, красный от злости, шагнул к Рику, сжимая кулак.

– Назад! – рявкнул Волк. Он слез с бочки, плюнул на палубу, аккуратно растер сапогом. Взглянул на Рика.

– Вот так и от «Фортуны» мокрого места не останется. Если я поведу ее сам. А я поведу ее, Рик. И посажу на риф. А ты будешь смотреть, как тонет твоя драгоценная «Фортуна». Она же тебе ближе, чем собственная кожа!

– Ты не станешь рисковать Большим Призом, – проговорил Рик, и Ирис, стоявшая рядом, с ужасом почувствовала слабость в его голосе. «Не люби слишком сильно то, в чем

нет души». Она посмотрела в жесткое лицо Волка...

– Я рискну, – ответил пират.

Вот тут она поняла, что это был все-таки конец. Пауза затягивалась. Секунда. Другая. Ирис заставляла себя не смотреть на Рика.

– Рискуй, – с потрясающим спокойствием ответил он. – А я посмотрю, как гибнет на рифах ТВОЙ новый корабль с ТВОИМ золотом.

От этой ехидной реплики Волк позеленел. Рыба, уже, казалось, прочно сидящая на крючке сорвалась и уходила. Свита за его спиной глухо заворчала, кое-где руки, лежавшие на рукоятках бордажных сабель, потянули их наружу. Волк медленно развернулся на каблуках и властно рыкнул:

– Молчать! Вы, отродья дохлой медузы! Всех на нее вздерну!

Он подошел к Рiku и несколько секунд смотрел ему в глаза. Потом внезапно схватил Ирис за плечо и рванул к себе. Она не удержалась на ногах и упала на палубу. Керби вздрогнул. Голосом, сдавленным от ярости Волк произнес.

– Как насчет ТВОЕЙ девки? Или она тоже не твоя? Ну, да чья бы она не была, она умрет прямо сейчас, – Он потянул из-за пояса пистолет.

– Отойди от нее.

Керби шагнул вперед. Его пистолет смотрел прямо в грудь Волка, а в светлых глазах был мертвенный холод.

– Ты что, опился ромом? – недоверчиво проговорил Волк.

– Может быть, – ответил Керби. – Но это тебе не поможет. И пьяный, и трезвый я стреляю без промаха. Отпусти леди и отойди от нее на пять шагов.

– Да какая она, к дьяволу, леди? – опешил Волк, – она обыкновенная девка. Тьфу! Да хоть бы и леди! За свою долю ты купишь с потрохами любую герцогиню... даже две!

– Отойди от нее, – холодно повторил Керби, – и никогда больше не прикасайся. Золото можешь взять себе и спать на нем, но она – моя!

Ирис, удивленно подняла бровь. Она переводила взгляд с одного на другого с нарастающим страхом. Пиратские главари были похожи на двух псов, сцепившихся из-за кости. И все бы ничего, когда бы этой костью, не была она сама. Конечно, Ирис не считала себя дурнушкой, совершенно напротив. Это она знала на все сто и здесь и тогда, в своем театре. Поклонники были всегда, не так много как у Мэрилин Монро, но тем не менее... И сейчас, в этой недвусмысленной ситуации, ей стало не по себе. Ее делили, как добычу.

Оба пирата смотрели так, словно желали испепелить друг друга. Горячий воздух звенел от напряжения, казалось, что сейчас в палубу ударит молния. Но вдруг Керби судорожно глотнул, шагнул вперед, выпучив светлые глаза... и рухнул лицом вниз. В спине Клейна торчал нож, а чуть в стороне злорадно улыбаясь, стоял пират из команды Волка. Тот, отблагодарил подчиненного, коротким кивком головы.

Ирис медленно закрыла глаза.

– Отпусти ее, – голос Рика над ее головой прозвучал устало. – Отпусти ее, Волк. Я проведу «Фортуну». Развяжи меня.

– Давно бы так, – Волк широко перекрестился и сплюнул. Он кивнул одному из матросов и Рiku развязали руки.

Загремели отрывистые команды:

– С якоря сниматься. По местам стоять! Паруса ставить!

Свита Волка быстро растаяла. Противный визг лебедек, выбиравших якоря надолго перекрыл все остальные звуки. Рик растирал плечи ладонями. Волк не спускал с него глаз.

– Вы на самом деле хотели убить меня, святой отец? – тихо спросила Ирис.

– А вы думали, я шучу?

– Но ведь я спасла вам жизнь!

– И поступили глупо, – фыркнул Волк. – Если бы вы этого не сделали, сейчас меня бы здесь не было, и вы бы не имели кучи лишних неприятностей. Усвойте простую вещь: в драке за эту жизнь мы все одиноки. У нас нет друзей, нет родственников, есть конкуренты. А

от конкурентов надо избавляться. Вы, ведь, помните, дочь коммерсанта?

– Да. Это не Камелот, – кивнула Ирис. Услышав эту странную реплику, Рик обернулся и пристально посмотрел на нее. Но ничего не сказал.

– Поторопимся. У нас мало времени, – буркнул Волк, даже не пытаясь вникнуть в смысл загадочного замечания девушки.

Прищулив глаза, Рик смотрел на солнце.

– Это точно, – неожиданно согласился он. – Ты даже не представляешь, как мало.

– Что? – мгновенно насторожился Волк. – Дьявол! Какой еще козырь ты прячешь в рукаве?

Рик не успел ответить. Чудовищный грохот расколол воды лагуны, и рыжий язык огня взметнулся ввысь. Стоявшее неподалеку «Воскресение Христово», взлетело на воздух.

Ирис стремительно обернулась, но успела увидеть лишь серые клубы дыма, да неестественно медленно падающие с неба обломки палубных надстроек...

Бронзовая «Фортуна» легко качнулась на волне.

Волк опомнился на удивление быстро. Корсары еще глядели на горящий корабль, когда он снова схватил девушку и шагнул к фок-мачте.

– Ну? – отрывисто спросил он. – И что значит этот фейерверк?

– Они обе должны были прогореть примерно в одно время, – пожал плечами Рик. Он был очень бледен и неотрывно смотрел на пистолет в руке Волка.

– Отпусти ее, – вдруг попросил он, и Волк заметил крупные капли пота, блестевшие на висках Рика. – Пусть прыгает за борт. Она здесь не при чем. Это наша война.

– Где? – громким шепотом спросил Волк.

– В пороховом трюме, – так же тихо ответил Рик.

– Силы небесные! Кто-нибудь, в трюм! – завопил Волк. – Вытащите эту заразу! Мы все погибнем!

Это была последняя команда Волка, которую никто и не подумал выполнять. Его капитанство на «Фортуне» закончилось весьма стремительно. Услышав о mine в пороховом погребе, корсары с криками и ругательствами, посыпались за борт, как горох из вспоротого мешка.

Они выныривали и торопились поскорее отплыть от обреченного корабля.

Улучив момент, Рик резко прыгнул вперед. Левой рукой он схватился за ствол пистолета, а правой от души приложил Волка по морде. Корсар отлетел к мачте. Освободившись от хватки пирата, Ирис тут же отскочила в сторону. А Волк уж приподнял голову, его рука потянулась к поясу... Джеймс загородил собой девушку, резко развернулся и почти не целясь выстрелил. Не теряя драгоценных секунд Рик метнулся к противнику, вырвал у него из-за пояса пистолет. Миг он созерцал расплывающееся пятно крови на груди у Волка, а затем кинулся к трюму, запертому на замок. Волк что-то пытался сказать ему вслед...

Ирис завороченная быстрой развязкой шагнула вперед и заглянула в лицо умирающего.

– Я... бес... чтоб... – Волк силился из последних сил, но слова застряли в глотке.

– Я прощаю Вас, – тихо изрекла Ирис и молитвенно сложила руки на груди.

Меж тем Рик уже воевал с замком. Сначала он выстрелил в него, но это не помогло и Джеймс принялся лихорадочно колотить по железке рукояткой.

Ему с трудом удалось справиться с замком, но он открыл люк, и оттуда, как черти из табакерки, начали выпрыгивать матросы Рика.

* * *

– О чем вы задумались?

Карлос де Кастильяно граф де Сильва, услышав голос Ирис Нортон, оторвался от созерцания кильватерных струй и улыбнулся ей.

– Хороший ветер, – ответил он. – Языческий бог глубин Нептун любит Люцифера. При таком ветре мы уже сегодня вечером будем в Кюрасао.

– Вы думаете о Беатрис? Наверняка с ней все благополучно. Там ее брат, моя Мэри и Хосе, который, кажется, считает ее земным воплощением Девы Марии. Вам не о чем беспокоиться.

– Это не беспокойство. Это тоска, – откровенно ответил Карлос. – Лучше быть в аду, чем в разлуке с любимыми.

Ирис вздохнула и тоже уставилась на пенную струю. Она уже пожалела о начатом разговоре. Говорить о любви она не хотела. Эльсвик больше не заговаривал о свадьбе, но она понимала, что это лишь временная отсрочка. Очень скоро ей придется дать ответ. И не на вопрос «Да» или «Нет», а на вопрос «Когда». Мысль об этом мучила ее, как заноза под ногтем.

– Я думала о другом, – поспешно сказала она, сообразив, что ее молчание затянулось – Там, на острове... Я наблюдала за матросами. Они уходили из подземелья очень спокойно и собранно. Ни один не усомнился, что это необходимо. Как же надо было верить своему капитану, чтобы повернуться и уйти, зная, что в этот самый миг на «Фортуну» грузят золото! Пусть сплетники говорят о нем что угодно, Карлос, но он – благородный человек! Теперь я знаю это точно.

За спиной послышался негромкий смех.

– Слышали бы вас в Лондоне, – Рик подошел неслышно и теперь смотрел на смущенную девушку с добродушной иронией.

– Я... – она запнулась, отвела взгляд и неожиданно решительно произнесла. – Но почему я должна скрывать, что восхищаюсь вами?

– Не знаю, – улыбка Рика стала еще шире. Его, казалось, забавляет ситуация.

Карлос взглянул на них веселыми глазами и, объявив, что должен срочно увидеть Коломбу, предательски сбежал. Оставшись наедине с капитаном, Ирис смутилась еще больше. На щеках выступила краска.

– Я не знаю, почему вы должны вообще что-то скрывать от меня, – произнес Рик легким, дружеским тоном, разряжая молчание. – Как и я от вас. Мы вместе прошли по острию ножа, рядом со смертью. В большинстве случаев этого вполне достаточно для доверия. Только не думайте так много о моем благородстве. Уверяю вас, этой добродетели я за собой не знаю.

– Почему же тогда вы вернулись за своими матросами на мыс Джоан? – недоверчиво спросила она, – ведь, чтобы дойти до Тортуги, людей у вас хватало.

– Только не от избытка благородства, – рассмеялся Рик. – На деле все куда проще. У меня лучшая команда в Вест-Индии. А может и не только здесь. Эти люди ценность не меньшая, чем Большой Приз. Я знаю не одного и даже не двух капитанов, которые бы отдали правую руку, чтобы иметь такую команду.

– Вы... собираетесь... плавать и дальше? – сформулировала она, наконец. – Простите, я думала, что Большой Приз позволит вам всем бросить пиратство.

Рик стал внезапно очень серьезным.

– Вас смущает знакомство с пиратом?

– Господи! Ну, конечно, нет. Дело не в этом. Вы сами сказали – мы вместе прошли рядом со смертью, а такие вещи учат зоркости. Я узнала вас. И думаю, что неплохо. Что бы не говорили о вас другие, и что бы не говорили вы сами, я знаю, что могу гордиться этим знакомством.

– Теперь вы смущаете меня, Ирис, – заметил он шутливо. – Но если вас не задает мой сомнительный титул, тогда что?

– Вас могут убить, – сказала она то, что думала.

В памяти Рика тотчас всплыл ночной разговор после «военного совета», и он ощутил тревогу. Ниточка доверия, которая протянулась меж ними тогда, была еще слишком непрочной. Он знал, как опасно давать волю чувствам до того, как возникнет полное

понимание. И перевел разговор на другую тему.

– Возможно, вы знаете, а возможно, никто не удосужился просветить вас на эту деликатную тему, но я – приемный сын. Мои настоящие родители... очень далеко. Я верю, что они еще живы и все еще наверное надеются что их сын когда-нибудь вернется. Да и я собственно тоже хотел бы... Я все еще храню тот цветок.

– Цветок? – удивилась девушка.

– Да. Это странная история. Вы верите в предсказания?

– Во что? – девушка так удивилась, что корсар почувствовал себя неловко.

– Ну... в гадания.

– На кофейной гуще? Боже мой, конечно нет. Это все лишь ловкий способ заработать на нашем страхе перед будущим.

– Перед будущим? – Рик ухватился за это слово. Нужный разговор сам шел в руки, – А вы не боитесь будущего? Вы ведь тоже не можете его знать...

Она, казалось, колеблется. Рик замер, ожидая сногшибательного откровения.

– Ну, во всяком случае, не свое, это точно, – улыбнулась Ирис, – так что там с предсказаниями? Вам нагадали долгую дорогу, казенный дом и марьяжный интерес к бубновой даме?

Он помолчал, слушая, как журчит вода, и устойчивый бриз давит в паруса.

– Это было условие, которое я должен обязательно выполнить – сказал он, наконец. – Вас зовут Ирис. И я постепенно начинаю думать, что это именно вы – тот цветок, который я должен обязательно сберечь. Чтобы когда-нибудь вернуться домой.

– Домой... в Англию? – спросила она вполголоса, отчего-то робея.

Рик покачал головой. Его улыбка была очень странной. «Глупышка, она даже не догадывается, какая пропасть разделяет нас», – подумал капитан. Он больше не сказал ни слова, попрощался и ушел. Разговор не получился.

Глава десятая

Призрак

Карибское море, Золотой остров, июль 1686 года

...Отчаяние. У него много лиц. Иногда это бурный поток слез, чаще – каменное молчание, безмолвные клятвы из тех, которые легче дать, чем выполнить, тупое нежелание жить, череда мелких и крупных глупостей. Отчаяние может выглядеть и так, что сразу его не узнаешь.

Человека, который уже вторые сутки упрямо блуждал по подземному лабиринту, в полной темноте, практически, без воды, никто бы не назвал отчаявшимся. Он думал и деятельно искал выход, он строил планы на будущее, его движения утратили живость, но все еще были довольно энергичными. Но бывший капитан «Морского Коня» Ричмонд Кларк прекрасно понимал, что это – самое настоящее отчаяние. И впал он в него не тогда, когда погасла последняя свеча. И не тогда, когда, ошупью выйдя на главную дорогу, он наткнулся на тупик и сообразил, что ход был обрушен взрывом. И даже не тогда, когда потряс флягу и понял, что воды остается дай бог часов на двенадцать.

Ричмонд впал в отчаяние, когда понял, что Приз, который он отыскал и добыл, заберут другие. Те, кому он от души желал покоиться на дне морском.

...В неверном свете фонаря он смог лишь то, что смог: острым камнем сбил замок с сундука с самыми тонкими петлями. То, как он был закрыт, без слов говорило: здесь имущество, которое старый Ферье считал не слишком ценным. И верно: в сундуке оказалось несколько старинных, но не слишком редких пистолетов с серебряной инкрустацией, семь или восемь табакерок, довольно ценных, но не до такой степени, чтобы из-за них умирать, кое-какие дамские украшения: золотые, с красиво ограненными драгоценными камнями, но... пожалуй, на большой дороге где-нибудь в графстве Норфолк можно было взять добычу и посерьезнее. Ричмонд слегка воспрянул духом, когда на самом дне обнаружил россыпь

полновесных дублонов, пару кисетов с золотым песком и небольшими слитками и один с крупным жемчугом очень редкого, розового оттенка. Все это было гораздо меньше той доли, которую он надеялся взять. Вообще-то, в глубине души он надеялся взять все. Но судьба распорядилась иначе. Ричмонд без сожаления отцепил и бросил так и не пригодившиеся пистолеты, отрезал от сорочки широкую полосу и, соорудив подобие пояса, постарался сложить туда как можно больше дублонов. К сожалению, все не влезли. Остальное: песок, жемчуг и украшения он постарался рассовать по карманам. Вот и все, что досталось ему от Большого Приза.

Когда закончилась небольшая война в пещерах, и Ричмонд смог высунуть свой нос из укрытия, первым делом он проверил, не оставил ли кто факела или свечи. К сожалению, до рождества было еще далеко и такого подарка ему не сделали.

Самый просто выход: сквозь дыру в скале, головой вниз в воду, вслед за самой отчаянной братией Рика, был самоубийственным. С таким количеством спрятанного на теле золота вообще не плавают, с ним тонут. А бросить дублоны... Тогда уж проще жизнь свою, никчемную, бросить тут же. По крайней мере, в этом была хоть какая-то логика.

Он пробовал считать повороты, но быстро понял, что не в состоянии удержать в голове карту, которую мог нарисовать лишь мысленно. Вот если бы набросать на бумаге... Ток воздуха не ощущался даже у земли, хотя Ричмонд, наткнувшись на очередную развилку, каждый раз добросовестно ложился на пол и слюнявил палец. Без паники, но со все возрастающим отчаянием Ричмонд думал о том, что вполне мог пройти мимо выхода уже десяток раз – если на улице в это время была ночь, то света, проникающего в пещеры, он, конечно, видеть не мог. Стены штретов «давили» на него со всех сторон и в какой-то момент Ричмонд почувствовал, что просто не в силах двигаться дальше. Он слишком устал и ослаб. Он сел на пол и бездумно допил всю оставшуюся воду. Выхода не было.

Наверное, он задремал. Или надышался какой-то гадости, чем иным можно было объяснить то, что произошло дальше? В полной темноте перед ним вдруг возник неясный силуэт, который смутно напоминал человека в белом и слабо светился в темноте. Некто не сказал ни слова, просто поманил Кларка за собой и тот, к своему удивлению, встал и пошел, не делая ни малейших попыток выяснить, что происходит, и куда ведет его этот пещерный дух. Да и какая разница? В глубине души Ричмонд уже смирился с судьбой неудачника и собственной гибелью. Как оказалось – рано. Дух, или кем он там был на самом деле, знал всю систему пещеры как свои пять пальцев (если только они у него были, эти пальцы). Не прошло и получаса, как измученный подземельем Кларк ощутил на лице явственный ток воздуха. Еще десяток шагов, и своды пещеры расступились, выпуская его обратно, в мир живых, в прохладную ночь с запахом воды, соли и гниющих листьев, самым упоительным запахом на свете.

Ричмонд опустился на колени. Потом лег на живот и с удовольствием вытянул ноги. Что это было? Сон? Галлюцинация? Вмешательство потусторонних сил? И если верно последнее, то как понимать неведомого духа? По каким соображениям он спас Кларка и что захочет взамен? Или ему действительно все просто почудилось? Но гадать по звездам не было ни сил, ни желания. Чудом спасенный (или спасшийся) Кларк растянулся на белом песке пляжа и уснул мертвым сном, даже не потрудившись определить, где он находится.

* * *

– Я жульничаю? Я жульничаю? А ну-ка повтори это, Макака Джо, и я вытяну твой поганый язык до пояса!

– И повторю! Я видел, как упали кости. Ты нарочно сдвинул крайнюю рукавом!

– Да что ты мог видеть одним глазом! Тебе просто честно расплачиваться не хочется!

– С тем, кто играет честно, я и расплачиваюсь честно, – рявкнул выведенный из себя матрос, – а с тех, кто жульничает, достаточно свинцового заряда в брюхо.

Стаканчик с костями полетел в одну сторону, плохо струганная доска – в другую.

Моряки вскочили одновременно, руки, натертые о шкоты, потянулись к рукояткам ножей.

К несчастью, и у Мааки Джо с «Королевы Марии», и у Рябого Дика с «Морского коня» нашлось достаточно приятелей...

Человек, который, пошатываясь, вышел из манговых зарослей на шум и выстрелы, застал веселье в полном разгаре, и пару минут усиленно приглядывался, пытаясь понять, что он видит: маленькое сражение или все-таки большую драку. На небольшом пятачке белого песка около сотни моряков, а может и больше, в ярости месили друг друга кулаками. Кое-где пошли в ход ножи и бумажные блузы окрасились кровью. Хлопнуло несколько выстрелов, но, похоже, стреляли в воздух, и это убедило пришельца, что происходит все же драка. Хотя и грандиозная. Парни так увлеклись, что кое-кто уже тащил снятый с корабля фальконет. Зачем? Но сама по себе идея была богатая.

В несколько прыжков Ричмонд Кларк спустился вниз, прямо к двоим придуркам у фальконета. Зарядить ее они успели, но вот дальше парням отказала фантазия.

– В сторону роши, – бросил Ричмонд, – наверняка никого не заденете.

С грохотом маленький снаряд ушел в лес, ломая на своем пути кусты и, наверняка, перепугав до полусмерти ничего не понимающих цапель.

На горячие головы это подействовало как ведро ледяной воды за шиворот.

– Пистолет, – скомандовал Ричмонд и, не глядя, протянул руку.

Что подействовало на пиратов: уверенный тон человека, привыкшего командовать, движение руки? Пистолетом его снабдили мгновенно, и он тут же разрядил его в воздух, привлекая к себе внимание.

Внимательные глаза бывшего капитана obeжали пиратский лагерь. Да-а! Не за чем было спрашивать, остался ли в этой компании хоть кто-нибудь, способный командовать. Так называемый «лагерь» говорил сам за себя: десятка два недостроенных или разваленных хижин, едва на четверть обнесенных бруствером, несколько кострищ вразброс, следы неудачной попытки развести сигнальный костер на берегу... Какая-то смешная канава, вырытая возле длинной хижины, крытой пальмовыми листьями. Господь Милосердный! Они что, пытались в песке рыть окоп? И какая же «светлая» голова додумалась до такой гениальной идеи? Они бы еще посреди моря попробовали земляной вал возвести! Интересно, туда в темноте уже кто-нибудь свалился?

Следов полезной деятельности Кларк не заметил: ни коптилен, ни рыбацкой снасти, ни плотничьих работ, ни парусных. В бухте, на легкой волне покачивались четыре лодки – и все. Похоже, оставшиеся «без руля» береговые братья занимались тут тем, что уничтожали корабельные запасы рома, сухарей и солонины, и от лютой скуки уже приступили к запасам пороха.

Одного взгляда Кларку хватило, чтобы понять, что произошло. Два отличных, крепких корабля попали в ловушку в бухте, выход из которой загораживал третий. Среднего водоизмещения двухмачтовая лоханка, очень неудачно (или, наоборот, очень удачно) утопленная в самой горловине. Верхушки мачт еще торчали над водой, чуть накрываясь в сторону бухты, похоже, под действием прилива. Хороший ход! Кому бы из врагов он ни пришел в голову, Ричмонд оценил красоту игры.

Меж тем корсары подтягивались к нему поодиночке и целыми группами. Некоторых он узнал, это были его собственные люди, матросы с брошенного «Морского Коня». Других он как будто мельком видел: это были остатки команд «Королевы Марии» и «Стейка», который сел на рифы в аккурат левее. Матросы покидали хижины, где прятались от жары, а может, просто спали. Их оказалось больше, чем он предположил: пожалуй, сотни две точно. Подходя, они брали его в плотное кольцо, и выражение некоторых знакомых лиц без слов сказало Ричмонду, что приветственного салюта, пожалуй, не будет. Люди, которых он бросил умирать на корабле, были совсем не рады его видеть.

Но мнение этого сброда Кларка интересовало мало. Считаться стоило с Керби Клейном, с самим Волком, возможно, при некоторых обстоятельствах, с его боцманом... Но никого из них в этой толпе Ричмонд не разглядел. Неужели, показав зад, судьба все же

решила повернуться к нему лицом?

– Капитан Кларк? – голос прозвучал совсем рядом. Ричмонд обернулся, и увидел одного из своих лучших канониров, Джона Мейсона.

– Он самый, – кивнул Ричмонд, – рад видеть тебя живым, Джон.

– Мы думали, вы утонули, – в голосе немолодого моряка очень явственно прозвучало подозрение.

– Я и сам одно время так думал, – Кларк криво улыбнулся, – меня накрыла волна, я ухватился за обломок мачты... волна вынесла меня на риф, и уже по нему я добрался до суши.

– Призрак, – кто-то прошептал совсем рядом.

– Можешь потрогать, – обернулся Кларк на голос.

Желающий проверить не нашлось.

– Странно, – Джон Мейсон покачал головой, – в этой давке мы все были вместе, шлюпки «Фортуны» подбирали нас, всех, кого не засосало воронкой. Потом мы сидели на палубе корабля Рика... Вас там не было, – канонир обернулся, словно желая обрести поддержку своим словам во взглядах оставшихся членов команды, – Никто вас не видел.

– Вы просто меня не заметили. Я, например, отлично видел тебя, Джон Мейсон. И тебя, Коннор... и Рябого Дика, кстати, где он?

Упомянутые моряки протиснулись вперед. Толпа неохотно, но расступилась. Всем было любопытно.

– Как-то не вяжется, – усомнился Джон, – мы могли вас не заметить в воде, но не на палубе «Фортуны». Рик искал вас, его матросы перетрясли нас всех. Вас там не было.

То, что дисциплинированный Мейсон не добавил «сэр», сказало Ричмонду о многом.

– Конечно, меня там не было, – хмыкнул Ричмонд, – дурак я что-ли, подниматься на борт корабля, где меня немедленно вздернут? Когда мимо проходила шлюпка с «Фортуны», я нырнул поглубже. Предпочитаю веревке чистую смерть в море.

В глазах моряков было плохо скрытое недоверие. Но Ричмонду на это было глубоко и искренне наплевать. Если бы Керби остался жив, он бы мгновенно вывел его на чистую воду, мозги у капитана «Стейка» были что надо. А эти парни, прямые, как ручка от швабры, могли хмурить брови хоть до Рождества.

– Чем это вы тут занимаетесь? – бросил он, – пьете, спите, играете в кости и ждете, когда с неба посыплются дублоны и пули?

– Пуль тут пока достаточно, – хмуро бросил Джон Мейсон. С намеком?

– Ну, так скоро их не будет, – Ричмонд усмехнулся, – парни, вы, вообще, намерены отсюда выбираться? Нет, если вам так приглянулся этот остров, ради Всевышнего! Обживетесь, хозяйство заведете. Я смотрю, некоторые уже грядки копать начали, – он издевательским жестом указал на полусасыпанный «окоп», – посадите брюкву... Женитесь. Правда, вот незадача, ни одной девки поблизости. Но, может быть, удастся найти каких-нибудь не особо разборчивых макак? Или кому-то из вас придется побриться и перешить штаны на юбки.

В толпе послышался угрожающий ропот, матросы двинулись вперед.

– Я думал, кто-то хочет показать корму этому острову, догнать Рика и потребовать честного расчета!

– Как? – спросил моряк, которого Ричмонд не знал, – Если только по воздуху. Клятый корвет умудрился затонуть в самом неудачном месте.

– Ты кто? – негромко спросил Ричмонд.

– Хэнкс. Получил должность помощника на «Королеве», после того, как пришибли Лысого, – так же, вполголоса, ответил тот.

– Ага, – кивнул Ричмонд, – эти обезьяны тебя хоть немного слушают?

– Слушали... пока старик был жив. Теперь – сами видите.

– Пойдем-ка, прогуляемся, – предложил Кларк и совершенно спокойно развернулся спиной к вооруженной до зубов, недоверчивой, и только что крепко обиженной толпе

головорезов. Моряк, который назвался Хэнксом, с сомнением уставился на удаляющуюся спину... Потом, видно, чего-то решил. Бросив несколько слов своим людям, он заторопился за пришлым, проваливаясь по щиколотку в песок. Джон Мейсон, Коннор и остальные словно приросли к месту. Никто не решился последовать за уходящими и потребовать объяснений. Впрочем, выстрела в спину тоже не прозвучало. Загадочная фраза, брошенная Ричмондом, заронила неясную пока надежду.

Капитан «Морского Коня» увел Хэнкса недалеко. Всего лишь до выхода их бухты, где торчали из воды верхушки мачт.

– Смотрите сами, капитан, – моряк покачал головой, – если бы корвет просто сел на мель, можно было бы попытаться его стащить. Поставить все паруса, раскачать... Но он же в воде, и сидит крепко. Видно, упал брюхом на подводную часть рифа.

– Обрати внимание, – Ричмонд указал рукой, – мачты наклонены в сторону бухты.

– И что? – не понял Хэнкс.

– Держу любое пари, все, что там есть тяжелого: груз, пушки, ядра – все сместилось на левый борт.

– Ну а нам-то с того какой резон? – все еще не понимал помощник Волка, – все равно оттуда ничего не достать.

Бросив попытки что-то объяснить, Ричмонд Кларк перешел к распоряжениям.

– Фрегат не вытащим, – объявил он, – слишком тяжелый, в воде сидит глубоко. Корабль, конечно, отличный, но придется бросить. Иначе только закупорим бухту еще сильнее. Прямо сейчас пошлешь своих матросов на «Сан-Фелипе»...

– Что нужно забрать? – деловито уточнил Хэнкс. Он уже понял, что у Ричмонда появился план.

– Канаты. Как можно больше. Нам понадобятся канаты.

– Что еще?

– В команде есть хорошие ныряльщики?

– Найду, – кивнул Хэнкс.

– Хорошо. Своим я отдам распоряжения сам.

– Но... что вы задумали, капитан? – решил все же спросить Хэнкс.

– Разве я не сказал? – удивился Ричмонд, – я задумал уйти отсюда, догнать Рика и потребовать свою долю Большого Приза. У меня нет ни малейшего желания остаток жизни разводить здесь тюльпаны.

Работы в лагере пиратов началась с рассветом. Ричмонд не желал терять ни единого часа, и не позволил это сделать своей новой разношерстной команде. Вопрос с капитанским патентом решился на удивление просто: пришелец знал, что делать, чтобы выбраться с острова. Он умел командовать кораблем. У него был план, как искать неуловимого Рика. Может быть, кто-то предложит больше? Таких не нашлось.

Под командой Хэнкса, два десятка матросов загрузились в шлюпки и отправились на «Сан-Фелипе». Вторую команду Кларк занял тем, чтобы по-максимуму разгрузить «Королеву». Не только снять с нее груз и пушки, но облегчить, насколько это возможно, без ущерба для плавучести. Годились любые меры, чтобы уменьшить осадку. В крайнем случае можно было бы убрать часть балласта. Опасно, конечно, при выходе в открытое море, судно могло потерять остойчивость, но что только не сделаешь, что бы выбраться из мышеловки. Кларк был готов ко всему!

Ричмонд лично, с помощью пары матросов промерил лотом горловину бухты, а потом, усевшись с Хэнксом на самом солнцепеке и не обращая никакого внимания на жару, принялся что-то вычерчивать на песке пальцем, то и дело сверяясь с картой Золотого острова.

Хэнкс недоверчиво качал головой, но смотрел и слушал внимательно.

– Почему ты думаешь, что не получится? – горячился Ричмонд, – на карте обозначена высота прилива – он здесь почти шесть футов, должно хватить!

– Да хватит-то, оно, хватит, – сомневался осторожный Хэнкс, – но ляжет ли корвет, и

как ляжет.

– Как завалим, так и ляжет.

– На берегу это было бы просто. Но он полностью затоплен. Цеплять за мачты – мачты вырвет. За борта – произойдет то же самое, только еще быстрее. Соппротивление воды нам помешает...

– Зато поможет прилив. Смотри, как наклонены верхушки мачт. Корвет уже сам готов лечь, нам нужно только чуть-чуть ему помочь, подтолкнуть в нужную сторону.

– Сколько канатов? – сдался Хэнкс.

– Не меньше пятнадцати: по семь-восемь с каждой стороны. Тянуть будут все.

– Канаты могут лопнуть...

– Ну, лопнут, что с того. Другие привяжем, – Ричмонд не сомневался ни в чем, – веревок тут хватает. Или ты планируешь использовать их по-другому? – и так как Хэнкс непонимающе уставился на него, Ричмонд пояснил, – раздать их ребятам, чтобы к вечеру сами повесились? Нет? Я почему-то так и думал. Тогда найди мне хороших ныряльщиков, оба моих нырнули вместе с «Конем» прямо к морскому дьяволу, как всегда не вовремя.

– Может быть, попросить отца Дуга, пусть организует молитву, и чтобы все исповедовались? – осторожно предложил Хэнкс.

– А толстомясый жив? – удивился Ричмонд, – я его не видел. Конечно, пусть сделает это, лишним не будет. И, вот еще... Я хочу, чтобы он отслужил заупокойную службу.

– По погибшим? Это уже сделано, – Хэнкс одобрительно взглянул на Ричмонда, – сразу, как закончился бой.

– Да нет, не по ним, – Кларк стер ладонью линии на песке, уселся поудобнее и вытянул ноги. На Хэнкса он старался не смотреть, и помощник Волка с удивлением сообразил, что «господин Ричмонд» как будто чем-то смущен. Это было настолько несвойственно самоуверенному капитану, что Хэнкс притих, ожидая каких-то запредельных откровений.

– Перед тем, как выйти к лагерю, – осторожно начал капитан, – я заблудился в пещере. Основательно заблудился, остался без света и воды...

Рассказ получился коротким, хотя Ричмонд часто и надолго умолкал, соображая, как не прослыть сумасшедшим и избежать даже намека на спрятанные дублионы. От этих нестыковок он прозвучал, как байка. К концу Ричмонд и сам усомнился, а была ли вообще фигура в белом. Но Хэнкс, похоже, принял все за чистую монету. Помощник Волка серьезно покивал, что-то соображая про себя, и пообещал прислать отца Дуга ближе к вечеру. На этом и расстались.

Хэнкс деловито отправился по своим хозяйственным надобностям, а Ричмонд, черпая сапогами белейший песок побрел, ища уединения, к небольшому и редко посещаемому месту на пляже. Редко, потому что корсары, при всей своей верности братьям и побратимам, вовсе не были сентиментальными, и небольшое кладбище, устроенное сразу за бруствером, всего три могилы, по числу команд, по большей части пустовало. Похоронные команды не стали перенапрягаться, устраивая для каждого погибшего отдельное ложе скорби. На грубых деревянных крестах были выведены насколько возможно прямые и читаемые надписи: «Стейк» – 46 «Морской Конь» – 42, «Королева Мария» – 53. Три больших креста, видимо, означали, что здесь же упокоились и капитаны. По иронии судьбы, один крест отмечал смерть его, Ричмонда Кларка, капитана «Морского Коня». Первым порывом было это исправить... Но потом он решил, что так даже лучше. Если кто-то дотошный и будет его искать, то поиски приведут лишь к могиле на острове, и здесь же закончатся. «Коня» больше нет, а значит... А вот это ничего не значит. Как и пояс с жалкими крохами того, что в мыслях Ричмонд уже привык считать своим. Неделимым.

В густой тени манговых зарослей дурным голосом заорало незаконное порождение древней египетской богини Баст. Ричмонд поморщился и невольно потянулся к шрамам на лице, которые уже начали подживать, но время от времени еще кровили. «Шрамы украшают мужчину»... Он предпочел бы другие украшения: орденскую ленту через плечо или солидный бриллиант на палец.

* * *

Капитан Ричмонд Кларк... Капитан, сэр... Капитан без корабля. Без корабля, но в шляпе...

«Морской конь» был единственным, чего Ричмонду удалось увести из Старой Доброй Англии, исключая собственную шкуру. Неуклюжий щенок, которого он вообще не принимал в расчет, оказался неожиданно хватким и опасным противником. Стоило понять это раньше, понаблюдав, как его обхаживает старый Бикфорд. Сентиментальностью прожженный делец страдал еще меньше, чем корсары. У Адама с самого начала имелся свой интерес. И, сообрази Кларк это раньше, на Линкольн Инн Рик получил бы рану не в бок, а чуть выше. Там, или в другом месте. Хотя бы в этом дурацком пруду. Было бы пикантно найти двоих грешных возлюбленных в объятьях друг друга и – смерти. Тогда Кларк остался бы чист перед мнением света, ему бы даже сочувствовали. Все пустое... Задний ум к делу не пристегнешь. Разве что сзади, где он уже ничего не решит и ничем не поможет.

Думать надо было раньше, до того, как щенок с волкодавом умудрились получить приказ от самого министра, и направили по следу Ричмонда ищеек королевского прокурора. Он едва успел добраться до порта, поднять паруса и выйти в море. И еще долгие двое или трое суток он всматривался в подзорную трубу с кормы, вызывая искреннее удивление команды. Кларк опасался погони.

Куда идти?

Для человека, вдруг оказавшегося вне закона, особого выбора не было. Либо ближе к побережью эбенового континента, легендарным золотым городам, которых никто не видел, отравленным стрелам и желтой лихорадке, в большинстве случаев смертельной для европейца, либо в индийские воды, где были алмазы раджей, величиной с кулак, прирученные ядовитые змеи, ценные пряности и риск нарваться на многочисленные и опасные как пчелиный рой щебеки под флагом полумесяца... Либо – колонии. Испанское серебро и испанские пули.

Ричмонд поступил достаточно дальновидно, скрыв от команды цель и конечный пункт назначения: многие из них были вполне законопослушными гражданами, у многих оставались семьи на берегу. Лишь когда по левому борту за кормой остался острый наконечник острова Мартиника, он собрал команду и объявил, что получил от его величества Якова II Стюарта каперский патент и теперь все они могут в короткое время стать богатыми людьми. Если, конечно, останутся живы, о чем Ричмонд дипломатично промолчал. К счастью, лишь двое из всей команды умели читать. С одним удалось договориться довольно быстро, другой покинул кораблю в ближайшем порту. За ним последовала и часть команды. Ни об одном Ричмонд особо не жалел. В портовом кабачке Кайхе оборотистый новичок с хорошо подвешенным языком и крепким, двенадцатипушечным бригом в момент на вербовал достаточно головорезов.

И среди этого разношерстного сброда, как зерно слепой курице, ему попался Старый Дьюи. Верно говорят, новичкам – счастье.

Правда, поначалу, счастье показалось сомнительным и здорово похожим на смертельную ловушку. Вероятно потому, что это она и была.

Глава одиннадцатая

Ричмонд Кларк

Карибское море, остров Ямайка, город Порт-Рояль, Британская Империя, февраль 1681 года

Этот кабак даже не имел названия. К чему оно тут? Все население небольшого городка – чуть больше двух сотен жителей, не считая женщин и детей, и так отлично знали небольшое заведение, занимавшее старые полуразрушенные конюшни и часть каретного

сарая. Когда-то на этих землях жил плантатор с семьей. Потом что-то пошло не так и плантатор исчез. Либо уехал, либо... Гадать можно долго, только кому это интересно? А слова «что-то пошло не так», стали своеобразным девизом этого места, его судьбой.

«Не так» тут было абсолютно все.

Кормили отвратительно. Заказав жаркое, Ричмонд получил отвратительно пахнущую тарелку кое-как покромсанных овощей, не чищенных, и, возможно, даже не обданных кипятком. Мясо изображали пригоревшие шкурки и лапки каких-то местных ящериц. В густом пиве, вернее в том, что здесь называли пивом, плавала солома с приставшим к ней крупным, прозрачным мушинным крылышком. О прекрасной баранине в «Золотом Руне» можно было забыть надолго. Что ж, новое время, новые... блюда. Ричмонд старался смотреть на это непотребство стоически. Его старая команда взидала на стол с некоторой брезгливой оторопью, а новая и вовсе не видела в меню ничего особенного. Жаркое как жаркое. Все дело в привычке.

– Мистер, вы будете это доедать? – услышал Кларк. Голос вывел Ричмонда из раздумий. Он с трудом сфокусировал глаза перед собой и в неярком свете масляных ламп разглядел что одиночество его нарушено, и рискнул это следать старик со смуглым, сухим лицом. Он аккуратно присел на краешек стула напротив, всем своим видом давая понять, что если его общество неприятно господину в шляпе и та-аких кружевах, то он немедленно уйдет. Ричмонд, было, заподозрил в нем банального лазутчика одной из банд, которых здесь, вероятно, водилось, как грязи. Скорее всего, в задачу безобидного с виду старичка входило аккуратно выяснить, чего ценного есть у Ричмонда с собой, и не настолько ли он важный клиент, чтобы из-за его пропажи вдруг случилась массовая облава. Что ж, обмен информацией, эта игра, в которую гораздо интереснее играть вдвоем. Ричмонд более внимательно посмотрел на старика: Нос его был острый, а светлые, выцветшие глаза почти скрывались в добродушных морщинах. Губы с готовностью улыгнулись. Наверное, так они улыбались каждому. Шляпы у него, естественно, не было, откуда у оборванца такой предмет, как шляпа? Волосы перехватывал полотняный ремешок. Местами они были неровно пострижены, просто, чтобы не мешали. Ни о какой прическе не могло идти и речи.

Одет он был типично для здешних мест: синяя бумажная рубаша, несколько раз залатанная, парусиновые штаны и крепкие башмаки, Чулков Ричмонд не заметил, видно, старик не страдал мозолями или просто считал их житейской мелочью, на которую не стоит обращать внимания. Разумеется, у него была перевязь – а как же без этого?!, с которой сиротливо свешивались пустые ножны. Видно, нож его новый приятель либо потерял, либо пропил, а судя по тому, с каким вожделением он смотрел на явно несъедобное жаркое, так может быть и проел.

– Вы будете это есть? – терпеливо повторил старик.

– Вряд ли, – откровенно ответил Ричмонд.

– Тогда, может быть, коль скоро жаркое уже оплачено... возможно, вы позволите...

Кларк подивился изысканной речи и едва заметному акценту незнакомца. Он говорил по-английски очень бегло и правильно, но все же как-то излишне мягко и безбожно экономил на ударениях, обходясь одним на фразу.

– Все может быть, – пожал плечами Ричмонд, – всякое случалось под небесами со времен творения. Но ужин, даже у этих отравителей, чего-то стоит. Я прав?

Старик кивнул.

– Меня зовут Дьюи, – торопливо сказал он, видимо, радуясь, что его сразу не прогнали, – здесь меня знает каждая портовая крыса. И все вам скажут, что старый Дьюи привык вести свои дела честно, тем более, с настоящими джентльменами, вроде вас, мистер. Старый Дьюи видит джентльмена за милую. Если бы у меня была шляпа, я бы поприветствовал вас, как положено, и вы бы убедились, что Дьюи все еще помнит, как это делается.

Забавная речь старика заставила Кларка чуть раздвинуть губы в улыбке.

– Все это очень интересно, мистер Дьюи, – перебил он с едва заметным оттенком

сарказма, – но я пока не слышал ничего, что бы стоило ужина.

– Джентльмен пока не задал ни одного вопроса, – лукаво прищурился Дьюи.

– А у тебя есть ответы на все? – недоверчиво спросил Кларк.

– Ну, если и нет, то на многие. Старый Дьюи трется здесь с утра до вечера. На него никто не обращает внимания, думая, что он слепой и глухой. А он не слепой, не глухой и даже не немой.

– И как это тебя до сих пор не повесили за твой язык прямо на воротах? – подивился Ричмонд.

– Старый Дьюи знает, что кому сказать, о чем промолчать, и какую цену за это взять, – пояснил завсегдатай.

– Ну, скажи для начала, зачем я здесь? – поощрительно улыбнулся Кларк, помимо воли увлеченный странным диалогом.

Старик незаметно, очень ловко оглянулся и, почти не разжимая губ, проронил одно лишь слово:

– Заноза.

И после этого с полным правом подвинул к себе тарелку с неаппетитным варевом.

Ричмонд на секунду опешил. Но, судя по тому, с какой многозначительностью это было сказано, кабацкий вымогатель имел в виду не щепку, которая может воткнуться в филейную часть. Дьюи был убежден, что снабдил Ричмонда действительно стоящей информацией. Или хотя бы заинтриговал.

– Заноза, – повторил Кларк, – и...

– Она была здесь. Еще утром. Пополнила запасы пресной воды, сняла с борта раненых, все уже умерли, и ушла... Даже чиниться не стала.

По крайней мере, речь шла о корабле, а не о щепке, девушке или лошади. Уже интересно.

– Куда ушла?

– Э... – улыбнулся старик, – куда ушла «Заноза» здесь хотят знать все. И многие готовы заплатить за это большим, чем такой паршивый ужин. Может быть немного серебра?

Ричмонд фыркнул, совсем не по-джентльменски.

– Откуда мне знать, что ты не продал эту бесценную информацию еще кому-нибудь? Или не сделаешь этого, как только мы договоримся?

– Как заметил джентльмен, я до сих пор жив, – пожал плечами Дьюи, с видимым удовольствием расправляясь с тошнотворным блюдом, и прихлебывая пиво, не обратив ни малейшего внимания на части местной фауны, которые в нем плавали.

– Тогда почему ты решил осчастливить этим именно меня?

– Вы один, – с подкупающей откровенностью заметил Дьюи, – вы здесь недавно. У вас пока нет достаточно сильных союзников, чтобы на равных сыграть в эту игру. Пока вы будете их собирать, я смогу жить и кушать на ваше серебро.

– Разумно, – усмехнулся Ричмонд, – а с чего ты вообще взял, что меня интересует эта игра?

– Это – единственная игра, в которую стоит играть в этих водах. И она интересует всех, у кого есть достаточно прочный корабль.

Ричмонд все еще соображал, во что же он умудрился впутаться, а Старик уже проворно спрятал в складках одежды сразу две серебряные монеты. Каким образом он уговорил Ричмонда на две?

Впрочем, монеты Кларк рассчитывал вернуть в самое ближайшее время. Он был не великим любителем разгадывать загадки, а все, что его интересовало, можно было получить гораздо более простым путем. Стоило лишь незаметно подать сигнал своим людям, утолявшим жажду здесь же, и как-то выманить старика из таверны. На борту «Морского Коня» он быстро утратит всю свою загадочность, когда им вплотную займутся заплечных дел мастера. А то, что такие есть в его новой команде, Кларк не сомневался.

– Скажи, Дьюи, тебе самому-то не надоело еще болтаться в этой дыре, как цветку в

проруби, рискуя нарваться на нож? – осторожно спросил Ричмонд.

– Надоело. Да только деваться мне некуда. Матрос из меня уже никакой, – откровенно сказал он, демонстрируя увечную ногу, которая не сгибалась в колене, – а ничем другим оплатить свой проезд я не могу.

– Ну... может быть мы договоримся. Ты сам заметил, я новичок в этих водах, и чтобы сыграть в эту вашу игру на равных, мне требуется опытный человек, который бы все тут знал. Мой путь лежит на остров Тортуга. Возможно, нам по пути?

– Тортуга? – Дьюи вскинул белесые брови, – возможно, там я нашел бы занятие получше. Да только «Заноза» отправилась на западную оконечность Невиса...

Дьюи улыбнулся демонстрируя на диво хорошо сохранившиеся зубы. А в следующие несколько мгновений старик продемонстрировал на диво хорошо сохранившиеся мозги, а Ричмонд Кларк получил первый жестокий урок по выживанию в этих водах... И, как он позже неохотно признался сам себе, урок вполне стоил двух серебряных монет и дрянного ужина.

– Выйдем по отдельности, – сказал Дьюи, – вместе мы привлечем слишком много внимания. Увидимся в порту. Корабль ваш я приметил, не спутаю. А вы дайте приказ матросу смотреть в оба и спустить трап сразу, как только он меня увидит.

Про себя Ричмонд удивился такой осторожности, но спорить не стал, лишь кивнул, расплатился и вышел под жесткое солнце, похоже, ничуть не смягчившееся к вечеру. Все его мысли крутились вокруг хвостика тайны, который он ухватил совершенно случайно. Неужели и впрямь, как на бегах, самая первая ставка – самая удачная? И именно отсюда, не с богатых лужаек Бикфорда, а с берегов, пропахших гнилой рыбой, потом и чужой неудачей должна была начаться новая жизнь Кларка, бывшего офицера, бывшего дворянина, бывшего мужа и наследника, а ныне самозваного капера без патента, капитана полувоенного брига, украденного с верфи бывшего тестя. Именно из этой грязной забегаловки, где пол был покрыт гнилой соломой, а двери даже не висели на одной петле, а просто были приставлены рядом... Именно отсюда должен начаться его путь к богатству?

Вполне может быть.

Покинув сомнительную забегаловку Ричмонд, положив правую руку на рукоять пистолета, неспешно двинулся вдоль глухой бревенчатой стены, местами покрытой щербинами от пуль. Улица была пустынна. Но это не насторожило Кларка, по местным понятиям еще не закончилась сиеста. Он прошел уже полквартала, когда вдруг почувствовал, что его вежливо, но твердо взяли под оба локтя так, что про пистолет он вспомнил лишь тогда, когда увидел его в чужой руке. Нужно ли уточнять, куда смотрел ствол? Да нет, не в лоб, а в живот – так надежнее. Видимо, его уже успели ощупать и поняли, что кольчуги нет. То, что сопротивляться бесполезно, Ричмонд сообразил сразу, уж больно профессионально его схватили.

Кричать? Он бы, пожалуй, и крикнул, чем черт не шутит, когда Бог спит. Но неизвестные не дали ему даже рта раскрыть. Из переулка, такого узкого, что Ричмонд поначалу принял его за щель в заборах, неспешно выбралась ушастая лошадка, таща за собой экипаж. Дверца раскрылась на ходу, Ричмонда сноровисто толкнули туда, он даже сам не заметил, как это получилось, и не успел не то, что дернуться, крикнуть «Караул!» Двое вспрыгнули рядом и экипаж, влекомый неказистым животным так же неспешно продолжил свой путь. Ни один ставень не шелохнулся, ни один лишний звук не нарушил покой сонной улочки городка, которому местные жители так и не удосужились дать хоть какое-нибудь название.

Занавески в экипаже были задернуты и коляска катила в неизвестность. Впрочем, неизвестностью она была лишь для Ричмонда. Парни, которые его захватили, похоже, прекрасно знали, куда путь держат, и на кой им сдался заезжий моряк. Кларк был бы и сам не прочь это выяснить. Едва глаза привыкли к полумраку, он понял, что делит сомнительный уют одноместного экипажа с двумя довольно крупными ребятами: один из них был смуглым, но не мулатом, примесь чужой крови всегда видна, Черты его лица были правильны и ничем

не напоминали «черное дерево», скорее наводили на мысли о солнечной Испании или даже Вечном городе Рима. Голову перехватывал черный платок с косо вышитым символом, каким, Ричмонд не разобрал. Рубахой он пренебрег, и кожаный жилет был натянут прямо на голое тело, сухое, но жилистое. В драке это был очень опасный противник, опытным глазом определили Ричмонд. Второй был рыж и веснушчат, не смотря на жару никакого головного убора не носил, видно, пышная шевелюра была вполне надежной защитой от солнца. Он был одет в светлую, почти новую рубаху. Традиционные штаны, довольно дорогие кожаные сапоги и широкие пояса довершали их наряды. Причем, перевязь поддерживала не банальные абордажные сабли, сделанные левой ногой, а тяжелые благородные шпаги. От такой Ричмонд бы и сам не отказался.

– Каперы его Католического Величества? – навскидку предположил пленник.

– Поднимай выше, – усмехнулся парень в жилете на голое тело, – мы смиренные служители нашей матери – церкви.

«Орден», – сообразил Ричмонд. Ну, теперь точно влип. Сам Господь не спасет. Эти: прав ты, виноват, живым не выпустят.

– Я только что прибыл в эти воды, – попытался все же выкрутиться Ричмонд, – и пока не успел ни с кем поссориться. Тем более, с Его Святейшеством.

– Зато ты успел кое с кем подружиться, – заметил тип в рубахе, который казался немного старше, – ты почти четверть часа проболтал со старым Дьюи. О чем?

Эти тоже вполне бегло говорили по-английски, обильно уснащая свою речь испанскими, итальянскими, французскими и даже индейскими словечками, но было понятно, что ссылка на языковой барьер не спасет. При нужде они бы объяснились на любом языке, включая «мертвую» латынь, язык жестов и понятный абсолютно всем в этих водах язык стали, небольших свинцовых шариков и качественной пеньки.

– Старик спросил меня, буду ли я доедать то, что по глупости заказал, – Ричмонд сделал попытку шевельнуть плечами, якобы разминаясь, и тут же получил чувствительный тычок под ребра от второго (без рубахи). Его так и не связали. Видимо, воины Иисуса были очень уверены в себе.

– Спросить – раз. Ответить – два. Вы разговаривали гораздо больше. Куда делось остальное время? Советую говорить правду прямо сейчас. Потом-то ты ее все равно скажешь, только не слишком внятно. Сломанные зубы они, знаешь, здорово мешают говорить. Да и на эшафот тебе придется вползать на локтях, а джентльмен должен идти на костер твердой походкой.

– Значит, если я не отвечу, о чем мы беседовали с бродягой, меня повесят как врага испанской короны, – уточнил Ричмонд, – а если исповедуюсь перед вами, как на духу, меня сожгут, как еретика.

– Зато сам выберешь, что тебе приятнее: петля или костер. Советую костер: душа бессмертна и ее спасение очень редко бывает таким близким, простым и надежным, – флегматично проговорил «братец» в жилетке.

– Не сказал бы, что ваш ассортимент поражает разнообразием и может удовлетворить любой вкус, – буркнул Ричмонд.

– Так мы же не в замке Черного Ангела, – резонно возразил второй, – вот там выбор шире: и дыба, на которой корчился еще великий Ромульани, и «испанский сапог», и колокол боли, и бассейн святого очищения и даже Кресло Следующего. А здесь что? Пара веревочек да железный брусок, вот и все, чем располагаем. Приходится нашим клиентам довольствоваться тем, что есть. Но, слава Господу, на обслуживание еще никто не жаловался, – «братец» сказал это почти с гордостью, и Ричмонд подивился – надо же так любить свою профессию.

– А нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы без меня обошлись и плаха и костер? – осторожно закинул удочку он.

– Отчего нет? – «братец» без жилетки был, видимо, настроен дружелюбно, – прими святую католическую веру, поклонись власти Его Святейшества, и костра ты, считай,

избежал.

– Вообще-то я всегда считал Деву Марию достойной женщиной, – ответил Ричмонд, – а как на счет второй части? Насколько я знаю, никакого преступления я пока не совершил, лишь покормил голодного бродягу, исполнив тем самым завет Христа.

При этих словах оба «братца» вдруг непочтительно заржали.

– Если б ты его лишь накормил... – пояснил тот, что в рубахе, вытирая рукавом выступившие от смеха слезы, – милосердие угодно не только Богу, но и королям.

– Так в чем же дело? – начал уже вскипать Ричмонд.

– Ты дал ему две монеты. Серебряные монеты. Такими не подают милостыню, тем более здесь, где серебро стоит так дорого. Такими монетами расплачиваются за сведения. И мы хотим знать, что ты купил на эти монеты.

– Скажем, сведения о своей жене, сбежавшей с неким авантюристом...

– Такую ерунду тебе бы тут продали и за медь, – хмыкнул «братец», а за серебро и жемчуг здесь покупаются только одни сведения: что на уме у «берегового братства».

– А что на уме у «берегового братства», то, как правило, вплотную касается интересов короны, – добавил второй.

– И кто замечен в каких-либо отношениях с пиратами, или пособниками пиратов – преступник, подлежащий повешению за шею до тех пор, пока дыхание в нем не остановится и жизнь его не прекратится, – бесстрастно процитировал второй.

При этих словах Ричмонд словно впервые осознал шаткость той дорожки, на которую ступил так дерзко. Окна экипажа были плотно зашторены, и капитан «Коня» даже примерно не представлял, куда его везут. Внезапно экипаж сильно потрянуло и повело, словно отлетело колесо. Пленник и охрана вповалку повалились друг на друга. Оберегая лицо Ричмонд инстинктивно протянул руки вперед и наткнулся на какой-то предмет на шнурке. Тут карету снова потрянуло и предмет остался у него в руках.

– Что за... – один из «Ордена» чертыхнулся, оттолкнул товарища и Ричмонд услышал знакомый щелчок взводимого курка.

В ту же минуту, на облучке всхрипел возничий и повалился наземь, с грохотом упавшего мешка с тыквой.

– Пресвятая Дева... – второй конвоир также извлек пистолет и решительно пнул в дверь экипажа.

Ричмонд вжался в угол и на миг ослеп от ярких вспышек. Три выстрела слились в один и карету заволочло едким дымом. Нутром Ричмонд почувствовал, что Господь услышал его молитву, ибо оба конвоира лежали на полу. Один еще пытался шевелиться, но чья-то рука влетела вовнутрь, сделал короткий взмах и шевеление прекратилось.

– Эх! – окликнул грубый голос. – Чего забился как мышь? Вылазь!

– Выхожу, – поспешил заверить Кларк.

Он вышел и тут же споткнулся о чье-то тело.

– А черт!

– Мда, не повезло бедняге Бору, – смачно сплюнув, изрек все тот же грубый голос. – Прямо в лоб.

Глаза немного привыкли к темноте, и Кларк сумел разглядеть распростертое тело подле откинутой подножки экипажа. Рядом лежало еще одно с ножом в груди – кучер.

Экипаж стоял посреди узенькой дороги, протоптанной стадами овец и укатанной колесами повозок. По обе стороны располагались небогатые домики, крытые пальмовыми листьями, от улицы их отделяла низенькая оградка, которая служила скорее сигналом для скота, чем препятствием для человека, даже «трехногого». Небо темнело на закате. Экипаж был скошен на одну сторону, колесо и впрямь слетело с оси. Испуганная лошадь нервно переступала с ноги на ногу, косясь на мертвое тело под копытами.

Ни одно из окон так и не раскрылось. Видно, народец здесь жил еще тот, и на своем веку и не такое видел.

Ричмонд покрутил головой.

Двое сомнительных личностей (тоже без шляп, но увешенные пистолетами как рождественская оела колокольчиками) чертыхаясь на английском пытались разыскать в быстро сгущавшихся сумерках откатившееся колесо. Еще двое стояли вокруг и пытались оценить обстановку. Версий было две: «мы в заднице» и «мы в лошадиной заднице».

Оценив момент как подходящий, Ричмонд попытался вклиниться в диалог. Он потянулся, было, к шляпе, чтобы как положено поприветствовать земляков, но получил прикладом мушкета между лопаток и лошадиное: «Не балуй!»

– Я всего лишь хотел выразить благодарность собратьям, которые подросли так вовремя и вырвали меня из рук этих бандитов, – возмутился Кларк.

– «Бандитов», – хмыкнул один из благородных спасителей. По правде говоря, от давешних похитителей он отличался лишь более правильной английской речью да парой пистолетов за поясом. Зубы у него были хуже, да и башмаки видели лучшие дни. А в остальном «злодеи» и «герои» были так похожи, что хоть раздавай им белые повязки, чтобы в темноте не перепутать, – А кто ты сам-то, приятель? Мы, вообще-то, ловили другую рыбу.

– Старика? – мгновенно сообразил Кларк, – мы расстались в таверне. Я сэр Ричмонд Кларк, владелец и капитан брига «Морской конь».

От незнакомцев не ускользнуло то ударение, с каким Ричмонд произнес слово сэр!

– И что сэр забыл в этом гиблом месте? – удивился его собеседник.

– То, что и все, – пожал плечами Кларк, чувствуя, что врать не имеет смысла, – ловлю за хвост свою удачу.

– Дело хорошее, – кивнул тот, наблюдая, как парочка, выражаясь все так же занятно, вынимают из грязной канавы колесо. Спор возник из-за того, чьим головным платком почистить ось, оба были одинаково засалены, так что в ход пошли другие аргументы. В другое время Ричмонд бы с удовольствием досмотрел бесплатное представление, но его собеседник, коренастый моряк с носом-картошкой, большими щеками и крупными залысинами отвлек его от занимательного зрелища.

– Сдается мне, ты сунул палец в чужой пирог. А по законам «берегового братства» такие вещи караются прогулкой по доске.

– Три, – сказал Ричмонд.

– Что «три»? – не понял коренастый.

– Эти – Кларк кивнул на мертвых «братцев», – предлагали на выбор костер и веревку. Ты – морскую ванну. Может быть мне коллекцию составить? Какого черта, я ведь всего-навсего накормил бродягу.

Неожиданный дружный смех задел Ричмонда.

– Этот «голодающий бродяга» при желании может купить не только твою «Морскую лошадь», но и весь этот невезучий остров вместе с его невезучими жителями... если он ему зачем-то понадобится, – пояснили Ричмонду, – старик здорово замаскировался. Я и сам сначала принял его за местного попрошайку Дьюи. Но у Дьюи отродясь не было такого взгляда. И Дьюи отродясь никто не давал аж по две серебряные монеты.

– Так кто же это был? – воскликнул Ричмонд, изрядно сбитый с толку.

– Его зовут Жером Ферье.

Больше ничего говорить не стоило. Имя лихого французского корсара, знаменитого своими жестокими рейдами и смелыми абордажами гремело далеко за пределами той лужи, где он совершал свои сомнительные «подвиги».

– Ничего не понимаю, – искренне произнес Ричмонд, – что же тогда он от меня хотел?

– Вот именно, – с нажимом произнес его собеседник таким тоном, что начинающий флибустьер понял, либо он сейчас выложит все, как на духу... либо его будут долго бить, а потом-таки утопят. А может быть, все произойдет последовательно: разговор, экзекуция и прогулка по доске. Кларк был достаточно хорошим игроком, чтобы сообразить: время блефа закончилось, и придется ходить с козырей. Даже если козырь у него только один. Иначе лучше просто бросить карты на стол и попросить проводить его к ближайшему священнику.

– За две серебряные монеты старик, которого я считал попрошайкой, продал мне

информацию, что «Заноза» ушла к Невису, – веско сказал Ричмонд.

Трое флибустьеров, теперь уже было совершенно понятно, с кем его столкнула жизнь, глубоко задумались.

– Ну, по крайней мере, теперь мы можем точно сказать, где этого пройдохи не будет, – глубокомысленно заявил один.

– Не думаю, что все так просто, – вставил Ричмонд. Взгляды корсаров немедленно обратились на него.

– Ферье пару раз упоминал мой бриг. И отметил, что я – новичок.

– Думаешь, это засада и «Заноза» – наживка? – оживился коренастый, – а цель старого разбойника – крепкий корабль с достаточным количеством пушек, чтобы можно было спокойно перевести свои сундуки в Старый Свет?

– Очень похоже на то, – пробормотал его спутник.

– И я был бы глупцом, если б клюнул, – Ричмонд сплюнул на землю и поднял глаза к уже потемневшему небу.

– Но такую возможность упускать нельзя, – заметил третий, который доселе молчал.

– И что ты предлагаешь, Клейн?

– Он пойдет к Невису, – пират, названный Клейном, небрежно ткнул концом трубки в новичка, – но пойдет не один.

– Но если мы окажемся хотя бы поблизости...

– Нас там не будет. Он возьмет еще одну посудину, любую, чтобы только кое-как на воде держалась. Пушек, ядер – по минимуму, людей – только добровольцы. И порох, для создания дымовой завесы.

– Хотите под прикрытием дыма взять шлюп на abordаж, задержать капитана и..., – догадался Ричмонд. Он внимательно оглядел всех собравшихся у экипажа корсаров и понял, что их мысли на его счет Кларку совсем не нравятся, – но тогда вам придется или убить меня и захватить «Коня», или же взять в долю, и объяснить, хотя бы вкратце, что за чертовщина здесь происходит. Предупреждаю сразу, моя команда просто так не сдастся, а претендентов на капитанский патент там хватает своих, так что для вас выгоднее сохранить мне жизнь.

– Собственно, убить его мы можем и позже, – флегматично заметил Керби, – если будет необходимость.

Впоследствии Ричмонд не раз вспоминал, как сложилось это, в высшей степени странное содружество, где ни одна из сторон не доверяла друг другу. Тем не менее, они честь по чести составили договор, который заверили не только капитаны кораблей, но и выборные представители из команд. Договор состоял из нескольких пунктов, главный из которых гласил, что Большой Приз Карибского моря должен быть, в случае его добычи, поделен поровну между пиратом по прозвищу Волк, капитаном Керби Клейном и Ричмондом Кларком. Как означенные господа будут распределять золото между своими моряками, документ не предусматривал, это было на совести каждого из капитанов. Кое-кто был вообще не намерен делиться...

Глава двенадцатая

Новая партия

Карибское море, Золотой остров, июль 1686 год.

Казалось, что с той поры прошла целая вечность.

– Мда... – задумчиво протянул английский джентельмен и машинально ощупал пояс с дублонами, мелочь, которая досталась ему от легендарного Приза. Ах, да было еще с десятков камушков...

Взгляд его был устремлен на собственный кенотаф, хотя в темноте массивный деревянный крест был уже почти не виден, а надпись разобрать не могли даже самые зоркие глаза. Кларк был далек от мысли, что игра за богатство и знатность проиграна. Собственно, он еще даже карты толком не сдал.

... «Королева Мария» – отличный корабль. Крепкий, надежный, с хорошей репутацией. И без труда заберет всех флибустьеров. Только вот зачем ему на борту почти двести головорезов, из которых больше сотни люди Волка и считают корабль своим. Конечно, «Сан-Фелипе» был бы лучше, но его не вытащить. По крайней мере, не вытащить быстро, и уже поэтому его тут оставлять нельзя.

Проще всего положиться на своих. Они поймут и поддержат, хотя бы потому, что никому из них не улыбается таскаться по кабакам Кюрасао в надежде, что какое-нибудь торговое судно возьмет их на борт младшими матросами «за проезд» до ближайшего родного порта. С парусами они управятся. Но...

Ричмонд был далеко не уверен, что, возьми он на «Марию» только своих, ни одному из оставшихся не закрадется в голову подозрение... Конечно, пушки, ядра и основной запас продуктов остается на берегу, и это может служить достаточной гарантией. Никто не может быть таким безумным, чтобы...

– Старина Керби был отличным капитаном, – мысли Ричмонда были грубо прерваны. Рядом с ним довольно бесцеремонно на песок плюхнулся почти незнакомый ему человек. Даже присмотревшись, Ричмонд не смог его опознать. Вроде где-то видел, вроде нет...

– Я был канониром на «Стейке», – пояснил матрос, – но канонир здесь не нужен. Впрочем, еще раньше я был в парусной команде...

Кларк резко повернул голову к собеседнику, почти невидимому в густой тропической ночи. На смуглом лице сверкнули лишь белые зубы.

– Мы думаем об одном и том же, правда? – спросил невидимый собеседник.

– «Мы» – это сколько? – уточнил Ричмонд, быстро соображая, что лучше, принять безумный, но такой соблазнительный план, или, от греха подальше пристрелить наглого парня. Впрочем, пристрелить было не из чего, со своими шикарными пистолетами Ричмонд давно расстался. Пожалуй, это и решило исход дела.

– Нас пятнадцать. Вместе с легкоранеными. Они тоже смогут работать. А тяжело раненные умерли.

– Какие у меня гарантии, что вы не вздернете меня на нок-рее, едва мы отойдем от острова? – прямо спросил Кларк.

– Никто из нас не сможет привести корабль в порт, – просто ответил собеседник, – Мы – просто матросы.

Пока Ричмонд пытался сообразить, это искреннее предложение самой маленькой, и уже поэтому заведомо обреченной команды бывшего «Стейка», или снова чья-то ловушка, его собеседник исчез так же незаметно, как и появился.

* * *

Следующее утро намечалось хлопотным, и Ричмонд, погруженный в раздумья, не сразу заметил, что вокруг него, в опасной близости, ошивается довольно много народу. Сообразив это, он насторожился и пересчитал матросов, которые сидели или стояли, замкнув Кларка в плотное кольцо. Их было девять. Все – его. С «Коня». И, что самое неприятное, одним из них был умный Джон Мейсон.

– Что это означает? – спросил капитан, жестом подозвав канонира.

– Пусть это вас не беспокоит, сэр, – отозвался тот, – мы – всего лишь ваш эскорт.

– Эскорт? – удивился Ричмонд.

– Сегодня ночью кое-что произошло, – объяснил Мейсон, – обратите внимание, когда будете проходить мимо кладбища. Там прибавится могил.

– Умер кто-то из раненых?

– Да нет, – Мейсон флегматично сплюнул под ноги, – умер кто-то из здоровых. И так чертовски неудачно сложилось, что эти кто-то были отличными канонирами.

– Команда? – лаконично спросил Ричмонд, уже начиная понимать, что происходит.

– Двое наших и трое с «Марии».

– Со «Стейка» никого?

– Так там уже и так, считай, никого, – пожал плечами Мейсон, – их уже никто всерьез не считает. Был бы здесь старый дьявол Керби, а так...

«...А зря, – подумал Ричмонд, против воли уважительно оглядывая аккуратный лагерь матросов «Стейка», – похоже, на этой трижды раздолбанной посудине дьявол был не один. Что ж, дьявол – вполне подходящая компания для того, кто порвал с Богом».

– Как сам-то жив остался, Мейсон? – любопытно спросил Ричмонд, – ты вроде тоже из пушки с десяти шагов в стену не промажешь?

– Я не спал. Мы ходили к парням с «Марии» договариваться...

– Договариваться на счет чего? – Кларк сощурился и его глаза, смотревшие на канонира с дружелюбным интересом, в момент превратились в жесткие щелки.

– На счет жребия, – невозмутимо пояснил Мейсон. – «Мария» может взять всех, но запасов пищи и пресной воды на всех не хватит. Даже если подтянуть пояса, и ветер будет попутный. А если попадем в штиль? Разумнее половине остаться и попытаться все-таки вытащить фрегат. Сейчас, когда мы основательно развалили затонувшую «Долорес», это вполне возможно.

– Хм... А тебе не приходило в голову, Джон, что такие дела в обход капитана не решаются?

Канонир снова пожал плечами:

– Ребята с «Марии» говорят, что вы, сэр, капитан «Коня», а «Мария» – собственность команды... раз уж старины Волка нет в живых. Так что договариваться с ними все равно придется... Из команды Волка на острове уцелевших больше всех.

– Понятное дело. И вы, значит, решили побережь единственного оставшегося в живых капитана?

– Мы же всего лишь матросы, – Джон почти слово в слово повторил давешний «голос в ночи», – никто из нас не сумеет управиться с секстантом. Вы – капитан, сэр...

– Ну, спасибо, – Ричмонд мгновенно сообразил, что кольцо, которое отныне сомкнулось вокруг него, имеет двойную цель. Убережь единственного капитана не только от покушения, но и от искушения. От искушения договориться со второй командой, самой большой, и имеющей крепкий корабль. Не слишком-то доверяли ему его «преданные» матросы.

– Хорошо, – кивнул он, – охраняйте. Только чтобы остальные дела не страдали.

Все приготовления заняли четыре дня. Закат последнего застал картину, которую, пожалуй, еще не видели ни солнце, ни луна. На темной глади воды лежали около двадцати туго натянутых каната. Два из них крепились к якорным лебедкам фрегата, остальные веером расходились на оба берега, где почти две сотни человек, запряженные в них, как мулы, ждали лишь сигнала, чтобы дружно начать тянуть. Другие концы канатов тонули в воде, примерно там, где торчали мачты корвета. Люди напряженно ждали, когда вода начнет прибывать, чтобы к собственным силам добавить мощную силу прилива. «Королева Мария» при почти полных парусах, в густеющих сумерках выглядела более чем странно. Казалось, это корабль-призрак, который приплыл в тщательно закупоренную бухту прямо с неба, по лунной дорожке на воде.

Сигналом послужил одинокий выстрел из пистолета. Услышав его, Хэнкс встал в общий строй и, положив канат на плече, приготовился. Заметив, что он слегка ослаб и провис, Хэнкс зычно скомандовал:

– А ну, навались! Дружно!

Навалились. Ноги немедленно по щиколотку ушли в песок. Похоже, ничего не изменилось. Матросы тянули так, словно каждому был обещан рай, но тупая деревяшка сидела на рифе плотно, не двигаясь ни на дюйм. Похоже, расчеты Ричмонда не оправдывались.

– Не расслабляться! – рявкнул Хэнкс, – а ну-ка вместе, тянем! Я сказал, тянем, а не щеки надуваем, Мэтью Рябой! Пять плетей лодырям, навалились, дети Сатаны!..

Над притихшей бухтой прокатился звук, похожий на выстрел из легкой пушки, и полтора десятка матросов вдруг попадали на песок. Канат все-таки не выдержал.

– Что стоим? Гнилых веревок никогда не видели? Пусть то же самое будет с той, на которой вас будут вешать, – проорал Хэнкс, – а ну, становись! Навались!

Внезапно канаты провисли. Почуввав слабость, матросы дружно потянули, почти ложась на песок. Глухой треск в ответ на их усилия прозвучал, как лучшая музыка в мире. Мачты корвета, всю последнюю неделю вгонявшие пиратов в тоску, накренились и медленно поползли к воде. Прилив все-таки пришел на помощь.

Теперь дело было за командой, оставленной на «Королеве». Им нужно было поймать момент, и по высокой воде вывести бриг Волка из бухты, не задев борта затопленной «Долорес», заваленной на бок. Ричмонд и Хэнкс рассчитали, что высоты впритык, но должно хватить. Но разве ж можно в таком ненадежном деле, как морская стихия, рассчитать все абсолютно точно? Когда «Королева» шевельнулась, разворачиваясь в сторону выхода, не было на острове человека, который бы не затаил дыхание. Все понимали, что если вот сейчас бриг застрянет, то закупорит бухту так основательно, что сидеть им на этом острове до Страшного Суда, а может быть и во время. Если ни Господь, ни дьявол о них не вспомнит.

«Королева» вплотную подошла к опасному месту и, набирая ход, поровнялась со скалами, сжимавшими горловину бухты. Страшный скрежет резанул по нервам даже тех, кто давно забыл, что такое нервы, или вообще никогда о них не слышал. Хэнкс поймал себя на том, что обливается потом. Внезапно веревка, которую он все еще держал в руках, дернулась, как живая, и, основательно ободрав ему ладони, змеей нырнула в воду. Раздавшиеся вслед за этим проклятья сказали Хэнксу, что он такой не один.

Все-таки чиркнув днищем по борту «Долорес», «Королева Мария» вышла в открытое море, свободная, и готовая принять на борт «береговых братьев» и нести их, куда те пожелают. Вопль восторга слился с таким же, прозвучавшим с другого берега, отразился от скал и пошел гулять по острову. Матросы, не жалея, тратили драгоценные порох и патроны, приветствуя избавление салютом, горячими молитвами и еще более горячими богохульствами.

Кто-то помчался заряжать пушку, ту самую...

– Е... твою! – внезапно выразился Мэтью Рябой, которому до этого помощник пообещал пять плетей. Из всей команды он обладал самым острым зрением, и первый заметил, что сволочные мачты сволочного корвета в этой сволочной бухте, как ни в чем не бывало, снова показались над водой. Видно, уходящая «Королева», зацепив борт «Долорес» случайно вернула корабль назад.

* * *

Из последнего бочонка пробка была выбита уже под утро, когда большая часть корсаров уже спала вповалку на берегу, пугая просыпающихся птиц раскатами мощного храпа.

Мягкий тропический рассвет озарил белый пляж с расprostертыми телами и следами жестокого загула, небольшое кладбище, где совсем недавно похоронили пятерых очень неплохих канониров, пустые бочонки из под вина, погасшие кострища. Отдельно были поставлены снятые с «Марии» пушки, ядра, запас пороха и продовольствия, некоторые части бортов и все личные вещи команды. На золотистой глади удивительно спокойной воды все так же покачивался наполовину разоснащенный испанский фрегат, на котором сейчас можно было поднять лишь кливер и фок. На выходе все так же торчали мачты невезучей «Долорес». Дальше, вплоть до самого лазоревого горизонта, где уже вовсю сияла солнечная бляха, ничего не было. Ну то есть вообще ничего.

Проснувшийся раньше всех Хэнкс поначалу даже не понял, чего ему не хватает для полного счастья. Потом сообразил. Не поверил своим глазам и пинками растолкал двоих моряков, спавших рядом.

– Парни, вы что-нибудь видите? – осторожно спросил он?
Протирая слипшиеся глаза корсары уставились туда, куда показывал Хэнкс.
– Ну, вода, – пробормотал один, – море.
– И что? Что еще?
– Все, – удивился второй, – больше ничего. А... Е?
– Дошло, наконец, – горько сплюнул Хэнкс.
– Чего дошло-то? – не понял второй, который то ли выпил больше, то ли просто просыпался медленнее, – что не так-то? Вода как вода.
– Мать твою, пустая вода!!! – на весь остров заорал взбесившийся Хэнкс, – где бриг? Где наша, мать ее, трижды спасенная «Королева Мария»? Где этот ублюдочный капитан, чтоб его в аду припекли как следует? Чтоб его!!!
– А где? – удивился второй матрос, – Должна быть где-то поблизости. Не могли же они уйти совсем. Пушки-то все здесь. И ядра здесь. И жратва. Да и половина брига вон, на берегу валяется. Далеко они уйдут голые, как макаки?
– Пушки все ж таки тут не все, – заметил второй, – двух легких кулеврин нет. И ядер к ним. Из продовольствия, думаю, кой-чего тоже не досчитаемся. Совсем немного. По сухарю в день на каждого из парней, которые вчера выводили «Марию» из бухты. Больше они взять не смогли, и так осадка была такая, что чуть снова не сели.
– А кто из матросов там был? – попытался припомнить Хэнкс, – мы же вроде проследили, чтобы не взял слишком много своих.
– А он их вообще не взял. Ни одного, – фыркнул первый, – там были парни Керби. Почти вся команда «Стейка». Которую наш трижды траханный «комитет» послал с переговоров подальше, потому что их, дескать, слишком мало, и они права голоса не имеют.
Трое моряков потрясенно переводили взгляд с чистого, как слеза непорочной девы горизонта то на оставленные на берегу пушки, то на спящих вповалку корсаров, то на опустевший лагерь «Стейка»... Бриг «Королева Мария» и в самом деле ушел. Ушел без пушек, почти без продовольствия, без людей, если не считать скудной парусной команды, составленной из пятнадцати чудом выживших моряков Керби. Впрочем, как только что показали эти парни, не считать их было большой ошибкой. Фатальной ошибкой.
– Ну... – тихо, почти про себя проговорил Хэнкс, – я бы на месте парней пять раз подумал, прежде чем пускаться в такое плавание с капитаном, которого благословил Фредди Две Сотни.
– Вообще-то, их еще вполне можно догнать, – так же ни к кому не обращаясь произнес первый, – «Сан-Фелипе» превосходит «Марию» в парусности, а значит – в скорости. И пушек у них, считай, нет.
– Да, только с фрегата все канаты срезаны. И он заперт в бухте.
– Пушки-то на нем остались, – буркнул Хэнкс, – а паруса можно заново поставить, не слишком хитрая задача. К вечеру управимся. Будите это сонное царство, ребята. Далеко они не уйдут.

* * *

Сотни... тысячи проклятий полетело вдогонку Ричмонду и, наверное ему здорово икалось.

Пираты принялись за работу с немыслимым энтузиазмом. Кровь кипела, напрягались мышцы и только одна мысль вселяла надежду – Догнать!

«Сан-Филипе» принял на борт остатки провизии, порох и полторы сотни корсаров. Парусов хватило только на грот и бизать, остальные были безнадежно испорченны.

– Вот кошачий ублюдок! – вскипел Хэнкс. – И когда он только успел.

Сомнений не было паруса были предусмотрительно изрезаны.

– Сшить! – высказал предположение один из корсаров.

– Мы тебе что? Белошвейки, – топнул ногой Хэнкс. – Пойдем на чем есть!

– Нам не догнать Кларка.
– Молчать! Готовьте правый борт!
Безумство идеи не оценил никто. Шансов не было – надо было использовать любую возможность, что бы вырваться с острова. Молва мгновенно разнесла по экипажу новость об испорченных парусах. Пираты поникли, но не надолго.
– Говорят, земля кругла, – улыбнулся своим беззубым ртом старина Боб, – сыщется этот Кларк. Куда ему деться.
– За дело парни! – Хэнкс скомандовал канонирам.
Правый борт окутался едким туманом. Пушки изрыгнули ядра со средней дистанции.
– Косые! Клянусь Морским Богом – вы косые! Заряжай! – Хэнкс не выдержал и сам встал к стволу.
Задумка была очевидна – корсары вознамерились хоть как-то повредить затопленное судно, сбить торчащие мачты – освободить себе проход.
– Огонь!
Малорезультативная пальба продолжалась почти два часа. Им удалось сбить только одну мачту. Ядра зарывались в воду, поднимая фонтаны, но причинить вреда бортам притопленной «Долорес» они не смогли.
– Дьявол! – Хэнкс бесновался. – Хватит!
Он отошел от орудия, обвел взглядом команду.
– Ну что уставились, косорукие! Поднимай паруса! Выходим!
Часть корсаров так и осталась стоять на месте – они не верили... уже не верили.
Более ретивые, вскорабкались по вантам и принялись разрифлять паруса.
Мачты протяжно скрипнули, ветер натянул паруса и корабль медленно пошел вперед.
– Том! Левее! – воскликнул Хэнкс прижавшись к борту. – Левее! Еще.
– Не пройдем!
– Ааа!!!
Раздался нервный крик и в следующую секунду днище «Сант-Филипе» затрещало...

Глава тринадцатая

Признание

Карибское море, остров Ямайка, английская колония, г. Порт-Рояль, август 1686 года.

– Мэри, я, кажется, просила не беспокоить меня?!

Ирис сидела в широком плетеном кресле, откинувшись на спинку. На ее коленях лежала толстая книга, которую она пыталась читать, но без особого успеха.

В комнате, защищенной от солнца плотными светло-зелеными шторами, уже сгущались сумерки. За окном темнел заросший, неухоженный сад. В резиденции сэра Генри Моргана, губернатора Ямайки, уже зажигали свечи. В доме соблюдался строгий режим тишины. Губернатор был болен и вот уже месяц находился на постельном режиме. Каждый день его навещал доктор, а иногда и несколько сразу. Консилиум с выводами не спешил, но всем и так становилось очевидно, что дни прославленного корсара сочтены. Ничего не поделать – старость.

– Что случилось? – сдержанно спросила хозяйка.

– Только что пришла торговая шхуна из Англии. Вы знаете ее, мисс Нортон. Это «Медуза» господина Тейлора. На борту письма от мистера Альфреда и мисс Бэрт.

– Письма от отца и Кэти? – Ирис встала, аккуратно закрыла книгу, положила ее на низкий столик. – Они, должно быть, сходят с ума. Это уже вторая почта для меня, а я так и не смогла им ответить. Ты сказала, что ее нужно принести сюда?

– Да, мисс Нортон. Как только капитан «Медузы» закончит свои дела с вице-губернатором, он принесет ваши письма лично. Я поняла так, что у него есть устное сообщение от господина Альфреда.

– «Медуза» идет обратно в Бультон? – спросила Ирис, задумчиво постукивая пальцами по стеклу.

– К сожалению, нет. «Медуза» зашла на Ямайку только для того, чтобы найти вас и передать письма.

– Ну, разумеется. Господин Тейлор ложку мимо рта не пронесет. Что-нибудь еще, Мэри?

– Граф Эльсвик хотел вас видеть, – проговорила горничная с легким упреком. – Вы не принимаете его уже четвертый день.

– У меня отвратительное настроение, Мэри, и я не в силах выслушивать его утомительные излияния. Я устала.

– Принести свечи? – спросила горничная, решив не спорить.

– Не нужно. Отдыхай, Мэри.

Оставшись в одиночестве, Ирис задумалась. Вообще-то, совсем не обязательно было дожидаться корабля в Англию. Годился любой, который шел в Европу, в частности, любой из кораблей «Английской Вест-индской Компании». Однако Рик просил повременить с отъездом. Он не объяснил причины, сказал лишь, что она связана с Большим Призом, но клад Ферье был уже давно и благополучно разделен, и береговые братья шумно отпраздновали неслыханную удачу «Фортуны», Колумба получила, наконец, возможность внести вступительный взнос в облюбованный монастырь и попрощалась с Ирис не без ласковой приязни, но как человек уже далекий от мира.

Пожалуй, Ирис настояла бы на объяснениях, но неожиданно просьбу Рика поддержал сам губернатор. Она была допущена к ложу больного...

С замиранием сердца Ирис тогда вошла в спальню великого Генри Моргана. И увидела его – старика со впавшими щеками и со спутанными седыми волосами. Великий корсар... А ведь о нем было снято столько фильмов и написана не одна дюжина книг. Да что там, даже у них в театре подумывали поставить пьесу про похождения удачливого пирата.

Старик говорил с трудом, но его глаза светились, когда он слушал рассказ Ирис о приключениях вокруг Большого Приза. В его груди рождались странные звуки, когда Рик описывал ему морские и сухопутные схватки. Иногда кулаки Моргана сжимались, а ноги подгибались в коленях. Казалось, вот сейчас, он откинет одеяло, выхватит саблю из ножен и скомандует: По местам стоять! Но нет. Умиравший губернатор не сможет встать, его эпоха безвозвратно уходила вместе с ним.

Больной с интересом выслушал рассказы Ирис и Рика и в завершении тихо попросил:

– Побудьте еще... мисс Нортон. Я Вас прошу... не уезжайте так скоро... – Морган повернул голову и нашел в себе силы, едва заметно подмигнуть Джеймсу.

Девушка была заинтригована и поэтому ждала. Хотя местами грязный и, шумный Порт-Рояль был не лучшим местом для ожидания. Да и к тому же скука одолевала Ирис. Скука и тишина в доме умирающего человека.

Уйдя в свои мысли, Ирис не сразу уловила легкий шорох. Казалось, он шел от окна. Она прислушалась, надеясь, что ей почудилось. Не почудилось. Шорох повторился, на этот раз тише, но она была настороже и услышала.

– Господи! – она торопливо перекрестилась. – Сделай так, чтобы это был вор, а немышь!

Господь услышал. Оконная рама медленно, бесшумно приоткрылась. Ирис отступила вглубь комнаты, и быстро сгустившиеся сумерки отлично спрятали ее. Слившись со стеной, не шевелясь и не дыша, Ирис напряженно наблюдала за окном. Мысль закричать и позвать на помощь отчего-то не пришла ей в голову. Как назло под рукой не было ничего, даже отдаленно похожего на оружие. Плоский нож для разрезания бумаги остался на столике у окна и, вспомнив о нем, Ирис от души выругала себя за глупость.

Неизвестный не стал открывать окно полностью, лишь приподнял его, повременил, выжидая, не раздастся ли крик или звон серебряного колокольчика, но все было тихо. Тогда он подтянулся, ловко перекинул тело через подоконник, бесшумно спрыгнул, аккуратно

прикрыл раму, чтобы не хлопнула, и выпрямился, настороженно оглядываясь.

– Добрый вечер, – нервно выдавила из себя Ирис Нортон. – Довольно странный визит, я бы сказала.

Темная фигура дрогнула и после секундного замешательства отозвалась знакомым голосом:

– А что было делать? Я хотел поговорить с вами, но эта милая девушка, Мэри, оказалась настоящим драконом в юбке. Она заявила, что вы не принимаете, и принимать не будете до самого отъезда в Англию. Я решил, что пробраться сюда и подождать вас – мой единственный шанс.

– Очень убедительно, капитан Рик, – фыркнула Ирис. – Вам, видно, не приходит в голову, что ваш визит через окно компрометирует меня.

– Здесь Порт-Рояль, мисс Нортон, – перебил Рик, – а это довольно далеко от ваших светских знакомых.

– А еще здесь капитан «Медузы» из моего города, – отозвалась Ирис, – и он может в любое время постучать в эту дверь.

– Вице-губернатор задержит его до полуночи, а потом скажет, что вы уже спите, – доверительным тоном сообщил Рик.

– Да это просто какой-то заговор! – возмутилась Ирис, испытывая сильное желание рассмеяться. – Что же могло случиться такого важного? Я теряюсь в догадках.

Рик отошел от окна, ловко огибая мебель. Похоже, его зеленые кошачьи глаза отлично видели в темноте.

– Корабль в Англию, который вы ждете, будет здесь завтра, – ровно произнес Рик, – я пришел попрощаться.

– Вот как? – вырвалось у нее.

– Эти четыре дня, – тихо заговорил Рик, – я заметил, ваши двери были закрыты не только для меня, но и для вашего жениха.

– Я никого не хотела видеть, – коротко отозвалась девушка.

– Вы не хотите видеть Эльсвика, но хотите выйти за него замуж?

Ирис собиралась привычно возмутиться, но почему-то не было ни гнева, ни обиды, ни раздражения его бесцеремонностью.

– Это решилось не сейчас, – спокойно ответила она. – Граф Эльсвик просил моей руки. Я дала согласие. Могла не соглашаться.

– Зачем же вы это сделали? – еще тише спросил Рик. – Ведь вы не любите его.

– Почему вы так решили?

– Я ошибся?

– Нет.

Темнота обступила их со всех сторон. Ночные шорохи доносились из сада, сквозь неплотно прикрытое окно. Где-то далеко, в другом крыле дома, горел свет, и ходили слуги.

– Я никогда не думала о любви.

– Не верю.

– Почему?

– Каждая девушка думает о любви. И вы – не исключение.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. У меня была сводная сестра, – после паузы ответил Рик.

– Была?

– Она умерла. Давно. Шесть лет назад.

– Простите. Я не хотела причинять вам боль. Это ее звали Эдит?

– Да, – ответил Рик. – Она была прекрасным человеком. Лучшей сестрой в мире. Она была похожа на вас, Ирис. И умерла совсем молодой. Ее погубил брак по расчету. Брак без любви.

– Но, – Ирис запнулась, – теперь уже ничего нельзя сделать. Наша помолвка оглашена. Если я ее разорву, это запятнает репутацию дома Нортонов.

– Для вас это так важно?

– Это важно для отца. Его дело может пострадать.

– А как же вы? – эта фраза взорвалась в тишине уснувшего дома, как порох. – Вы все время беспокоитесь, то об отце, то о вашем дорогом Джордже, то обо мне. А о себе вы думали хоть раз? Как вы можете рассуждать о браке по расчету, вы, Ирис? Ведь вы же знаете, что такое любовь?

– Но как... когда?... – она испугалась и недоговорила.

– Однажды поздним вечером на Золотом Острове. Перед походом за кладом.

– Вы догадались?

– Да. Я хотел промолчать, но мне не хватило благородства. Я пришел сюда, чтобы сказать вам... Чтобы просить вас – отмените эту свадьбу. Она вам совсем не нужна.

– Это невозможно.

– Ну и что? Вы уже не раз делали невозможное. Мы оба это умеем.

Внезапно Ирис поняла, что совершила ошибку, позволив ему остаться и говорить. Это было опрометчиво.

Темная фигура, еле различимая в густых сумерках, глухой низкий голос, сумасшедшие слова дышали силой, но не человеческой, страшной, но понятной, а неуправляемой, сокрушительной силой стихии. Силой шторма, который нельзя ни понять, ни обуздать, ни умиротворить. Можно лишь закрыть глаза и надеяться, что пощадит.

– Что вы хотите? – проговорила она почти неслышно.

– Чтобы вы остались здесь.

Заметив движение в темноте, она поспешно отступила, призвав на помощь все свое хладнокровие.

– Только не приближайтесь ко мне! Ради всего святого! Иначе я потеряю последние остатки рассудка. Стойте там и, пожалуйста, послушайте меня. Вы правы, Рик. Тысячу раз правы: этот брак – несчастье для меня. Возможно, он бы мог стать счастливым, со временем, но на свою беду я встретила вас и полюбила. Вы ведь это хотели услышать, Рик? Я люблю вас. Вы довольны? Но это ничего не меняет. Я дала слово, Рик! Я – невеста Джорджа Эльсвика. Я выйду за него замуж. И может быть даже не пожалею об этом. Он меня любит!

– Не сомневаюсь, что этот мальчик вас любит, – отозвался Рик. – Или, скажем, думает, что любит. Но он не сможет дать вам счастья, Ирис. Того счастья, которого вы заслуживаете.

– А что можете дать мне вы? – с ожесточением спросила она.

Несколько мгновений стояла тяжелая тишина. Потом темнота ответила горьким, циничным смехом.

– Вы правы, дочь коммерсанта. Того, что может дать вам милорд, граф Эльсвик, я вам дать не смогу. А то, что я могу дать, вас, видимо, не интересует. Значит, сделка не состоится. Но, может быть, я смогу предложить условия, которые устроят вас больше? – голос Рика снова зазвучал глухо и отрывисто. – Другое имя, другая страна. Никто не узнает, что вы изменили слову. Для всего мира мисс Ирис Нортон погибнет на Карибах. Потом мы найдем способ сообщить вашему отцу. Вам нужен титул? Хотите быть герцогиней? Я добуду вам герцогскую корону. Выбирайте страну, где вы хотите быть принцессой... А может быть... Это невероятно, но именно сейчас мне почему-то кажется таким возможным...

При этих словах Джеймс извлек тонкую книжку в кожаном переплете, раскрыл ее на первой странице.

– Этот цветок... – он протянул девушке давно высохших гербарий. – Право смешно... но он мой путеводитель. Гадалка изволила пошутить!

– Гадалка? – девушка с интересом протянула руку к увядшему цветку. – Можно?

– Конечно, – разрешил Рик, – смотрите. Но цыганкам верить нельзя ни на грош.

– Ах, да, – глубоко вздохнула Ирис, – я помню, что-то Вы такое говорили мне. Это цветок...

– Ирис.

Она мягко улыбнулась.

– Вы тогда еще сказали, что я тот самый цветок.
– Да, – Джеймс решительно кивнул. – Но тогда я не был уверен. Сейчас же... Вы мой билет домой, Ирис. Быть может, эта чертова гадалка и права. У меня цветок, а Вы – Ирис. Все сходится в этом ребусе.

Девушка удивленно вскинула брови.

– Признаться, Вы пугаете меня капитан. Я не понимаю Вас.

– О, это очень просто, – Рик взял ее за руку. – Я не тот за кого Вы меня принимаете. Совсем не тот. Ни одна душа на всем белом свете не догадывается кто я и откуда. Вам мои слова покажутся странными... безумными, но прошу, Ирис выслушайте меня.

Ирис затаила дыхание.

– Я из другого мира, – продолжил капитан с напором, – из другого времени. Из будущего... Вы понимаете меня Ирис?

Ирис поняла. Она робко кивнула и почувствовала легкое головокружение, как будто, в тот злополучный вечер, когда судьба ее саму забросила в этот век.

– Откуда? – переспросил она.

Он понял ее вопрос по своему.

– Из России. Эта далеко отсюда, но...

– Я знаю, – ответила Ирис по-русски.

Теперь пришел черед удивляться Джеймсу.

– Ирис... Вы знаете мой язык?

Головокружение прошло, девушка высвободила руки из объятий Рика.

– И очень хорошо. Из какого Вы года, капитан?

– Из две тысячи десятого...

– Превосходно, – ее лицо просеяло, – я тоже!

– Этого не может быть, – Рик развел руки, а затем зазорно хлопнул ладоши. – Это чудо, Ирис... Вы откуда?

– Можно на ты, раз уж мы оба оттуда... – девушка мотнула головой, словно хотела поправить сползающую на глаза челку.

– Ялта.

Ирис смотрела на него и еще не до конца верила в эту сказку.

«...Как это могло случиться? – думала она про себя, – Как я могла быть так близко – и не узнать своего. Совсем своего. Ведь столько было подсказок! По взгляду, по жестам, по образу мыслей. Какая слепота!!!»

– А я из Ярославля, – ответила она вслух.

– Как это случилось? С вами? Извини с тобой.

– До сих пор не понимаю, – ответила девушка, – мы репетировали. Знаете такой небольшой провинциальный театр... Я актриса, – девушка присела в театральном реверансе, – Анастасия Трезубова. Пока еще не знаменитая, но...

– Яша, ох, простите. Яков Рикович, – тут же поспешил представиться капитан.

– Ааа, вот откуда Рик, – она игриво погрозила ему пальчиком, – от фамилии.

– Так точно! Ну продолжайте.

– Ах, да. В общем, мы ставили Спенсера. Внезапно у меня закружилась голова. Я, кажется, упала... Очнулась уже здесь. До сих пор думаю, какой в театре поднялся переполох, когда я так внезапно исчезла посреди репетиции.

– Могу себе представить. Мои наверное тоже с ума сходят, хотя...

– Да. И знаете, где я очутилась?

– Интересно. И где же?

– В больнице, в лепрозории...

И дальше Ирис... Анастасия поведала Риковичу горькую правду своего перерождения в семнадцатом веке. Не забыв, упомянуть и о смерти настоящей Ирис Нортон.

– Получается, я самозванка, – грустно вздохнула девушка, закончив сою не веселую повесть.

– Да... – задумчиво протянул Яков, – получается у старика Нортоня никого не осталось. Сначала жена, потом Ирис... мда, жестока судьба к этому человеку.

– Он замечательный.

– Никто и не спорит.

– А вы? Как? Откуда? Куда?

– А я утонул, – бросил Рик так небрежно, словно эти слова ничего не значили, и происшествие было пустяковым, – так что меня уже никто не ищет. Наверное. Дурацкая, собственно, была затея. Мы с друзьями вышли море. Шторм – и вот я тут. А подобрал меня как раз Адам Бикфорд на своей «Марианне», потом я попал к прежнему капитану «Форутны», ну и...

– Понимаю, – кивнула Настя, – карьерный рост на лицо.

– Да, что-то типа этого. Ну а потом я занялся кое какими переделками уже на своей «Фортуне». Усовершенствовал как мог...

– Наслышана-наслышана, дорогой капитан. Гроза морей. И даже – Люцефер.

– Мои враги явно преувеличивают, ха...

И они засмеялись, вместе. Тихо, чтобы не переполошить домашних.

– Да смешно, – Яков заметил на ночном столике графин с водой и рядом пустой стакан. – Позволишь.

– Конечно, – небрежно отмахнулась она.

Рикович налил, выпил.

– И мне тоже.

Процесс утоления жажды занял некоторое время, они и сами не заметили, как оказались близко друг к другу.

– Еще? – спросил капитан.

– Нет. Присядем.

– Удобно ли, – спросил Яков, делаю вид, будто он смутился.

– Ну, – задорно улыбнулась девушка, – мы же взрослые люди.

Они сели на край ее постели.

– Я смотрю, ты вполне отлично устроилась. Манеры, прическа, платье, язык...

– Я же актриса! – она гордо вскинула голову. – Сначала перепугалась – жуть. не верила, не хотела верить. Спасибо Джаспер помог. А потом, знаешь, стало интересно. Втянулась. В сущности, эта роль мне нравится. Не то, что было в театре...

– Понимаю. Главная роль теперь твоя.

– Точно, – она вновь улыбнулась. – А ты как адаптировался? Ха, вот словечко...

– Нормально. Поначалу было страшновато. Но потом, когда был первый бой и первый убит...

– Я поняла.

– Ну а куда деваться. Знаешь как в кино – или ты или тебя. Пришлось выбирать. А к джентльменам удачи попал, так особого выбора у меня и не было. Знания английского, и немного морской практике. Вот и весь мой багаж. Это же тут у местных понахватались... Ха, и знаешь Сабатини вспомнил «Капитана Блада», как по писаному жил. Играл свою роль. Вот такой театр.

Они умолкли, каждый думая о своем. Но это длилось лишь мгновение. Затем Яков поднял голову и взглянул ей в глаза.

– Ирис... мм, Настя я не умею говорить о любви, но знаешь... Я люблю тебя и мы должны быть вместе.

Темнота обступала их со всех сторон, тишина была полной и абсолютной: не тикали часы, не звенели цикады, не слышно было ничьих шагов. По щекам девушки текли слезы, она их не замечала.

– Я тебя тоже...

И отчаянный капитан Рик, гроза Карибского моря, чуть было оробевший, пошел на приступ бастионов.

- Настя... – он взял ее за руки, приблизился. – Настя мы должны быть вместе...
- Отец... Эльсвик, свадьба...
- К черту свадьбу!
- Я...

Он не дал девушке договорить. Яков крепко обнял ее за талию, чуть притянул к себе и впился в ее губы страстным поцелуем. Ее руки легли ему на грудь и... где-то в глубине сада, возвещаая о раннем утре, звонко запел соловей.

* * *

Утро ворвалось в спальню вместе с лучами теплого Солнца. Когда Настя открыла глаза, Яков был уже одет. Он сидел на кресле, возле столика и созерцал... Тонкое одеяло прикрывало лишь бедра. Она заметила его взгляд, улыбнулась и тут же прикрыла грудь.

– Давно встал?

– Нет.

Девушка поправила подушку, села.

– Не хотел тебя будить.

– Уходишь?

– Надо, – Яков встал, подошел и пришел на край постели. – Я найду способ нам вернуться. Бред, конечно, но если гадалка права, я нашел то, что искал – тебя. Ты – синий цветок. И теперь мы оба можем вернуться.

– Зачем назад? – она сдержанно улыбнулась. – Я не хочу назад.

– Мы можем вернуться домой! В двадцать первый век, – терпеливо повторил он, думая, что девушка чего-то не поняла. – Стоит попробовать.

– А чего я там забыла, в этом двадцать первом веке? – равнодушно ответила она, – семиметровку в панельном доме, приличные туфли в витрине, мамочку, которая кроме очередной бутылки ничего не видит, и «Кушать подано»?

– Но...

Она перебила его.

– Да в гробу я видела все это счастье! Мне здесь больше нравится, понятно! Я – дома. У меня есть отец. – Повсему было видно, что этот утренний разговор злил ее.

– Но... он же не твой отец, – опешил Яков.

– Какая разница?! Он меня любит. Еще никто и никогда так не любил меня, не заботился обо мне, не гордился. Да я... У меня впервые в жизни появился дом. И папа. И я его не брошу. Он может этого просто не пережить. Да и вообще, милый... – она снизила тон и ласковой кошечкой прильнула к Якову, – здесь много чего есть. А ты чего завел разговор. Ты что в Ялту захотел?

Рикович обнял ее за плечи, поцеловал долго и страстно.

– Устал я... – ответил он, немного отстранившись, – понимаешь, устал. Признаю моя роль, мне нравилась, да и, пожалуй, сейчас продолжает еще нравиться, но я устал. Хочу взглянуть на родителей, на друзей... Шесть лет Настя, шесть долгих лет... Везде надо бороться за жизнь. Но здесь труднее, на Карибах, каждый день – лотерея. Я устал каждый день засыпать с пистолетом под подушкой.

– Мылый, любимый, – она дотянулась до его уха, – перестань. Давай останемся. Посмотри как все замечательно получилось. Доля от большого приза – это куча золота, нам хватит. Да и я богатая наследница, – девушка игриво выгнула шею, – да и папа будет рад.

– Этот твой любящий папа вынуждает тебя выйти замуж против воли, – хладнокровно напомнил Рик, – это ничего?

– Мы чтонибудь придумаем, – она хихикнула, видя что Яков ревнует, – Да и потом, а чем ты не пара? Отец будет доволен.

– Ага... Но у меня же нет титула и герба.

– Купим! – Настя весело подпрыгнула и обвила шею любимого. – Давай останемся, ну

пожалуйста.

Он ласково провел рукой по ее волосам и твердо заявил.

– Нет, дорогая. Надо возвращаться. Мы итак слишком много натворил вмешавшись в ход истории. Реальной между прочим истории. Это не иная планета, не параллельный мир, а мы тут с позволения сказать подгадили...

Его тон вывел Настю из себя.

– Ну и давай! Вали! Чего ты такой упрямый?

– Зато ты хорошо устроилась.

– Ты не хуже, капитан Рик! – она наглухо закуталась в одеяло и отползла на край постели, подальше от него.

– Настя, я люблю тебя...

– И поэтому хочешь утащить меня обратно. Против моей воли между прочим. Чем ты лучше Эльсвика! – в ней властно заговорила Ирис Нортон.

Яков резко вскочил. Желваки на его щеках заходили ходуном.

– Похоже, мой цветок пустил корни на другой почве, – потрясенно проговорил Рикович.

– Да, – ответила она и демонстративно отвернула голову.

Яков еще раз посмотрел на девушку, но он был слишком зол, потрясен и разочарован, чтобы быть великодушным.

– Хорошо, – кивнул Рик после недолгого молчания. – Я не стану угрозой твоей безупречной репутации и твоим планам на будущее здесь. Я ухожу.

– Ну и, пожалуйста.

– Ты больше никогда меня не увидишь.

– Ага...

– Я желаю тебе счастья.

– И тебе того же...

– Наше с тобой счастье и наше возвращение домой ты предала!

– Ой-ей-ей, как страшно.

Внизу послышались шаги, хлопнула дверь, звякнула кастрюля... Прислуга проснулась и теперь спешила по хозяйским делам. Но двое влюбленных не замечали, они были заняты спором.

Джеймс Рик лишь миг прислушивался к легкому шуму внизу, а затем неожиданно перешел на английский:

– Прощайте. И помощи вам Бог!

– Скатертью дорога, – фыркнула Ирис Нортон.

Он решительно шагнул к окну, ловко вскочил на широкий подоконник и растворился в утренней дымке. Дикие заросли кустарника сомкнулись за его спиной.

– Яша... – Только сейчас, когда он действительно ушел, Ирис пожалела о своих словах.

Она одним рывком скинула одеяло, подскочила к открытому окну.

– Яша! Постой!

Солнце пробилось сквозь тонкую пелену тумана, а налетевшей свежий бриз с моря и вовсе разметал остатки поволоки. День обещался быть жарким.

– Яков... – голос предательски дрогнул.

Она машинально закрыла окно на обе защелки, и только после этого разревелась в голос, уже никого не боясь и не стесняясь.

* * *

Спрыгнув на землю и оказавшись в саду, Рик стремительно кинулся прочь. Он не знал точно, но лелеял надежду, что она кинется за ним, и поэтом спешил. Он не хотел слышать – вернись.

– Как же все нелепо! Йех...

Он почти бежал, одной рукой придерживая шпагу, а другой комкая шляпу. Полсотни метров и он услышал... Храп! Рик замер.

– Что еще такое?

Это мог быть кто угодно – садовник, дворник уснувший с вечера под тенью каштана. Может, пербрал малость. Но каково было изумление капитан, когда под деревом он узрел графа Эльсвика, храпевшего в обнимку со своей шпагой. «Что ему тут понадобилось? Или...»

Рик осторожно склонился и проследил за предполагаемым взглядом графа. От каштана хорошо проглядывалось окно Ирис Нортон. Отсюда и до самого дома, только кустарник и второй этаж, как на ладони.

– Проспал ты ее... да и я тоже.

Джеймс развернулся на каблуках и пошел в сторону скрывающейся за платаном калитки.

Глава четырнадцатая Разлука

Карибское море, остров Ямайка, английская колония, г. Порт-Рояль, август 1686 года.

Утро стояло свежее и необыкновенно прозрачное. Сад шумел за окнами, как лес. Ветер, гуляющий в листве, шевелил шторы у приоткрытого окна. Мэри складывала немногие вещи Ирис в новенький дорожный саквояж.

– Мисс Нортон, куда я должна отправить вещи? – крикнула она. – Мы все еще не знаем ни названия корабля, ни имени капитана.

– В Кайонской бухте нас встретит Дэнни Расвен, штурман Рика, – откликнулась Ирис. Она произнесла это негромко и ровно, как обычно, но Мэри удивленно подняла глаза.

– Вы словно не рады, мисс Нортон. Мы едем домой, и наконец-то отдохнем от всех этих ужасов.

– Помолчи, Мэри, – поморщилась Ирис.

– Вы все еще собираетесь, дорогая? – Эльсвик вошел без стука, потому что стучать было некуда. Двери стояли распахнутыми на обе створки.

– Я не видел вас четыре дня, – произнес он.

– Я не хотела видеть людей и не хотела разговаривать. Теперь все прошло, – ответила девушка и улыбнулась Эльсвику.

– От вашей улыбки хочется плакать, – вздрогнув, проговорил он. – Что случилось?

Граф сделал знак горничной, и Мэри вышла. Он опустил в кресло, мельком глянув на обложку книги.

– Вы ничего не хотите мне сказать? – мягко спросил он.

– Что вы хотите услышать, Джордж? – отозвалась она.

– Ну, например... Что сказал вам капитан Рик, – неожиданно произнес Эльсвик. – Ведь это он был здесь вчера вечером. Он не единственный, кто бродил мимо ваших окон, дорогая, но он не ограничился созерцанием вашего профиля через занавеску... – Эльсвику потребовалось усилие, чтобы произнести это спокойно. Впрочем, он мог и не стараться.

– Он предложил мне сбежать с ним, – соврала его невеста с полнейшим безразличием. – В любую страну по моему выбору. Я отказалась.

– Негодяй! – Эльсвик вскочил, сжимая кулаки. – За такое оскорбление полагается отвечать со шпагой в руке. Когда он ушел?

Ирис посмотрела ему прямо в глаза. «Соврать или сказать правду?»

– Утром.

– Каков подлец! Он Вам ничего не сде...

– Я люблю его, Джордж, – тихо произнесла она.

Эльсвик опустил руки, он все понял и был потрясен.

Ирис подняла на жениха серые глаза. Они были совершенно потерянными. Мгновенно графу припомнилось все: беспокойство Ирис на Золотом острове, когда Рик ушел в ночной рейд, ее нежелание говорить о свадьбе и эти потерянные глаза. Что-то надо было делать. Кричать? Топать ногами? Трясти ее за плечи и требовать объяснений? Или просто замкнуться в холодном молчании? Эльсвик не сделал ни того, ни другого, ни третьего. Он подошел к невесте, осторожно обнял ее и тихо погладил светлые, выгоревшие на солнце волосы.

– Все будет хорошо, дорогая. Не нужно плакать. Вы забудете его, и все будет хорошо. Однако следовало бы его проучить... Вы не подскажете, дорогая, где я могу его найти?

– Он сказал, что я его никогда больше не увижу, – ответила она.

– Ах, вот как! И очень хорошо, – кивнул Джордж. – Он, конечно, спас вам жизнь, но, между нами, это было не слишком подходящее знакомство.

* * *

Пыльная улица, обсаженная растрепанными пальмами, неторопливо спускалась вниз, туда, где возвышались скалы, сжимающие с двух сторон бухту Порт-Рояля, и шумела городская гавань.

Ирис видела ее третий раз в жизни, и, видимо, в последний. Даже от себя она скрывала, что ей нравилось здесь. Ей нравились строгие очертания флибустьерских кораблей, стоявших на якоре. Неутомимые охотники за призами, они были похожи на охотничьих псов: поджарые, с вечно подведенным животом-трюмом и цепкими когтями абордажных крючьев. Ей нравилась праздная толпа на пристани, где мешались языки, расы и обычаи, где мсье в тонких кружевах ручной работы по-приятельски беседовал с полуголым метисом в кожаных штанах.

Ее забавлял вид полупьяных корсаров, обвешенных оружием, как рождественская елка – игрушками. Она не боялась их. Ямайка была единственной гаванью английского «берегового братства», где им нечего было опасаться, ну почти нечего... Сам губернатор бывший корсар, обвиненный, а потом оправданный и возвышенный. Сколько отчаянный голов мечтали повторить этот путь. Жаль только, что в последнее время не было больших войн.

Конечно, Ирис вольно передвигалась по городу. Ни один из корсаров не посмел бы тронуть гостью губернатора, к тому же ту, которую молва считала подругой Джеймса Рика, некоронованного короля здешней шатии.

Тут было очень жарко, очень грязно, стоял отвратительный запах (как и в любом порту), но ей здесь нравилось. Ирис вертела головой, пытаясь отыскать среди десятков парусников, стоящий в гавани знакомый бриг бронзового цвета, но не находила.

– «Фортуна»? – переспросил тощий мальчишка, молниеносным движением спрятавший мелкую серебряную монету. – Она ушла еще утром, леди.

– А шхуна «Альбатрос»? Ею сейчас командует Расвен...

– «Альбатрос» здесь. Вы пройдите подальше, леди. «Альбатрос» стоит вон за тем серым красавцем.

Мальчишка махнул рукой, с любопытством разглядывая знатную даму, важного господина в парике, двух моряков и четырех слуг.

Эльсвик слушал эти расспросы с тревогой и, лишь услышав, что «Фортуна» ушла, немного расслабился. Но ненадолго. Едва он успел перевести дух, как неизвестно откуда возник молодой человек в типичном наряде флибустьера, с двумя пистолетами за поясом и с абордажной саблей на боку. Он был лохмат, неотесан, самоуверен, невероятно силен и кареглаз. И приветствовал его невесту фамильярной, но, черт его возьми, обаятельной улыбкой.

– Рада тебя видеть, Дэнни. Я скучала.

Ирис протянула оборванцу руку, и тот поцеловал ее так естественно, словно был

приличным человеком.

– Любуетесь? – Дэнни одобрительно щелкнул пальцами, – есть на что. С утра здесь перебивала весь Порт-Рояль, кто хоть немного смыслит в этом деле. И сейчас торчат. Я их не виню, Ирис. Я и сам, при виде этой красавицы, едва не обратился в камень. Мой «Альбатрос» тоже не плох, но это... ух!

Ирис его почти не слышала. Она стояла неподвижно и заворожено глядела на чудо, которое явила ей Ямайская бухта.

Это был бриг. Светло-серого цвета. Он не был миниатюрным, но казался легким, и, похоже, был очень быстрым. Крутой форштевень, обтекаемые линии бортов, все это придавало ему сходство с яростными и стремительными пернатыми хищниками. Серый цвет делал его почти волшебным. Это был цвет моря, цвет неба, когда оно только начинает темнеть. Ирис представила себе, как в сумерках бриг сливается с водой и облаками и исчезает из мира. Это был корабль-призрак. Хотя любому, кто усомнился бы в его реальности, следовало бы посчитать закрытые сейчас пушечные порты. У «призрака» были крепкие зубы, и, пожалуй, даже «Фортуне» не стоило испытывать судьбу, пытаясь проверить их на прочность.

– За мостик на таком корабле я продал бы душу дьяволу, – крикнул Харди Мак-Кент.

– Да уж... – завистливо протянул Дик Вольнер.

– Кому же принадлежит это чудо? – спросила Ирис в каком-то молитвенном экстазе.

– А Рик разве не сказал? – удивился Дэнни. – Это бриг «Синий цветок», и он принадлежит вам, Ирис.

– Мне? – переспросила она почти испуганно.

– Рик же обещал вам компенсировать утрату бригадины, которую он взорвал на Золотом острове, – Дэнни рассмеялся с явным удовольствием. – Капитан действительно не связывает себя условностями. Кто, кроме него, решился бы подарить женщине военный корабль?

...Он откуда-то знал, что серый цвет – ее любимый. Он знал о ней все. Возможно, даже то, чего она сама о себе не знала...

– Но где же он сам, Дэнни? – с волнением спросила Ирис.

Бывший штурман, а теперь капитан «Альбатроса» выразительно пожал плечами.

– Не знаю, Ирис. Он не сказал ни куда пошел, ни когда вернется, ни вернется ли вообще. Большая часть команды осталась на Ямайке, пропивать свою долю Большого Приза. С ним ушли только добровольцы.

– Он хоть что-нибудь тебе объяснил? – настойчиво спросила Ирис.

– Сказал, что на этот раз идет не за добычей. У капитана есть старый должок... – Дэнни загадочно хмыкнул, – Наверное он решил его вернуть.

– Но куда же он ушел? На Сент-Кристофен, на Эспаньолу, на Невис... на Тортугу??

Дэнни вздохнул и сочувственно тронул ее за плечо.

– Вот уж точно Рiku нечего делать на Тортуге. У нас с лягушатниками взаимная нелюбовь.

– Тогда где он?

– Не пытайтесь его разыскивать, Ирис. Это бесполезно. Он верен слову, как и вы. И если он обещал, что вы его больше никогда не увидите – вы его не увидите. Даже если он пройдет рядом, на расстоянии ладони.

Ирис стремительно обернулась к Дэнни. Руки ее сжались в кулаки, а в серых глазах взметнулась такая ярость, что тот невольно попятился.

– Кто он такой, этот Рик? – спросила девушка звенящим голосом, – может быть, действительно, сам Люцифер? Он человек из плоти и крови и вряд ли сумеет стать невидимым. Я найду его, Дэнни! Даже если это на самом деле невозможно. Мне уже доводилось совершать невозможное и спасибо Рiku, что он мне об этом напомнил. Я обещаю все Карибское море, все острова вдоль и поперек... Я найду его.

– И что вы скажете ему, когда найдете? – спросил Дэнни.

– Скажу... Скажу, что он глупец! Что он мне абсолютно безразличен! Что я и не думала плакать о нем! «Не люби слишком сильно». Это хороший совет, и я ему последую, но мне хотелось бы поглядеть, сможет ли Рик сделать то же самое!

Неожиданно Дэнни Расвен оглушительно рассмеялся. Он смеялся так долго, что на них стали оглядываться.

– Сделайте это, Ирис, – проговорил он, все еще давясь смехом. – У вас получится, клянусь. Но если в этой истории и есть глупец, то это я. Честное слово, я только сейчас понял, зачем капитан подарил вам этот бриг.

Вся компания дружно подхватила веселье. Только графу Эльсвику было не до смеха. Он плотно сжал губы и что-то пробурчал себе под нос.

– Вы чем-то недовольны граф? – бесцеремонно хлопнул его по плечу Мак-Кент. – Клянусь зюйд-вестом, нам предстоит увлекательное путешествие.

– Вам повезло... – огрызнулся Эльсвик и движением плеча скинул руку шотландца. – Ирис, вы уверены? Ведь мы же...

– Граф! Я так решила! – отчеканила каждое слово девушка.

– Тогда я боюсь нам не по пути, – граф небрежно кивнул, развернулся и стремительно направился в сторону... ближайшего кабака.

– Как бы он Вашему батюшке не поспешил жаловаться, – предостерег Мак-Кент, глядя вслед графу.

– Ну, и пусть, – отмахнулась Ирис, подхватила подол платья и уверенно зашагала к своему новому кораблю.

Следом за ней поспешала Мэри и слуги.

– Господа, – Денни остановил Мак-Кента и Вольнера. – Минуту господа. Моя миссия на этом, увы заканчивается. На «Синем цветке» все готово к дальнему путешествию. Вода, провизия, порох, и команда. Лучшие из тех, что я смог найти в этих краях, – Денни Расвен развел руками. – Лучшие. Желаю вам удачной прогулку, а мне пора.

– Рад был знакомству, – первым протянул руку Дик Вольнер.

– Взаимно.

– И я... – Харди в свою очередь пожал руку Денни, – сердечно рад. И все же Денни, – шотландец настойчиво не выпускал руку, все тряс и тряс, – не скажешь где может быть Рик? Клянусь виски моего деда, ты что-то знаешь?

– Нет. Право. Рик ничего мне сказал. У него свои планы, а у меня теперь свои, – при этих словах Денни кивнул на «Альбатроса». – Так уж извините, но помощь не могу. Да и не тот человек Джеймс, чтобы рассказывать о своих планах.

– Мда, хороший маневр, – Харди наконец отпустил руку Расвена. – Ну до встречи Денни, может быть еще увидимся.

– Дай-то Бог...

– Удачи! – еще раз махнул рукой Дик Вольнер, и они с Мак-Кентом заспешили вслед за Ирис, которая уже была у трапа «Синего цветка».

– Да уж... – потирая правую руку от крепкого пожатия шотландца, чуть слышно произнес Денни, – врать, конечно, не хорошо...

Он проводил друзей взглядом. Убедился, что они взошли на «Синий цветок» и только тогда заспешил к своему «Альбатросу». Через сутки Джеймс Рик ждал его у мыса Святого Петра и Павла...

* * *

На моем дорожном плаще
Пыль тысячи троп.
И одна ведет к тебе,
А все остальные прочь.

А в твоём саду сто огней.
Две тысячи песен у скрипки.
И одна из них обо мне,
А все остальные – молитвы.

Капитан Рик вышел на палубу, свежий ветер рванул волосы, освежил. Он тряхнул головой: «Вот ведь на стихи потянуло! Что за мир... Девчонка! Капризная и неумная, эх, угораздило же меня – русский пират в Карибском море, скучающий по любви.... Вот это и в самом деле забавно». Он еще раз тряхнул головой, прогоняя назойливые мысли, посмотрел на линию горизонта и улыбнулся...

Вдали уже скрылись очертания «Синего цветка», который он подарил Ир... Насте.

– Анастасия ё-моё, – по-русски буркнул себе под нос капитан, – Любовь, ля мур, ха...

Его «Фортуна» стояла за мысом Святого Павла и Петра, в крохотной бухточке. Отсюда он видел, как «Синий цветок» взял курс на Сент-Кристофер.

– Ну пусть поищет-побеждает...

Джеймс сложил подозрительную трубу и направился к себе в каюту. До прихода «Альбатроса» оставалось чуть меньше суток. А у Денни сейчас в Порт-Рояле есть еще дела...

* * *

На следующее утро в бухту вошел «Альбатрос» и встал на траверзе «Фортуны». С прибывшего брига тут же спустили шлюпку – Денни Расвен спешил на доклад к Рик.

– Значит ты все точно узнал?

– Точнее не бывает, капитан, – ответил Денни Расвен. – Ричмонд сидит на Невисе, пытается добрать команду. Я подробно расспросил капитана Старка. Он только вернулся с Невиса и видел там «Королеву Марию».

– Мда... – задумчиво протянул Рик. – В Чарлстауне он вряд ли найдет нужное количество моряков.

– Он может отправиться на Антигуа или Барбуду, – высказал предположение Денни.

– Это еще более маловероятно. Там то уж точно только хвост от плешивой псины.

– Ну тогда ему ничего не остается, как сидеть на Невисе и ждать милости Божией. К тому же Старк сообщил, что на «Королеве» недокомплект орудий и пороха.

– А вот это уже совсем хорошо, – широко улыбнулся Джеймс. – Видать наш друг улизнул с Золотого острова с пустым брюхом.

– Э, не скажите капитан. Видать денежки у него водятся. Старк сказал, что Ричмонд обошел все мастерские и все склады Чарлстауна, в надежде купить не достающее.

– И?

– Большого Старк не знает. Он вышел в море...

– Ясно, – Рик подпер подбородок рукой. – Ладно, Денни, ты молодец. И вести добрые принес и Ирис проводил. – Джеймс немного замялся и Денни это заметил.

– Она отправилась искать Вас капитан.

– Знаю, – отмахнулся Рик. – Однако у нас сейчас дела куда поважнее, чем дамские юбки. За дело, Денни. Идем к Невису. Будем выкуривать этого джентльмена из его логова.

Глава пятнадцатая

Дуэль.

Карибское море, близ острова Невис, английская колония август 1686 года

Вырвавшись из западни на Золотом острове Ричмонд Кларк долгое время размышлял над вечным вопросом – что делать? У него был бриг Волка – «Королева Мария», с полсотни

матросов, всего четыре орудия и пятнадцать картузов с порохом. Волк, Керби Клейн, были мертвы, это он выяснил еще на берегу в лагере пиратов. Уцелевшие люди Волка подробно описали происшествие на «Фортуне». Конечно, не забыв все изрядно запутать и приукрасить. Но как бы то ни было у Кларка теперь оставался один незванный «дольщик» – Джеймс Рик, который и прибрал к рукам все сундуки Большого Приза.

Капитан Кларк прогуливался по юту, нервно закусив нижнюю губу. Несмотря на свежий ветер, он почувствовал, что взмок. Капельки пота стекали по вискам, вдоль позвоночника и неприятно холодили спину.

– Чертов Рик, – Ричмонд щелкнул каблуками и резко развернулся на месте. – Что ты провалился!

Надо было решать куда плыть. Да и команда, пребывая в неведении относительно планов, могла начать ворчать. А что может быть хуже в походе, чем косые взгляды своих же товарищей?

Нет, план конечно был – найти Рика и потребовать свою доли. И именно в этом Кларк убедил своих людей перед отплытием с Золотого острова. И если эти наивные искренне полагали, что так оно и будет, то Ричмонд особых иллюзий не питал. Во всяком случае, сейчас. Догнать, а тем более вступить в бой на разукomплектованном судне с первоклассной «Фортуной» было бы чистым безумием. А Кларк не был безумцев. Хотя он и признался себе сам, что первым желанием было кинуться, нагнать и будь, что будет.

Из сотен островов Карибского моря он все же выбрал Невис. Малолюдный и тихий Невис...

На Ямайку соваться смысла не имела, ведь Рик именно туда и мог отправиться. Кларк и сам бы поступил точно так же. Только в Порт-Рояле можно сбыть хотя бы часть добычи и прикупить все необходимое.

– Невис... – еще раз прошептал Кларк, а затем добавил во всеуслышание. – Гарри лево на борт, курс норд-ост. Идем на Невис!

Кларк сам убедил себя, что Невис самое подходящее место для засады. Рику все равно потребуется масса времени, чтобы пристроить Большой Приз. Никто, не одна компания сразу не отвалит ему столько золотых монет за драгоценные камни и прочие цацки из сундуков старика Ферье. Так что у Ричмонда будет время дооснастить судно и набрать людей.

Капитан прикрыл глаза, еще раз мысленно пересчитывая свое состояние. То немного, что ему удалось урвать и распахать по карманам на Золотом острове. Получалось конечно, скромно. Но на орудия, порох и ядра должно хватить. Должно...

Ричмонд вскинул голову и взглянул в темнеющее небо. День подходил к концу. И именно сейчас ему захотелось помолиться. За себя, за удачу, и за Большой Приз, что так нелепо ускользнул из его рук.

– Я... я нашел его первым, – процедил он сквозь зубы, – я...

Молился ли он искренне, или только делал вид, но отчего-то Бог или Дьявол услышал его.

– Корабль по левому борту!

Дикий крик марсового вернул Кларка на землю! Он решительно извлек из-за пояса подозрную трубу и приложился к линзам.

– Черт, далеко. Гарри еще левее! Держи прямо на корабль.

Час «Королева Мария» шла на сближение с незнакомцем. Солнце почти забежало за край мира, когда Ричмонд, наконец, разглядел пинас под португальским флагом. Еще с полчаса продолжалось сближение, и теперь Кларк полностью убедился, что «купец» потрепан. То ли пинас попал в шторм, то ли имело место нападение. Как бы то ни было, но Ричмонд счел это подарком судьбы. Он еще раз внимательно осмотрел повреждения судна. Ошибиться было нельзя. Нападать на хорошо вооруженный пинас, с собственным недокомплектom было смертельно опасно.

Изорванные парсу на грот и фок-мачте португальца не давали ему хода, фальш-борт и

несколько портов были изуродованы и носили следы подпалин. Кроме того, Кларк заметил, что пинас сидит глубоко, ниже ватерлинии.

– Гарри право на борт. Орудия к бою!

Сейчас эта команда выглядела несколько глупо. С каждого борта «Королевы Марии» находилось всего по два орудия. Но выбора не было.

– Гарри ближе. На траверз!

Сквозь увеличительные линзы, Ричмонд хорошо видел, как противник оживился на палубе пинаса. Открылись порты и борт португальца обозначился пятью стволами.

Суда поравнялись и капитан Кларк, опережая врага, скомандовал:

– Огонь!

Два одиноких выстрела, перекликнули шум моря и ядра унеслись к цели. Ричмонд сжал кулаки, и о чудо! Оба ядра попали в цель!

– Есть! – капитан аж подпрыгнул. – Есть!

Чугунные ядра рванули подле грот-мачты, разметав прислугу двух орудий.

– Заряжай! – бешено выкрикнул Ричмонд, обрадованный успешным попаданием.

В ответ с пинаса громынуло три выстрела, но лишь одно ядро угодило в цель, снеся ограждения на баке и убив одного пирата.

– Гарри лево на борт. Товсь!

Маневр занял несколько минут и «Королева Мария» встав другим бортом на траверзе португальца, изрыгнула еще два ядра. И вновь попадание! Только одно! Но весьма удачное! Чугунный гостинец, порвав ванты, взорвался подле штурвального колеса. Рулевой был убит на месте, капитану оторвало руку, а сам штурвал завалился на бок, почти вырванный из креплений. Пинас с заложенным рулем, ушел в крутой поворот.

– Гарри поворот! – проорал Кларк, разглядывая португальца в подзорную трубу. Он заметил суету возле покореженного штурвала, и уже в душе праздновал победу.

Корабли вновь развернулись, при этом пинас не замер на траверзе пиратов, а продолжал крутиться. Однако, сдаваться пинас не собирался. Другой, не пострадавший борт португальцев, окутался дымом и сразу пять ядер устремились к вражескому судну.

Ричмонд инстинктивно вжал голову в плечи, ожидая сокрушительного удара... Дистанция была предельна мала, и промахнуться с такого расстояния мог только слепец. Но видимо не зря Ричмонд возносил молитвы, возможно первый раз в жизни, Вседержитель был открыт его просьбам. Только два вражеских ядра достигли цели. И вновь на баке послышался разрыв... второе же ядро угодило в бушприт.

– Чего застыли?! – прикрикнул Кларк на канониров. – Огонь.

Еще два гостинца ушли к цели. Пинас как раз встал высокой кормой к бригу и получил туда оба ядра.

– Гарри! Ближе! Приготовиться к абордажу! Канониры картечь!

– Так нет картечи! – ответил стоявший рядом с капитаном боцман.

– А гвозди? – с надеждой спросил Кларк.

– Есть.

– Заряжай! Гвозди, скобы, запихните все что хотите! Быстрее черти!

Часть пиратов метнулась в трюм на сборы импровизированной картечи, а абордажная команда собралась на шканцах. Ричмонд оглядел голодный с горящими глазами пиратов.

– Нас мало! Но добыча сама идет в руки! Вперед парни! Чует моя селезенка, что на этом пинасе есть серебро! – Ричмонд выхватил саблю и воздел ее над головой. Потряс, как древний герой, призывая товарищей к отваге. – Вперед!

– Сэр, картечь готова!

– Отлично, Фрэнк! Гарри ближе! Рифите грот!

Несколько минут томительного ожидания и бриг подошел почти в плотную к «купцу».

– Огонь! – чуть не надорвав глотку, выкрикнул Кларк.

И тут же два залпа слились в один протяжный гул. Португальцы выждав до последнего разрядили свои орудия в упор. Картечь пиратов смела врага со шканцев, а четыре ядра с

пинаса проломили борт «Королевы Марии», чуть ниже верхней палубе. Где-то в чреве брига, на нижнем деке глухо рвануло.

– На абордаж! – сквозь пороховой дым скомандовал Ричмонд.

Несколько крюков на длинный веревках, метнулись к вражескому борту. Пираты налегли притягивая оба судна. В помощь им с десятков корсаров пришли на помощь с пятиметровыми баграми.

– На абордаж!

* * *

Ричмонд не был великодушен, он поступил, как было принято на Карибах. Двадцать четыре, оставшихся в живых португальских моряка едва разместились в трех небольших шлюпках и были оставлены на волю волн. Им выделили два бочонка питьевой воды и мешок сухарей – все.

Теперь Кларк мог гордиться собой и благодарить Бога. Пинас был гружен паприкой. Но не это было главным. В капитанской каюте обнаружили серебро. И именно это натянуло на лицо Кларка улыбку. Парика тоже кое-чего стоила, так что он уверовал в успешных закупках на Невисе.

Он вначале полагал довести захваченный пинас «Авейра» до Чарлстауна и там продать. Однако выявленные повреждения на португальском корабле, разрушили сей план. В трюме обнаружилась приличная течь, так что пришлось спешно перегружать паприку на бриг. Естественно все взять не удалось и к концу погрузки настроение Ричмонда чуть ухудшилось.

– Кончай возиться! – прикрикнул он на боцмана и тот отдал команду убратся всем с «купца».

Когда днище «Авейры» было прорублено в нескольких места, Кларк с чувством исполненного долга дал сигнал к отходу. «Королева Мария» осев ниже ватерлинии, тяжело потащилась к Невису.

* * *

По прибытию в порт Чарлстаун, Ричмонд убил целую неделю на сбыт паприки. Господа негоцианты отказывались давать цену. В итоге, пересытившись торговыми пререканиями Ричмонд махнул рукой и сдал весь груз за тысячу фунтов. Он торопился. Ему срочно нужны были орудия, порох и ядра.

Кларк обошел все имеющиеся мастерские, заглянул в гарнизон и пытался дать взятку лично коменданту, но желаемого не обрел. Он уже почти отчаялся, когда один из негоциантов предложил ему четыре пушки. Когда Кларк их увидел, то обомлел. Лафеты почти сгнили, а сами стволы обильно облепленные паутиною категорически нуждались в чистке.

– Сколько? – в упор спросил Ричмонд.

– Тысяча.

– По рукам, – и он их забрал.

Вопрос с порохом решился быстро, а вот ядра пришлось отливать в мастерской, ибо калибры, после приобретения «новых» стволов значительно разнились.

Еще одной головной болью Кларка оставался набор команды. Абордаж португальца стоил ему девятнадцати человек, а это был сильный удар по и так малочисленному экипажу «Королевы Марии».

За первые дни ему удалось завербовать двадцать шесть человек. Этого было маловато. Он мечтал расшириться минимум до ста человек. Ричмонд и не мечтал одолеть «Фортуну» в артиллерийской дуэли, он надеялся на абордаж. Капитан разослал своих парней во все углы Чарлстауна. И парни приволокли из углов еще тридцать человек. Теперь у Кларка числилось восемьдесят семь человек. И на этом все – больше свободный рук на Невисе

не было. Не было, как не искали. Ричмонд с каждым новым днем все больше мрачнел. Ему уже казалось, что ненавистный Джеймс Рик где-то рядом. Ходит по пятам, наблюдает...

* * *

А Рик был действительно рядом. «Фортуна» и «Альбатрос» демонстративно встали на рейде. В порту сразу заметили двух гостей, что не захотели или побрезговали встать у причала Чарлстауна. Сотни глаз и десятки увеличительных линз буравили взглядом пришельцев. Кто-то даже умудрился и на таком расстоянии разглядеть бронзовый бриг, и вскоре весть о прибытии прославленного Джеймса Рика по прозвищу Люцифер облетала все закоулки городка.

Эта новость достигла и ушей и Кларка. Он сжал кулаки и остервенело отбросил от себя тарелку с мысом. Он пулей вылетел из таверны и почти бегом направился к своему судну. У причала его ждала шлюпка, которая и доставила его на «Королеву Марию»

– Собрать всех! – резко, на ходу бросил Ричмонд.

Боцман чуть опешил. Ему показалось, что капитан обезумел и готов кинуться в бой немедленно.

– Всех с берега на корабль! – повторил свой приказ Кларк, и только теперь до боцмана дошло.

Через час вся команда «Королевы Марии» была в сборе, хоть часть и пребывала в разных стадиях опьянения. Кларк только хотел разразиться праведным гневом, как марсовый прокричал о приближении одного из бригов. Это был «Альбатрос». Он шел ходко и вскоре обрифив паруса встал на якорь, вне досягаемости пушек Кларка. От брига отделилась шлюпка и направилась напрямик к «Королеве Марии».

– Что они там задумали? – процедил сквозь зубы Ричмонд, упер руки в бока и принялся ждать визитеров.

* * *

Денни Расвен, первым вступил на палубу предполагаемого противника. Следом за ним поднялись два матроса.

– О, кого я вижу, – растянулся в наигранной улыбке Кларк, – сам Денни Расвен к нам пожаловал. Знаменитый помощник, знаменитого капитана.

– Капитан Расвен.

– Ах, да, – продолжая ухмыляться, Ричмонд подошел ближе, – я заметил. У тебя теперь собственный бриг.

– И я приветствую Вас капитан Кларк от имени моего друга Джеймса Рика, – ответил Денни, одним пальцем дотронувшись до своей треуголки.

– Жаль... очень жаль, что от имени его, – покачал головой Кларк. – Что же сам Рик, не захотел меня видеть.

Денни игнорировал вопрос и перешел сразу к делу.

– Я прибыл сюда, чтобы обсудить условия дуэли...

– О! – воскликнул Ричмонд, – я было сам едва не кинулся вам навстречу, как только узрел «Фортуну» на горизонте.

– Превосходно, – едва заметно кивнул Расвен. – Вы желаете сами вызвать Рика на дуэль.

– Конечно! – Кларк подошел почти в плотную. – Я мечтаю!

– Ваш вызов принят, – спокойно ответил Расвен. – Раз вызывающая сторона определилась, позвольте мне как представителю вызываемого огласить условия, на которых произойдет дуэль...

Ричмонд напрягся. Он понял, что совершил ошибку и предоставил Рiku право выбора оружия. Сомнения на его лицо отразились в виде поджатых губ, но уже через секунду он

принял вальяжную позу безразличия. В принципе ему было все равно – шпага или пистолет.

– Вызываемая сторона выбирает в виде дуэльного средства – корабельную пушку, – четко отчеканил Денни, как по писанному.

Среди матросов Кларка, пробежала волна глухого ропота. Парни, явно не желали участвовать в дурной затее. Да и сам Кларк был озадачен не меньше своей команды. Однако, Расвен поспешил уточнить:

– Дуэль произойдет один на один. Стрельба с палубы. Дистанция – трехсот ярдов. У каждой стороны по три выстрела. Следовательно, только три орудия с борта судна каждого из дуэлянтов должны быть заряжены ядрами.

– У Рика железные ядра! – вскинув руку, вверх возразил Ричмонд.

– Все предусмотрено. Ядра будут обычные. Так вы согласны? – Расвен заглянул в глаза Кларку. Нет, страха он в них не увидел, но вот опасение...

– Согласен!

– Превосходно. Сэр Джеймс Рик, – капитан «Альбатроса» сделал ударение на слове «сэр», – не желает испытывать Вашего терпения капитан Кларк, и предлагает произвести обмен выстрелами, не мешкая.

– Что? Сейчас?

– Именно, капитан Кларк. «Фортуна» готова. Вам остается только отрядить трех своих людей, дабы они проследовали на наш бриг и убедились, в исполнении условий дуэли – три пушки, три чугунных ядра!

Кларк хлопнул веками.

– Ха! Чертов Рик... Гарри, Боб, Сэм, отправляйтесь с капитаном Денни и проследите там...

Названные люди вышли вперед.

– Не смею Вас больше задерживать, капитан Кларк, – едва заметно кивнул Расвен.

Неожиданно, Денни выхватил из под камзола яркий платок, и вскинул его вверх. Через пару секунд раздался выстрел с «Альбатроса». Пираты Ричмонда инстинктивно присели.

– Какого дьявола?

– Спокойнее капитан Кларк. Это всего лишь сигнал. Лишних людей Вы можете прямо сейчас отправить на берег. И поднимайте паруса, через час ждем Вашу «Королеву» на траверзе «Фортуны».

– Ага... я буду, – процедил Ричмонд сквозь зубы.

Денни Расвен развернулся и направился к трапу, вслед за ним двинулись и секунданты Кларка.

* * *

Ровно через час Денни, вместе с двумя матросами вновь поднялся на палубу «Королевы Марии», которая стояла на траверзе «Фортуны». Расстояние между будущими дуэлянтами составляло около трехсот ярдов. Что было и оговорено ранее.

– У Вас все готово, капитан Кларк.

– Все.

– Превосходно. Теперь, соблаговолите приказать оставшейся команде спуститься в шлюпки. Они могут обождать у борта моего «Альбатроса».

Ричмонд цокнул языком и отдал боцману распоряжение. Оставшиеся на борту сорок корсаров принялись спешно спускать шлюпки. На всю процедуру эвакуации ушло примерно полчаса.

– Хорошо, – качнул головой Денни, когда последняя шлюпка отвалила от борта брига. – Теперь приступим к осмотру.

– Приступайте, – хмыкнул Кларк и отошел в сторону.

Денни с двумя матросами обследовали верхнюю палубу и убедились, что все люки надежно закрыты на засовы и замки. В надстройках тоже все было чисто – ни души. Убив на

проверку добрый час, Денни наконец вернулся к скучающему капитану «Королевы».

– Все в порядке. Можем заряжать.

– Так заряжайте, – огрызнулся Ричмонд.

– Укажите какие пушки?

– Вот эти три, – Кларк ткнул пальцем.

Расвен махнул своим матросам, и они втроем принялись заряжать пушки. Ричмонд находясь чуть в стороне зорко следил за ними. Спустя почти час, когда пушки были заряжены, Денни обернулся к дуэлянту.

– Готово.

И не дожидаясь ответа, секунденты покинули «Королеву Марию».

* * *

Когда секунденты Кларка отошли на шлюпке в сторону «Альбатроса», Рик пробил протравником все три картуза и подсыпал пороху – его пушки были готовы к бою. Легкое волнение моря на рейде давало хороший шанс для прицельной стрельбы. Но Джеймс ждал...

Первым не удержался Ричмонд. Раздался выстрел. Фальшборт «Королевы Марии» окутался легкой дымкой, и чугунное ядро зарылось в воду в двадцати ярдах от корпуса «Фортуны». Бронзовый бриг чуть толкнуло и раскачало набежавшей волной. Рик вновь решил испытать судьбу. Он убрал запал от пушки и приник к фальшборту. Отчего-то он был уверен, что Ричмонд вновь промажет.

Второй выстрел не заставил себя ждать. Видимо и впрямь у Кларка сдали нервы. На этот раз ядро перелетело фальшборт и разорвалось на шканцах. Джеймс упал, вжался в доски палубы. Несколько осколков прошли совсем рядом с ним.

– Не угадал... – сказал он сам себе и метнулся к пушке.

Теперь настал его черед, хотя у Кларка в резерве еще оставался один выстрел. Но тот медлил. Уж не ликовал ли он, по поводу удачного попадания, думая, что на этом дуэль будет закончена. Если он думал так, или примерно так, то он заблуждался. Рик был жив.

Джеймс тщательно прицелился и поднес фитиль...

«Фортуна» едва заметно вздрогнула, изрыгая из ствола чугунный гостинец. Джеймс отбежал к следующей пушке и тут раздался взрыв. Рик решил добавить и второе ядро ушло к цели. Взрыв!

Пороховой дым рассеялся, и наступила тишина. Джеймс замер, в любую секунду ожидая, что пушки «Королевы Марии» вновь оживут. Но противник молчал. Рик прислушался, а затем выхватил подзорную трубу. На палубе его «визави» движения не наблюдалось. Капитан «Фортуны» тщательно ощупал линзами каждый сантиметр «Королевы Марии», но так и не нашел признаков жизни. Хлопком сложив трубу, Рик неспеша подошел к третьему стволу, прилежно прицелился и выстрелил...

* * *

Оба взрыва слились для Ричмонда в один. Горячая струя обожгла тело, с ног до головы, когда ядро разорвалось всего в пяти ярдах от него. Капитан Кларк упал на спину, и тут же раздался еще разрыв... Мир перестал существовать. Не было слышно ни волн, ни крика чаек. Пустота. Долгая и пугающая.

Ричмонд ждал чуда. От кого угодно. От Бога, от дьявола, от Посейдона... Но ответом ему была лишь тишина.

Слух вернулся к нему, лишь на миг, и только затем, чтобы вновь услышать вой ядра и взрыв! Это чудовищно, но! Кларк видел, как чугунный шар раскололся на части и большой осколок устремился к нему...

Кусок металла снес ему голову.

Интерлюдия к эпилогу

Карибское море, остров Тортуга, город Кайона, французская колония, январь 1687 года

...Этого человека он видел второй раз в жизни. Первый – мельком, в Ватикане, сразу после торжественного рукоположения отца Джулио Орсини. Тогда он был в полном облачении, и выглядел не в пример внушительнее и солиднее, чем это чудо в комзоле шитом на человека вдвое толще и на голову выше, простых, потрепанных снизу штанах и башмаках прямо на босу ногу, которые видели и лучшие времена. Судя по фасону, это были времена Великой Римской империи. Или даже Римской республики. Впрочем, весь этот маскарад ничуть не умалял значения встречи. И если сам епископ, отец Витторио счел нужным появиться в кабачке Мамаши Мадлон в облинии лаццарони, значит, причины для этого были.

А взгляд у него не изменился: карие глаза из-под отросших, спутанных волос, скрывших тонзуру, смотрели пытливо, словно хотели проникнуть под крышку черепа стоящего перед епископом человека, и разобраться, что за мысли у того в голове, правильные ли это мысли, полезные ли делу. Этого взгляда многие не любили и боялись. Впрочем, с тем, кто стоял напротив, взгляд не работал, и это знали оба. С ним бы не сработала ни дыба, ни испанский сапог, ни угроза аутодафе. Стоящий напротив спокойный, аккуратно одетый, похожий на лекаря мужчина был непроницаем для отца Витторио.

– Кардинал весьма доволен твоей работой в этом деле с карибским кладом, – произнес отец Витторио. Эти слова, открывающие путь к блестящей карьере, оставили собеседника совершенно равнодушным. Он лишь кивнул, полагая, и справедливо, что это еще не конец речи. Это даже не середина... Для того, чтобы привезти похвалу, пусть даже похвалу кардинала, такие люди как отец Витторио не едут на край света, да еще на палубе...

– Мне жаль, что не удалось наложить руку на весь клад Ферье, – произнес он в ответ, – Католическая церковь получила лишь долю госпожи Коломбы. Впрочем, она весьма значительна.

– Не скромничайте, Лоренцо. Это огромные деньги и самое значительное финансовое поступление в нашу кассу Бог знает за сколько лет. Кстати, кому досталось остальное?

Лоренцо про себя усмехнулся, но внешне остался абсолютно невозмутим. Насмешка над епископом могла стоять не только карьеры, но и головы.

– Карлос Кастильяно, граф де Сильва. Их владения...

– Неинтересен, – перебил отец Витторио, – дальше.

– Госпожа Нортон, англичанка. Ее отец очень успешный негодант.

– Небезнадежно, – прокомментировал епископ.

– И князь здешней оторви-да-брось братии – пират Джеймс Рик.

– Очень перспективно, – после секундного раздумья определил епископ, – пожалуй, Лоренцо, вам имеет смысл заняться этими двумя – Нортон и Риком.

– Одному?

– Не в коем случае. Орден выделит вам в помощь брата, с которым вы уже работали в Марселе.

– Он хорош, – согласно кивнул Лоренцо, – но в таком деле больше подошла бы сестра.

Отец Витторио вскинул брови и задумался где-то на полсекунды.

– Та, которую вы сами рекомендовали в последний раз, вас устроит?

– Она же принесла клятву совсем недавно, – удивился Лоренцо, – чему ее успели научить?

– Сестра Кармела очень способна, – с улыбкой возразил епископ, – к тому же, у нее был отличный наставник... и есть личная заинтересованность в этом деле. Это может помочь.

– А может и помешать...

– Я не пойму, вы что-то имеете против участия вашей собственной ученицы? –

сощурился отец Витторио. Голос его похолодел ровно на полградуса. Тому, кто знал епископа – вполне достаточно, – чем вас не устраивает эта женщина?

Лоренцо на мгновение прикрыл глаза. И спокойно, подчеркнуто спокойно ответил:

– Я не имею ничего против сестры Кармелы. Как и против брата Джакомо. Но в таком случае нам обязательно нужен четвертый. Классическая схема: две пары – один работает, второй прикрывает.

Епископ согласно покивал. Он прекрасно понимал, о чем говорит Лоренцо. В отличие от многих других князей церкви, отец Витторио не родился князем, и к своему нынешнему положению пробивался с самого низа. Путь был долгим и, местами, кровавым. Он вполне понимал солдата Ордена.

– У Рика ведь, кажется, есть враг?

– У него БЫЛ враг, – ответил Лоренцо, – враги таких людей, как Рик, долго на свете не заживаются.

– Ай, как некстати! И что же с ним случилось?

– У них была очередная дуэль.

– И этот господин... кажется Ричмонд Кларк, заколот шпагой?

– О нет, не так банально. Он застрелен. Из пушки. Дуэль была на корабельных орудиях, и вместе с Ричмондом к морскому дьяволу отправились человек двести.

– Достойная свита, – отец Витторио цокнул языком с явным одобрением и не без оттенка зависти, – что ж, значит, так было угодно Господу. Видимо, господин Кларк завершил свой земной путь и перестал быть интересен Высшим силам. Но вам, действительно, нужен четвертый. Кто-то не принадлежащий ордену. Кто-то, перед кем у святой католической церкви нет никаких обязательств... Кто-то... возможно, даже не католической веры. Вы понимаете?

– Расходная карта, – кивнул Лоренцо.

– Вы понимаете, – подтвердил отец Витторио, – Мой вам совет, Лоренцо, поищите среди врагов Рика. Вряд ли такой человек успел к тридцати годам занять только одного врага. Наверняка найдется кто-то еще, кого он обделил при дележе, увел женщину, унизил при свидетелях. Я вам даже немного подскажу, где искать. Наши французские коллеги очень недовольны его боевыми усовершенствованиями и его «Фортуной». Здесь много французов. Возможно, кто-то из них пожелает поучаствовать в святой миссии, получить полное прощение от Луи и заодно отомстить.

– Благодарю вас. Я обязательно воспользуюсь вашим советом, – Лоренцо низко склонился, целуя перстень епископа, и качнувшиеся вперед пряди волос обнаружили отсутствие левого уха.

Эпилог

Средиземное море, подле острова Корсика, май 1688 года.

...Море здесь было прозрачным и цветные блики, рассыпанные по воде, не резали глаза, а лишь слегка щекотали ресницы. И небо было пронзительно чистым, не таким томным и насыщенным, как то, что нависало над Карибами. И ветра здесь были мягче. Средиземное море не знало жестоких бурь, в которых гибли целые флотилии. Ну, почти не знало...

А люди... Люди везде были одинаковыми: жестокими и ненасытными. В каждом «двуногом без перьев», исключая ощипанную курицу, уже с рождения дремал крокодил.

Господь изгнал первых людей из рая не потому, что, вкусив запретного плода, они нарушили договор. Господь мудр. Он первым прозрел ту ненасытную жажду, которой сатана наполнил сердца Адама и Евы. Ту прорву, которая поглотила бы и райский сад со всеми его чудесами и не насытилась бы ни на йоту!

Зло свершилось. На смену «золотому» веку пришел «железный». И с тех пор идут об руку золото и сталь, и от их поступи сотрясаются континенты, гордые падают на колени, а

робкие встают с колен, чтобы ударить в спину. И конца этому нет, и не будет, пока горит над миром солнце цвета золота и обнимает материки море, цвета стали.

Странно, но так думала женщина, неподвижно стоявшая на шканцах «Аквилона», небольшой трехмачтовой шхуны, несколько дней назад отошедшей от цветущих берегов Сицилии. Знойный день расправил свои крылья, но женщина не страдала от жары и влажности. Впервые за много лет она дышала полной грудью. На ее впалые щеки вернулся румянец, казалось, навсегда отнятый болезнью. Выходит, права была графиня де Сильва, нет такой беды, чтобы пришла навсегда?

Она была очень хрупкой, эта уже далеко не юная, но ошеломляюще красивая дама, и весь ее облик, казалось, больше принадлежал миру бесплотных теней, чем земле. Тонкими, длинными пальцами, она то и дело трогала небольшой серебряный крестик, висевший, вопреки обычаю и моде, поверх платья, а глаза ее неотрывно глядели на серую точку на горизонте. Ей было сильно не по себе. Женщина знала слишком много, чтобы успокаивать себя сказками. Это был парус. Чей? Гадать бессмысленно. Тунис, Алжир, Египет, Марокко... все одно. Зеленое знамя Пророка уверенно теснило бело-желтый флаг с ключами святого Петра. Христианину, попавшему в цепкие когти «морских ястребов» судьба предоставляла не слишком богатый выбор: рабство или смерть, причем неизвестно, что хуже. А у женщины, стоявшей на шканцах и неотрывно наблюдавшей за горизонтом не было и этого выбора. Волей Господа и того, кто говорил с ней Его именем, она должна была предпочесть рабство. Какие бы унижения и страдания оно не влекло. Она должна была любой ценой выжить, потому что ее жизнь, с недавнего времени, принадлежала не ей и имела особую ценность во дворце Джезо.

– Не бойся, дочь моя. Они не посмеют напасть, – голос, по-старчески дребезжащий вторгся в ее мысли. И так в них было немного порядка, теперь они окончательно спутались. Женщина обернулась.

Этого человека она знала. Вернее «знала» – не то слово. Видела, так было вернее. Они плыли вместе от самой Сицилии, но еще ни разу не говорили друг с другом. Впрочем, она часто видела его, неподвижно стоящим на палубе и созерцающим море. Возможно, он думал о чем-то... Или молился... Потому что человек этот был священником.

Высокий, худой, видимо, очень старый, он двигался осторожно. Из под капюшона выбивалась совершенно белая прядь волос. Женщине никогда не удавалось разглядеть больше. А сейчас она различила лишь темный силуэт и простое деревянное распятие на груди – священник стоял спиной к солнцу.

– Почему вы так решили, святой отец? – спросила она, забыв поздороваться.

– Господь не допустит, – уверенно ответил старик, прикасаясь к массивному кресту.

– Господь допускает и худшие злодеяния, – возразила женщина с неожиданной яростью и, испугавшись своей вспышки, быстро добавила, – чтобы испытать и укрепить нас...

– Вы вспомнили о том, что случилось месяц назад? – спросил старик вместо суровой отповеди.

На мгновение женщина прикрыла карие глаза, которые выдали ее так некстати. Когда она вновь заговорила, голос звучал ровно.

– Отец мой, вы читаете в моей душе, как в открытой книге. Я действительно думала о том, что случилось с одним из самых достойных сыновей католической церкви, отцом Джулио Орсини. Я узнала о случившемся совсем недавно, почти перед самым отплытием. Гнев – греховное чувство, но я не могу ничего с собой поделать, я испытываю гнев. И даже не стыжусь этого! Зачем Господь допустил такое, в чем был скрытый смысл?! Я не понимаю этого! Я знала отца Джулио много лет...

– Еретики опасно взбудоражены, – в раздумье проговорил священник. Казалось, он не заметил вопроса, – ходят слухи о заговорах и тайных обществах. Неудивительно, что в такой напряженной обстановке страстный отец Джулио сподобился мученического венца. Взбунтовавшиеся крестьяне утопили его в колодце, но перед этим потребовали, чтобы он

спел все еретические псалмы, которые знает. И, говорят, обещали жизнь, если он подчиниться. Кстати, я этому верю. Люди, которые работают на земле, редко бывают беспричинно злобны. Труд крестьянина благ по определению.

– Но отец Джулио, конечно, не подчинился? – взволнованно спросила женщина, несколько удивленная холодностью и цинизмом старого священника.

– Вы совершенно справедливо назвали его достойным сыном католической церкви. Разумеется, он не подчинился. Он, бедняга, не знал ни единой еретической песни. Когда вера идет об руку с невежеством, на земле рождается святой. Надеюсь, его канонизируют.

Женщина вскинула глаза в немом изумлении. Спутник ее по-стариковски рассмеялся.

– Я вас удивил?

Он не добавил привычного «дочь моя», подчеркивая «светский» характер беседы. Женщина с запозданием сообразила что, вероятно, судьба свела ее с одним из высших иерархов церкви, возможным, доверенным лицом самого папы. То, как пренебрежительно он отозвался о простом миссионере, обличало в нем важную фигуру. Причем из тех, кто политику ставит выше веры, а расположение папы ищет прежде царствия небесного. Женщина хотела уже резко оборвать разговор, но старик сделал пару шагов в сторону, невольно перегородив ей дорогу.

– Если заступничество Господа не может развеять ваши страхи, возможно, это удастся мне? – сказал он, – Взгляните внимательнее, корабль уже виден. Судя по высоте кормы и неглубокой осадке – это тунисская гребная галера и она не несет тяжелого вооружения. С нашими шестью пушками мы можем быть совершенно спокойны. Они не посмеют напасть, закон Пророка тоже не поощряет бессмысленного самоубийства.

Спутница священника повернулась, вглядываясь в стройный силуэт корабля-преследователя. Теперь она стояла вполоборота, и в косых лучах солнечного света ее красное бархатное платье казалось почти черным, а золотые волосы с красноватым отливом вспыхнули как нимб. Святой отец смотрел на нее жадно, не отрываясь, и не обращая никакого внимания на тунисскую галеру.

– Вы так хорошо разбираетесь в кораблях? – спросила женщина.

– И в них тоже... И в том, что в этих водах, называют этим словом, – кивком подтвердил священник.

Женщина уже давно, со странным напряжением вслушивалась в голос своего спутника. А когда он заговорил о кораблях, напряжение перешло в лихорадку.

– Вы что-то хотите спросить, дочь моя?

Вдох то ли облегчения, то ли разочарования был ответом. Женщина слабо улыбнулась.

– Когда вы заговорили о море, о кораблях... Я ошиблась, святой отец. Это была жестокая шутка моей больной памяти. Ваш голос на мгновение напомнил мне голос друга. Он погиб в Вест-Индии несколько лет назад от руки религиозного фанатика, как и отец Джулио.

– Достойная смерть, – кивнул священник без ерничества, – вероятно, и жизнь вашего друга была такой же достойной?

– Не знаю, – тихо проговорила женщина, – я не судья тому, кто спасал мне жизнь не единожды.

Она отвернулась, утратив интерес к светской беседе. Бледное лицо ее застыло, утратив живость и сразу став на несколько лет старше. Тугой парус «Аквилона» выгибался над их головами, забирая ветер. С мягким журчанием отлетала назад кильватерная струя. Посвежело, и этот новый ветер был союзником «Аквилона», ровным попутным бризом. Парус тунисской галеры, еще недавно пугающе близкий, снова отдалился. Верно, глаза у ее капитана были не хуже, чем у священника-христианина. Он рассмотрел шхуну как следует и, надо думать, увидел все, что должен был увидеть. Пират прекратил погоню.

Но женщина этого даже не заметила. Она смотрела прямо перед собой, но ничего не видела, утонув в прошлом. Священник наблюдал за ней с состраданием.

Потом быстрым, внимательным взглядом, почти не поворачивая головы, обшарил

палубу «Аквилона» и, убедившись, что никого из пассажиров по-прежнему нет, он снял деревянное распятие и протянул своей спутнице.

– Во имя Иисуса я поражу дьявола, – негромко произнес священник. Голос его странно изменился. Старческое дребезжание пропало. Теперь он звучал молодо и властно.

Женщина замешкалась лишь на секунду.

– И да пребудет благодать на моем мече, – эхом откликнулась она. Тонкие пальцы мгновенно нащупали потайную пружину, надавили, и распятие с сухим щелчком распалось на две половины. Внутри, где обычно помещали мощи святых, холодно темнел узкий кинжал. Женщина быстро захлопнула распятие и возвратила спутнику со словами:

– Я готова служить истинной вере и вам, отец.

Нервозность ее пропала. Да и в самом ли деле эта холодная, спокойная дама только что была охвачена тревогой, гневом, печалью? Священник глядел на нее с явным одобрением.

– Вы можете звать меня отец Доминик, пока я в облачении. Когда я предстану перед вами в мирском платье, вы будете называть меня Лоренцо. А все иные – Ваша Светлость.

– Лоренцо, – повторила она.

– Князь Лоренцо да Манчино. Вы – моя супруга и ваше имя – Джованна.

Внезапно тонкая, сухая рука женщины крепко схватила священника за запястье и карие глаза вцепились в неподвижное лицо.

– Кто вы? – потребовала она.

– Опомнитесь, дочь моя, – проговорил отец Доминик тихо, не пытаясь освободиться, – воины Иисуса не называют друг друга своих имен.

– Я не спрашиваю вашего имени. Я хочу знать – кто вы!? Я не могла так обмануться. Если вы мне немедленно не ответите... клянусь Богом, я сейчас брошусь за борт. И моя смерть будет только на вашей совести. Да отвечайте же вы, наконец! Или вы и вправду хотите моей смерти?

– Успокойтесь, госпожа, – проговорил священник и с тихим смехом добавил, – я знал, что не смогу долго водить вас за нос. Вы для этого слишком умны, моя голубка.

– Боже! – сдавленным шепотом воскликнула графиня де Сильва.

– Только не вздумайте упасть в обморок, – предостерег Ухо, – лишняя суета нам совсем ни к чему.

Она торопливо закивала, не отводя сияющего взгляда. И Ухо, улыбаясь своей особой, сдержанной улыбкой, откинул на секунду капюшон, чтобы Коломба де Кастильяно, Франческа Колонна, сестра Кармела, а ныне княгиня Джованна да Манчино окончательно убедились, что перед ней не призрак.

Конец второй книги.

Краткий словарь морской терминологии

Абордаж – способ ведения морского боя в эпоху гребного и парусного флотов, заключающийся в сближении кораблей вплотную с целью овладения ими посредством рукопашной схватки.

Аврал – работы на судне выполняемые одновременно всеми членами команды. (снятие с якоря, постановка парусов и т.д.)

Бак – надстройка в носовой оконечности судна, начинающаяся от форштевня. Служит для защиты верхней палубы.

Бакштаг – курс парусного судна относительно ветра, когда угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет более девяноста но менее ста восьмидесяти градусов. Бакштаг называют полным, если указанный угол превышает сто тридцать пять градусов. И крутым, если он менее ста тридцати.

Батарейная палуба – палуба, на которой размещались корабельные орудия.

Бейдевинд – курс парусного судна, когда угол между направлением движения судна и

направлением ветра составляет менее девяноста градусов.

Бизань-мачта – кормовая мачта парусников, а также – нижний треугольный парус на бизань-мачте.

Борт – боковая стенка корпуса судна от форштевня до ахтерштевня и от днища до верхней палубы.

Брамсель – прямой парус на брам-стеннге.

Брамсельный ветер – постоянный ветер, без резких порывов, при котором ставили и верхние паруса.

Брасопить – поворачивать паруса по горизонтали при помощи тросов – брасов.

Бриг – парусное двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Бриз – легкий ветер, который в течение суток меняет свое направление.

Бушприт — часть парусного вооружения. Брус, выступающий наклонно впереди носа корабля.

Ванты — часть такелажа, которыми укрепляются мачты и стеньги с бортов судна.

Галеон – парусный военный корабль, распространенный в Англии, Испании, Франции, с мощным артиллерийским и парусным вооружением.

Галс – курс судна относительно ветра. Сделать галс – пройти одним галсом, не поворачивая. Лечь на другой галс – повернуть судно.

Галфвинд — курс судна, при котором угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет девяносто градусов.

Грот-мачта – вторая мачта на судне, считая от носа.

Дек – палубы на судне.

Каракка – крупное военное или торговое судно.

Карронада – короткое орудие большого калибра, установленное на неподвижном станке.

Картуз – хлопчатобумажный мешочек, цилиндр с дозированной нормой пороха, для одного выстрела.

Корвет – военное парусное судно с прямыми парусами. Вооружение 16-30 орудий.

Книппель — снаряд, употреблявшийся для повреждения парусного вооружения (рангоута и такелажа). Состоял из двух ядер или полужер, соединенных между собой цепью.

Марс – небольшая полукруглая или круглая площадка на мачте корабля.

Пинас – торговое судно по своим очертаниям несколько напоминавший флейт, но значительно отличавшийся от него менее вогнутыми шпангоутами и плоской кормой. Длинной пинасы до 45 м. Водоизмещением от 150 до 700 тонн. Вооружение 10-20 орудий.

Рифить паруса, брать рифы – уменьшать площадь паруса при помощи рифов.

Склянки – удар корабельного колокола. Склянки отбивали каждые полчаса.

Стеньга – вертикальный брус, наращиваемый на мачту, увеличивающий ее высоту.

Трап — все виды лестниц на судах.

Такелаж — общее название всех снастей на судне. Различается стоячий и бегучий такелаж. Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении. Бегучий – для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

Шканцы – часть верхней палубы между баком и ютом.

Шкафут – часть палубы около бизань-мачты, где был расположен штурвал.

Шхуна – легкое военное или торговое судно с косыми парусами.

Шебека — тип средиземноморского судна. Небольшое, длиной 25-35 метров судно, с сильно выдвинутым форштевнем и далеко за корму выступающей палубой. Эти суда вооружали 16-24 пушками.

Шнява – небольшое двухмачтовое судно с прямыми парусами и бушпритом. Военные шнявы – шлюпы имели вооружение до 20 орудий, экипаж ок. 90 чел.

Фальшборт – на парусных судах, конструкция с подпирющим набором, используемая на верхних палубах в целях ограждения и уменьшения воздействия волн и

ветра. При размещении на верхней палубе орудий, порты делались непосредственно в фальшборту.

Фок-мачта – первая мачта на судне, считая с носа.

Фок – нижний прямой парус на фок-мачте.

Флейт – трехмачтовое парусное судно, с хорошими мореходными качествами. Вооружение 10-20 орудий.

Ют – кормовая надстройка судна.

Ярд – английская мера длины. 1 ярд – 0,91 метра.